

Коркина

слобода

Краеведческий альманах

Выпуск третий

Ишим - 2001

Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 3 - 2001
Электронная версия - www.ershov.ishimkultura.ru

В.А.Комаровский. Донская икона Божией Матери. 1918-1919 гг.

Администрация г.Ишима
Ишимский краеведческий музей
Ишимский государственный педагогический институт
им.П.П.Ершова

Коркина слобода

Краеведческий альманах

Выпуск третий

Ишим - 2001

*Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 3 - 2001
Электронная версия - www.ershov.ishimkultura.ru*

ББК 63.3 (253.3)
К 66
УДК 908.571.12

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ишимского государственного педагогического института им.П.П.Ершова

Редакционная коллегия: Т.П.Савченкова (главный редактор)
Н.П.Кузовкова
Н.А.Проскурякова

Рецензент: доктор исторических наук,
профессор В.Г.Истомин

К 66

Коркина слобода. Историко-краеведческий альманах. - Ишим: изд-во ИГПИ им.П.П.Ершова, 2001. - 160 с.

Третий выпуск "Коркиной слободы" включает в себя статьи, очерки, письма, воспоминания, фотоматериалы, относящиеся к истории Ишима и Приишимья. Альманах адресован широкому кругу читателей.

ISBN 5-700142-19-1

© ИГПИ им.П.П.Ершова, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

На первой
стр.
обложки:
Ишим. Вид
на
городскую
Управу и
Богояв-
ленский
собор.

ИСТОРИЯ
И КРАЕВЕДЕНИЕ
ПРИИШИМЬЯ	5	Фролов Л.В.
Ишимская краеведческая
легенда - явление
провинциальной культуры
	9	Малышев В.Н.
Загадки Чигирима
	13	Коньков Н.Л.
Ярмарки и торжки
Ишимского уезда
	22	Курышев И.В.
Крестьянское восстание
1921 года в Ишимском уезде:
облик и поведение участников
	35	Кузурманов Г.П.
Кузнечная площадь
(заметки старожила)
	42	Копылов В.Е.
Ишимский участок железной
дороги: история
в фотографиях
	47	Маракулина О.Н.
История бронепоезда
«Патриот»
КУЛЬТУРА
КРАЯ	51	Лебедева Н.И.
Православные храмы Ишима
	54	Савченкова Т.П.
Резные узоры (некоторые
особенности ишимского
домового декора)
	56	Проскурякова Н.Л.
Художник Владимир
Алексеевич Комаровский

	60	«Необыкновенно яркие здесь звезды...» Письма В.А.Комаровского к В.Ф.Комаровской 1925-1928 гг. Публикация и комментарии А.В.Комаровской (Москва) и Т.П.Савченковой (Ишим). Вступительная заметка Т.П.Савченковой
ЛИКИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО	109	Романюта О.Н. Новые штрихи к биографии писателя В.В.Медведева
	111	Филь С.Г. Витольд Игнатьевич Шадурский
МУЗЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ	117	Крамор Г.А. Равнецкий школьный музей
ЖУРНАЛЫ ЛЕТ МИНУВШИХ	123	Черняковский Н.М., Штейнгейль В.И. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии (окончание)
ПЫТЛИВЫЙ ПОСОХ СТРАННИКА	145	Крамор Г.А. У таежных робинзонов
СТРАНИЦЫ МЕМУАРОВ	149	Калинина М.Ф. Времена. Люди и судьбы
ВКРАТЦЕ ОБ АВТОРАХ	159	

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ ПРИИШИМЬЯ

А.В.ФРОЛОВ

Ишимская краеведческая легенда — явление провинциальной культуры

В последние годы в русской сибирской провинции наблюдается все возрастающий интерес к разного рода краеведческим изысканиям. Прежде всего это касается истории родного края, что может быть связано с определенной деидеологизацией исторической науки. Принципиально новую оценку получают многие события «дней минувших» (история до 1917 г., революция, гражданская война и т.п.). Достоянием общественности становится множество ранее неизвестных (или «закрытых») сведений и фактов.

Проводятся также исследования в области географии, этнографии, экологии «малой родины». Можно с уверенностью утверждать, что, как наука, вполне оформилось литературное краеведение. Полагаю, что предмет, рассматриваемый в данной статье, находится на стыке «исторического» и «литературного» краеведения. Это такое малоисследованное явление как ишимская краеведческая легенда. Целый ряд особенностей, которыми она обладает, делает ишимскую краеведческую легенду понятием во многом уникальным. Ее, без преувеличения, можно назвать и культурологическим феноменом.

Как известно, в литературоведении даются два отличающиеся друг от друга определения жанра легенды как такового. Первое: легенда - это вошедший в устную традицию рассказ, в основе которого лежит чудо, фантастический образ или представление, воспринимающееся рассказчиком или слушателем как достоверное. Легенда в ряде случаев сближается с преданием, но, в отличие от него, всегда фантастична по содержанию. Другое - современное, обиходное определение легенды звучит так: легендой называют, независимо от жанра, произведение, отличающееся поэтическим и «сверхъестественным» вымыслом и одновременно претендующее на некую достоверность в прошлом (1, с.177).

Являясь краеведом и не вдаваясь глубоко в литературоведческую проблему жанровых дефиниций легенды, хочу все же предположить, что понятие «ишимская краеведческая легенда» укладывается скорее именно во второе из двух вышеприведенных определений. По ряду своих особенностей ишимская краеведческая легенда во многом близка так называемым «крымским легендам», сборники которых не раз переиздавались в дореволюционный период и в советское время и были распространены в специфической среде курортников. Крымские легенды обычно имели «привязку» к объектам «своего» ландшафта - горам, скалам, древним руинам и т.п. В окрестностях Ишима имеется целый ряд интересных ландшафтных памятников - живописных урочищ, курганов, озер (Синицынский бор, возвышенность «Ласточкино гнездо», озеро Мергень и др.). Но утверждать, что эти природные объекты овеяны легендами, нельзя. Могут быть названы разве только единичные, например, легенды о названии реки Ишим, не имеющие, кстати, прямой связи с

конкретной местностью. Даже с известной в Среднем Приишимье Кучум-горой не связано ни одного достаточно распространенного предания.

Такая «ненасыщенность» легендами ишимского ландшафта может объясняться двумя причинами. Первое: освоение края русскими имело место во вполне обозримом прошлом — в конце XVII века. До этого лесостепное Приишимье практически не было заселено. Следовательно, до прихода русских здесь практически не было других носителей фольклора и того, что принято называть «исторической памятью». И второе: Сибирь никогда не являлась зоной туризма и отдыха. Не секрет, что жанр легенды наиболее активно поддерживается и «подпитывается» именно туристами. Нелишне будет привести весьма красноречивое признание автора «Описания Тобольского наместничества» (XVIII век): «Знаменитых по историческим происшествиям урочищ, монастырей и пустыней в Ишимском округе не имеется» (2, с.109).

Отсюда происходит первая, на наш взгляд, важная особенность ишимской легенды: она связана, как правило, с объектами именно городской, а не природной среды. Другая особенность заключается в том, что действие ишимской краеведческой легенды происходит обычно в совсем недалеком прошлом (2-я пол. XIX — нач. XX вв.), т.е. это относительно «молодая» легенда. В ней отчетливо слышны отголоски вполне реальных исторических событий. Ряд «преданий» напрямую связан с конкретными историческими персонажами. То есть не менее важные особенности данного жанра — историзм и своеобразный «реализм». Можно выделить еще такую особенность, как идеологическая направленность ряда ишимских краеведческих легенд, то есть данный жанр не избежал умонастроений эпохи. Что касается собственно определения «краеведческая» легенда, то объяснение предлагается следующее.

подавляющее большинство ишимских легенд в 50-70-е гг. XX века публиковались в местной и региональной печати, а также доводились до общественности разного рода «лекторами» под видом вполне научных краеведческих изысканий. В качестве примеров предлагается анализ нескольких легенд. «Образцом» ишимской краеведческой топографической легенды могут служить повествования об ишимских катакомбах — подземных ходах в исторической части города. Автор не раз слышал эти легенды еще в детстве, со ссылкой «на старожилов». Эти рассказы можно услышать и сейчас. В них наиболее часто упоминаются три значительных сооружения старого Ишима — Богоявленский собор (1793 г.), «Тюремный замок» (1858 г.) и Духовное училище (1886 г.). Они то все вместе, то попарно якобы соединены подземными ходами по типу римских катакомб. Намного реже упоминаются два других старинных здания — «дом Перминова» и «дом Волкова», между которыми тоже будто бы существует подземный ход. Римские катакомбы, как известно, служили местом погребения жителей «вечного города». В некоторых версиях ишимской легенды также упоминалось о горах человеческих костей, заполняющих подземные пустоты, — останках жертв эпидемии тифа, разразившейся в Ишиме во время гражданской войны.

Легенда о подземных ходах, безусловно, содержит в себе зерна истины. Богоявленский собор, Духовное училище и «Тюремный замок» — действительно самые большие и старые здания нашего города. В этом отношении они являются весьма подходящими «субъектами» легенды. Эпидемия сыпного тифа действительно настигла Ишим в годы гражданской войны. Что касается собственно подземелий, то их существование было убедительно опровергнуто после открытия свободного доступа в Богоявленский собор (в связи с возвращением его православной церкви в 1988-1989 гг.), а также после проведения масштабных земляных работ (прокладка коммуникаций) в районе Соборной площади и ул.Ленина немногим ранее.

Демонстрировавшийся посетителям в течение ряда лет «вход» в подzemелья из подвала пединститута оказался на самом деле внутренней лестницей на первый этаж этого здания.

Со старинным зданием Духовного училища (пединститута) связана еще одна легенда, которая может быть отнесена к разряду «идеологически направленных». В ней идет речь о пребывании в Ишиме Л.Х.Попова (1881-1919). Это видный деятель революционной эпохи, один из организаторов Советского Красного Креста (3, с.253). Согласно легенде, Л.Х.Попов прибыл с эпидотрядом в Ишим в 1919 году, работал в госпитале, расположенном в здании Духовного училища, сам заболел тифом, от которого и скончался, похоронен в Ишиме. Легенда была особенно популярна в 70-е гг. Тогда на «новом» городском кладбище был установлен памятник Л.Х.Попову, самый здесь запоминающийся и выразительный. Но в 80-е гг. выяснилось, что документов, подтверждающих пребывание Л.Х.Попова в Ишиме, нет. Недостоверными оказались также сведения о погребении Попова на «старом» городском кладбище, откуда прах его был перенесен на новое. Видимо, все это и привело к тому, что в 80-е гг. мемориальная доска на здании ИГПИ, посвященная Л.Х.Попову, была демонтирована.

В Ишиме имеется замечательный историко-архитектурный памятник — деревянная Покровская церковь (в районе ж.д. станции). С церковью связана также имеющая идеологический подтекст легенда о том, что этот храм был построен по личному распоряжению «самого» В.И.Ленина. Действительно, устные свидетельства указывают на год постройки церкви — 1925 г. То есть Покровский храм был выстроен в первые годы Советской власти — и в этом его уникальность. Легенда о «ходаках-железнодорожниках» возникла в свое время как вариант некогда хрестоматийной легенды-были о «ходаках к Ленину». «Декрет» или разрешение на возведение церкви с подписью Ленина, полученный железнодорожниками, якобы до сих пор хранится в Покровском храме в качестве своеобразной «реликвии». Конечно же, все попытки где-либо обнаружить «декрет» не увенчались успехом. Тем не менее, легенда до сих пор постоянно «подпитывается»: кто-то периодически указывает на людей, которые якобы видели знаменитый документ. Таким образом, происхождение данной легенды напрямую связано с постройкой церкви именно в послереволюционный период.

Появление некоторых краеведческих легенд связано с именами конкретных создателей. В частности две легенды «биографического» характера принадлежат перу известного в Ишиме в 60-е гг. XX века поэта П.Машканцева. Он занимался в свое время не только поэтическим творчеством и журналистикой, но и краеведением. Свои краеведческие статьи П.Машканцев публиковал на страницах «Ишимской правды» и даже в журнале «Урал». Эти статьи содержат немало сведений о старом Ишиме, уже известных тогда общественности. Но в то же время публикации изобилуют разного рода неточностями, анахронизмами, ссылками на несуществующие документы, авторскими домыслами. Можно только предположить, что в 60-е гг. все это считалось вполне допустимым. Многие «данные» из краеведческих изысканий П.Машканцева перешли впоследствии в работы литературоведов и стали, таким образом, частью науки.

Два из вышеупомянутых произведений П.Машканцева посвящены пребыванию в Ишиме А.И.Одоевского и А.П.Чехова.

О жизни А.И.Одоевского в Ишиме известно немного. В работах литературоведческого и биографического характера упоминается о дружеских отношениях поэта с польским ссыльным А.Янушкевичем, которому Одоевский посвятил свое стихотворение. Вспомним эти строки: «И что осталось в память солнца южного? / Одну

лишь ветку ты хранил / С могилы Лауры: - полный чувства дружного, / И ту со мною разделил! (4, с.103).

В своем рассказе о дружбе Одоевского и Янушкевича, в дополнение к известным фактам, П.Машканцев многое домыслил, раскрасил действие красками своей фантазии, в результате его краеведческая работа воспринимается сейчас как по-своему трогательная краеведческая легенда. В приведенном выше отрывке стихотворения присутствует «ветка Лауры» - образ скорее условно-поэтический, нежели конкретный. У П.Машканцева он трансформируется во вполне реальную ветку дерева, причем даже не в «кипарисовую», а в дубовую, привезенную в Ишим Янушкевичем из Авиньона. Из желудей вырастают молодые побеги. Друзья сажают их в сибирскую землю... «...Шумят на берегу Ишима два могучих красавца-дуба. Народ приходит к ним, чтобы поклониться, чтобы отдать долг памяти декабристов» (5, с.177). Кстати, писатель В.Осетров в своей новелле «Ветка Лауры» «посадил» желудди от нее не на берегу Ишима, а на Кавказе — на могиле самого А.И.Одоевского (6). Таким образом, легенда о «ветке» оказалась связана не только с нашим городом.

А вот рассказ об «остановке» А.П.Чехова в Ишиме в 1890 г. Здесь мы находим «ссылку» на письмо А.П.Чехова к М.П.Чеховой: «Попадают интересные места, такие как городок «И.» («Под зашифрованной буквой мы узнаем наш Ишим»). Далее повествуется о том, как писатель «остановился на почтовом дворе, где менялись «транзитные» лошади». В свой рассказ П.Машканцев включил все известные к тому времени сведения о старом Ишиме. Мы читаем, как в Ишиме Чехов побывал и в «Духовной бурсе», в «земской больнице», в «бараках ссыльных» и даже в «купеческом кинотеатре «Модерн». В статье упоминается ишимский врач К.Д.Даниель, якобы сосланный сюда в 1883 г. «царским правительством за неповиновение военному командованию крейсера «Украина» (!!!).

А вот трогательная сцена прощания А.П.Чехова с Ишимом. «Возле гостиницы, которая находилась на Встретинской улице... ждала тройка. В фаэтон были впряжены лучшие почтовые лошади купца Василия Волкова. Антон Павлович положил вещи. Увидев стоящего поодаль Даниеля, бросился к нему. «Прощай, батюшка! — сказал он. — Даст Бог тебе счастья!..» Долго смотрел вслед своему коллеге Даниель, вытирая платком слезы» (7, с.3).

К числу менее известных краеведческих легенд относятся повествования о посещении Ишима А.Гумбольдтом, о спиритических сеансах в доме полковника Лебединцева, о подробностях пребывания в Ишиме адмирала А.В.Колчака и ряд других. В данной статье сделана первая попытка анализа ишимских краеведческих легенд. Это интересное явление провинциальной сибирской культуры еще ждет своих исследователей.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1. Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987.
2. Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск, 1982.
3. Большая медицинская энциклопедия в 30-ти тт. — М., 1983. — Т. 20.
4. Одоевский А. Стихотворения. — М, 1982.
5. Машканцев П. История одной улицы // Урал, 1964. - N 10.
6. Осетров Е. Ветка Лауры. — Владимир, 1960.
7. Машканцев П. Чехов в Ишиме // Ишимская правда, 1965, 29 июля.

Загадки Чигирима

Перефразируя известного классика следовало бы воскликнуть: «И какой же сладковчанин не знает о Чигириме!» Особенно известен он рыбакам и охотникам. От него проведен водопровод в деревню Малиново и райцентр. Четыре населенных пункта имеют сельхозугодья, смежные с ним. Чигирим относится к пятерке крупных озер Сладковского района, уступая по величине только Таволжану и Травному. Строго говоря, Чигирим - не единый водоем, а комплекс озер, отделенных друг от друга труднопроходимыми топями и камышами. Не поэтому ли его название исключено сейчас из номенклатуры среднемасштабных карт. Его нет ни на пятикилометровке, ни на двухкилометровке, изданных в 1992 году. А вот на среднемасштабной карте 1952 года он обозначен. Но не будем судить слишком строго составителей карт. Существуют определенные правила генерализации изображений, и они их соблюдают. Вроде бы о Чигириме известно все. Он тщательно измерен, описан, нанесен на топографические карты и планы. И все-таки...

* * *

Русские познакомились с Приишимьем в конце XVI века. На реке Ишим побывал и сам Ермак Тимофеевич. Получив известие, что воины Кучума не пропускают бухарских купцов к бывшей столице Сибирского ханства, он с отрядом казаков двинулся навстречу торговцам по Иртышу. Его отряд останавливался в устье Ишима, где потерял в бою пять человек, но, не найдя бухарцев, повернул обратно. Пришлось заночевать на Иртыше у устья реки Вагай. Там и погиб Ермак в памятную ночь.

Южные пределы Сибирского ханства стали последним прибежищем Кучума. Это были места кочевий подвластных ему людей. Они тянулись по лесостепи от Тобола по-за Обь-реку. В стратегических местах построены были укрепленные городки (например, Кучум-Гора в 10 километрах от Ишима). Возможно, одним из кочевий его были и окрестности нашего Чигирима. После очередного набега на Тобольск в 1590 году войско Кучума уходит в Ишимскую лесостепь к озеру Чиликуль. Сейчас в Приишимье нет озера с таким именем. Не названо оно и в наиболее полном списке озер Ишимского округа XVIII века, где упомянуты сколько-нибудь значительные водоемы. Упоминает его только великий историограф Г.Ф.Миллер, почерпнувший сведения из недошедших до нас архивов. Но в использованном Миллером источнике, вероятно, допущена неточность в передаче татарского названия озера - Чигиркуль («куль» по-татарски озеро).

Продолжим наш рассказ.1 августа 1591 года у озера разгорелся бой. Сибирский воевода Кольцов-Мосальский, организовавший поход против Кучума, разгромил его войско. Кучум вынужден был бежать, а к победителям попали в плен две его жены и племянник Абулхаир. Бывший правитель обосновался за Обью и совершал оттуда отдельные вылазки, нередко пересекая Ишимскую лесостепь, пока не был окончательно разбит. Приишимские места его кочевий занял старший сын Алей (Али). Али принял титул хана в 1601 году, но не все братья поддержали его. Часть их покинула Приишимье и откочевала на Тобол. Али-хан заключает военный союз с ногайским мурзой Урусом, ищет контактов с калмыками, появившимися здесь в 1605 году, и готовится «приходить воевати Тобольские и Уфимские и Тюменские ясачные волости». Так сообщали тюменскому воеводе боярину Матвею Годунову бежавшие из его стана с семьями татары Киранды Карагозя Алшиев «с товарищи». Они же указали на место пребывания его весной 1607 года — «на Чигирлы Озере». (1, с.197). Это последнее упоминание о Чигириме в XVII веке.

И хотя здесь кочуют калмыки, в документах название водоема больше не встречается. Военные действия обезлюднили степь. Лишь небольшие группы промысловиков («ясачных инородцев») и русских проникали сюда за пуш-ниной, солью и рыбой. Усугубила положение и «великая поводь» 60-х годов XVII века. Она повторила разлив 1580 года, охвативший Сибирь накануне похода Ермака.

Прошли десятилетия. На берегах Ишима возникли крепости-остроги. Создана единая укрепленная линия, которая протянулась от Коркинского острога к Абатскому, Викуловскому, к Таре и по Иртышу на Омск. В 50-х годах XVIII века правительство вынуждено было перенести линию далеко к югу, от Петропавловска на Омск. Сибирское население из-за Ишима стихийно осваивало правобережье, но очень страдало от набегов «немирных людей».

Лесостепь оставалась малоизученной. Карты начала века были крайне схематичны. Графическое осмысление в 1760-х годах в пределах района получили озера Большой и Малый Куртал, Таволжан, но Чигирима на них еще нет. Топографы обозначали к востоку от Куртала обширное болото «Займище». Только в 70-х гг. XVIII века землемеру В.Филимонову удалось обмерить Чигирим. Он сообщал: «Озеро Чигирим, вокруг 28, длины 7, ширины 5 верст». Эти сведения вошли в капитальный труд того времени — «Описание Тобольского наместничества» (2, с.100). Границы Чигирима уточняли и военные топографы. На своих картах они помечали его другим старинным названием - Чигарасы. Результатом их многолетних работ явилась сводная карта 1839 года. На ней водоем протянулся от деревни Вековой до Сладково, соединяясь многочисленными протоками с озером Сладким (Соленым). К этому времени зафиксировано и последнее, уже русское название озера - Сладковское. Оно возникло в конце XVIII века и сохранялось до начала двадцатого столетия.

Наступили 40-е годы XIX века, достаточно засушливые для нашего края. Составители «Описания Ишимского округа» Н.Черняковский и В.Штейнгейль отмечали в 1843 году: «Лет за пятнадцать считалось всех озер в округе более 400. В последние годы многие из них высохли совершенно» (3, с.78). Этот процесс затронул и Чигирим. Озеро стало мелеть, дробиться, бывшие заливы обособлялись и выделялись. На месте его появились отдельные водоемы: Степное, Темное, Малиново, Власово, Горшково, Ловцово, Селезнево. Центральное зеркало разделилось на «отдельные блюда»: Большой и Малый Чигирим, Дедюхино, Кобылье, Круглое. Таким он нанесен на полевые планшеты 1849 года топографами Урванцевым и Беккером. Эти последние названия - результат народного осмысления новых орографических объектов.

Окрестности Чигирима были заполнены избушками-заимками первопоселенцев, основавших в XVIII веке Сладково, Кочкарное, Беково. Старожилы не только пахали пашни, косили сено, пасли скот, но и рыбачили, охотились. От них, возможно, и пошли новые названия. Качественное состояние всех этих водоемов охарактеризовано землемером Васильевым: «Озеро Ловцово - вода пресная, к употреблению годная. Рыба водится. Озера Малиново и Власово - вода пресная и к употреблению годная. Рыба в них водится. Озера Дедюхино и Чигирим вода пресная и к употреблению годная. Все они глубиной от полутора до трех с четвертью аршин. Рыба — одни караси. В прочих озерах по мелководью рыбы не водится» (4, лист 92).

Засуха была прекращена наводнением 1861 года. И снова все озера слились в единый водоем, а названия их постепенно исчезли из письменных источников. В опубликованном в Петербурге «Списке Населенных мест Тобольской губернии» 1871 года указано только одно: «Озеро Чигирим или Сладковское площадью в

пятьдесят квадратных верст». Из Беково крестьяне теперь добирались до волостного центра на лодках. Об этом сохранились предания. Но есть и архивные свидетельства. К примеру, рапорт Ишимского исправника Сибирскому губернатору об одной трагедии, случившейся на этом водном пространстве: «16 мая 1862 года Сладковской волости деревни Бековой крестьянин Иван Петрович Ковалев, переправляясь на лодке из Бековой в село Сладковское, в озере Малиновском утонул» (5, лист 53). Значит, плавали все-таки тогда на лодках в Сладково! Ездили водой «в волость» и из Остропятова, Катайска, Никулина и иных мест. Да что говорить о сладковских деревнях! В Тюкалинск крестьяне волости отправлялись на лодках. Даже в Ишим жители из-под Мангута приплывали водным путем (6, с.76).

* * *

Сказанным выше можно было бы и закончить рассказ о загадках Чигирима. Но есть еще одна интереснейшая проблема, которая волнует меня вот уже четыре десятка лет. Она, несомненно, заинтересует читателя, ибо он вправе задать вопрос: что означает название этого объекта в Сладковском районе, откуда оно произошло? Признаюсь, долго и трудно искал я ответа на этот вопрос. И нигде не встретил объяснения, да и сам гидроним чуть ли не единичный. Его нет на известных мне картах Тюменской, Омской областей, Казахстана. Лишь в окрестностях Кургана зафиксирована старица реки Тобол под этим названием. Нераспространенность топонима свидетельствует о его уникальности. Между тем, люди жили на его берегах чуть ли не со времен неолита, что подтверждено случайными археологическими находками. Жили разные этносы, и каждый из них мог дать ему имя, мог полностью заменить его, а мог и сохранить, приспособив к особенностям своего языка. Это подтверждается разнообразием названий озера. Последнее из них Сладковское - исконно русское и объяснять его не нужно, т.к. связано со сладковатым привкусом воды. Остальные в лучшем случае можно понять лишь наполовину, Чигарасы — второе название. С татарского и казахского переводится лишь окончание. Сы - вода. Чигирлы - более раннее наименование. Здесь окончание служит притяжательным суффиксом и в тюркских языках означает принадлежность.

Как видим, поддается пока переводу лишь конечная часть слов. Главный компонент — корень - не поддается истолкованию. Попытаемся разыскать его значение. Чигирами в Средней Азии называли, как известно, водоотливные устройства с колесом. Такие сооружения стояли в засушливые годы у кромки озер для водопоя скота, где подход к акватории был крайне затруднен. Если так, то Чигиркуль переводится как «Озеро с чигиром». Но есть и второй вариант. В монгольских языках (они родственны тюркским) чигир было собственным именем. Существовало даже племенное название Джунгар-Чигира. Тогда наш топоним объясняется как озеро Чигира. Заманчиво было бы связать название его с именем главы калмыцкого улуса Чигиром, кочевавшем в XVII веке в наших местах. Но калмыки появились в Ишимской лесостепи, как помним, в 1605 году, а номинанта зафиксирована раньше, в 1590 году. Впрочем оба пути не дают удовлетворительной расшифровки третьего названия озера Чигарасы. Неясен корень его - Чигара. Он может быть неадекватным смыслу Чигир.

Перейдем теперь к четвертому гидрониму Чигирим. Перевод его также не могли объяснить мне ни казахи, ни башкиры, ни татары (сибирские, казанские, крымские), ни калмыки. Все они затруднялись ответить на мои вопросы. Когда я обратился к специальной литературе, то обнаружил, что языковеды предпочитают выяснять значение подобных названий из древних угорских языков. Пришлось следовать их примеру. Потомками древних угров в нашей области являются ханты и манси. Если взглянуть на областную карту,

то можно встретить массу названий с формантом —ИМ (ЫМ). Это и реки от Казыма до Селима, это и озера, от Каратыма до Айгима и это, наконец, знакомые всем нам Пелым, Надым и, конечно, Ишим. Слова легко делятся на составные части: корень и суффикс —им (-ым). Это тоже притяжательный суффикс, тождественный Лы (Лык), который мы раньше рассмотрели. Ареал поисков пришлось расширить. Карты бесстрастно выдали еще несколько географических имен от Ишимбая в Поволжье до речки Ишимки в Пензенской области, от Висима на Северном Урале до Тал-Ишима — тундры в Европейском Заполярье. Даже на Камчатке есть река Ковым. Но среди них не было нашего Чигирима. Лишь в Приднепровье встретился городок Чигирин — резиденция запорожских казаков с XVI века, да в далекой Венгрии город Ченгер (венгры, общеизвестно, принадлежат к угорской языковой семье и являются потомками кочевников мадьяр, переселившихся в Европу из Зауральяских лесостепей).

Но, как это нередко бывает, находка оказалась буквально рядом. Похожее слово отыскалось на Вологодчине. Оно зафиксировано В.И.Далем в его знаменитом словаре. В статье «Чигара» отмечено, что так называли крестьяне овец. Потребовалась тщательная проверка. Звучит вроде бы по-тюркски или по-монгольски. Может, занесено на Вологодчину монголо-татарами? Маловероятно, т.к. все языки от казахского до турецкого обозначают овцу словами «кой», «кос», «кош», но не «чигара». Может быть угорское? Но потомки угров ханты и манси овцеводством не занимаются, в тайге и в тундре овец не разводят. И здесь свое веское слово сказали археологи. На севере нашей области найден жертвенный камень в форме головы барана (он экспонируется в Тюменском музее). Археологи установили: приобские угры — не аборигены севера, а пришли туда с юга Западной Сибири. Но как это слово оказалось в вологодских краях? Дело все в том, что часть древних угров вынуждена была покинуть свою прежнюю родину под давлением воинственных тюрков и двинуться из Западносибирской лесостепи в трех направлениях: на север в Приобье, на запад за Волгу и на северо-запад через вологодские, архангельские места до Карелии, где их далекими потомками стали саамы. Так утверждают специалисты.

Для нас же важна находка. На столь длинном и трудном пути они обрели искомое нами слово, оставив впридачу его значение. Другое дело, были ли они «крестными отцами» его. Выяснить последнее можно, если спросить об этом у народов, живших до угров в наших местах. Ими были европеиды, говорившие на двух праязыках: древнеиранском (скифы-саки, сарматы) и индоевропейском (предки индусов, славян, германцев, греков...). Родину индоевропейцев, впрочем, пока уточняют. Мы же обратимся к древним иранцам. И к ним протянулась тонкая ниточка от нашего Чигирима. В путеводителе Г.Я.Рыжавского упомянут географический пункт Чигироб на Урале (7, С.36). «Об»-иранизм и переводится как «вода», но может означать реку, ручей, озеро. Чигироб (Овечье озеро) — далекий синоним предмета нашего внимания.

Итак, первоначальное имя Чигириму, возможно, дали иноязычные скотоводы, но в оформлении его современного звучания заслуга угорских народов. Последующие названия являются, по-видимому, словотворчеством древних тюрков. Внесли свой вклад в регистрацию объекта и русские. Сказанное выше, конечно, гипотеза. Но и гипотезы имеют право на существование. До тех пор, пока точно не выяснится, что же на самом деле значит это загадочное слово — Чигирим.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Миллер Г.Ф. История Сибири. — М. — Л., 1941. — Т.2.
2. Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск, 1982.
3. Черняковский Н.М., Штейнгейль В.И. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Коркина слобода. Вып. 2-й. — Ишим, 2000.
4. ГАОО, ф.3, оп.2, д.3116.
5. ГАОО, ф.3, оп.3, д.4683.
6. Почвы вдоль линии Тюмень-Омской железной дороги. — СПб., 1914.
7. Рыжавский Г.Я. По Каме и ее притокам. — М., 1986.

Н.Л.КОНЬКОВ

Ярмарки и торжки Ишимского уезда

В конце XVIII в. в Ишимском округе насчитывалось 27 торжков. Уездный землемер В.Филимонов, составивший описание г.Ишима и «уезда онога», привел сведения о размещении торжков, сроках их проведения и «сколь велико стечение бывает народа». Представим эти данные в виде таблицы [1, С.267-268].

Таблица 1.

Населенный пункт	Время проведения	Продолжительность (в днях)	Число собравшихся (человек)
сл.Абацкая	29 июня	1	до 1000
	6 января	1	
с.Фирстово	23 апреля	1	600
	26 ноября	1	300
Черемшанская	24 июня	1	до 300
вол.	29 августа	1	до 300
д.Кошкарагайская	24 ноября	1	до 600
с.Боровое	8 ноября	1	400
сл.Усть-Ламинская	1 ноября	1/2 дня	300
с.Аромашево	1 октября	1/2	200
с.Мальшкіно	2 февраля	1/2	200
с.Медведевское	9 мая	1/2	200
	6 декабря	1/2	200
с.Истошное	24 ноября	1	150
с.Бердюжье	20 июля	1	300
сл.Красноярская	Пятидесятница	1	800
	6 января	1	800
д.Соколово	1 октября	1	900
д.Дубынская	26 октября	1	400
д.Красный Яр	Вознесение	1	300
	24 ноября	1	300
д.Елцово	29 июня	1	200
вол.Афонкина	8 июля	1	300
с.Ильинское	20 июля	1	600
д.Баландино	26 августа		300
с.Казанцево	9 мая	1	800
	6 декабря	1	800

Из перечня видно, что ежегодные торжки проводились в 20 населенных пунктах, вовлекая в товарно-денежные отношения от 150-200 до 800 и более человек каждый. По сведениям В.Филимонова, на ишимских торжках продавались и покупались традиционные сельскохозяйственные продукты, изделия крестьянского кустарного производства и городской мануфактурной промышленности («панские товары»), а также товары иностранного происхождения.

«Товары на всех оных торжках, - писал ишимский землемер, - а особливо в селах и слободах бывают привозимые из города Ишима и крепости св.Петра, а в осеннее время и из города Тары, российские и китайские, как шелковые, так и бумажные, только недорогие, также корневые сукна, ленты, платы и разные мелочи и обувь. А крестьяне приезжают с холстом, серыми сукнами, а зимой и осенью с горностаями и зайцами, с салом, маслом, серыми и дублеными сыромятными кожами, лубом, мочалами, пенькою и протчим имуществом» [1].

В течение года, по месяцам, судя по перечню, торжки распределялись неравномерно. Большая их часть - до 2-3-х - приходилась на лето и осень, причем самое большое число «народных съездов» случалось в ноябре, а сентябрь оказался вообще «свободным», безторжковым месяцем. Зимой и весной торжки проводились значительно реже. Так, в декабре, январе - по два, в феврале - только один торжок. Подъем в торжковой форме торговли наступал в мае и июне.

Это вполне естественно, так как крестьяне на период сева и летней страды стремились «загодя» сделать необходимые запасы продовольствия, а также приобрести недостающие сельскохозяйственные орудия и нередко дополнительную тягловую силу «на свою руку» (лошадей). Также немаловажно, что на последний весенний и первый летний месяцы падало значительное число праздников (дни Николая Чудотворца, апостолов Петра и Павла, рождества Иоанна Предтечи) и переходящих, таких, как Вознесение, Троица, Духов день. Согласно перечню, ишимские торжки и были приурочены к общецерковным или местным престольным праздникам, что придавало им особую торжественность.

Помимо ежегодных торжков в XVIII в. в ряде населенных пунктов уезда проводились еженедельные базары: в понедельник - в с.Ильине, Боровом, дер.Большой Утечей; во вторник - в с.Соколовском и Усть-Ламенской слободе; в среду - в с.Истошном и Лебяжьей крепости; в четверг («четверток») - в с.Фирсовом, Бердюжьем и Красноярской слободе; в пятницу («пятюк») - в с.Малышкине и Полуденной крепости; в субботу - в с.Аромашево, Абацкой (Абатской) слободе и Становой крепости и, наконец, в воскресенье - в с.Казанцеве [1, с.112].

В январе 1809 г. ишимским земским судом был составлен (до настоящего времени неизвестный исследователям) реестр, проводившихся «в здешней округе» торжков. Судя по документу, число их не изменилось, но произошли изменения в распределении их на территории уезда. Возможно, что к этому времени проводились нерегулярно или вообще прекратили свое существование пять торжков (в с.Фирсовом (апрельский) и в Елцовой, Афонкиной, Черемшанской (июньский) и Кошкаргайской деревнях, но было открыто столько же новых «съездов» торговцев: «в Ларихинской - в день Троицы и декабря 25, Гагарьевской - июня 29 и ноября 8, Армизонской - июля 8» [2]. Таким образом, их было больше, чем в Тюменском, Тобольском и ряде других уездов губернии.

Высокий уровень сельской торговли ишимский купец Н.Черняковский связывал с имущественной обеспеченностью крестьян данного округа. «Благосостояние крестьян здесь, - писал он, - гораздо виднее и прочнее, нежели в других северных округах». По мнению Н.Черняковского, «бедность приметна более в северо-восточном угле округа, особенно в волости Готопутовской», а зажиточность - «в волостях, принадлежавших к линии и к границе Курганской и Ялут-

ровской, также в селениях по торговому тракту, на котором два крайне ярмарочных пункта в слободах Усть-Ламинске и Абацкой» [3, с.250]. Крестьяне сбывали преимущественно хлеб, скот и «произведения своих работ». Они потеснили других участников ярмарочной торговли, и не случайно купцы жаловались, что крестьяне «значительно отнимают от них производства в торговых оборотах, платя несравненно менее их гильдейских повинностей». Это подтверждается «Ведомостью о торговых селениях по Ишимскому округу, составленной Ишимским общественным окружным управлением 4 июня 1848 г.», согласно которой главное место в ассортименте товаров занимали сало, сливочное масло, рыба разных сортов и хлеб в зерне и молотый [4].

Таблица 2.

Названия торговых сел	Сало скотское	Масло коровье и топленое	Рыба разн. сортов	Мясо	Хлеб в зерне и молотый	Семя льняное и конопляное	“Изделия в железе и в чугу-не”	Деготь и смола (“деготь”) в ведрах	Перо и пух	Лен и пенька	Щетина
ЯРМАРКИ											
Абатское	1000	800	4000		1600						
Усть-Ламинское	2000	1500	1000		2000			25	200	25	
ТОРЖКИ											
Аромашевское	200	100	100		200	20			50		
Готопутовское	-	100	150	-	100		150	400 ведер			
Петуховское	200	150	100	300	200						
Армизонское	150	650	100	100	200						
Челноковское	-	120	150	100	“сыпучих тел не привозится”						
Ильинское	-	200	150		“в продаже не бывает”						
Частозерское	200	600	1000		“не привозится”						
Боровское	200	50	70		“в подводе не бывает”						
Фирсовское	200	80	100								
ИТОГО	4150	4350	6870	500	4300	20	150	400 вед.	25	250	25

Краеведческий альманах

В «Списке существующих в Российской империи ярмарок» (1834) съезды торговцев в Абатской, Усть-Ламинской и Частозерской слободах отнесены к ярмаркам. Продолжительность их увеличилась от 4 до 6 дней. Так, в сл. Абатской Крещенская ярмарка проводилась с 6 по 9 января, Козьмодемьянская в Усть-Ламинской слободе с 1 по 4 ноября. Петровская ярмарка открывалась 29 июня и продолжалась до 4 июля. Все эти меры способствовали как расширению ассортимента товаров, так и увеличению количества участников ярмарочной торговли и росту оборотов. В структуре привозных товаров важное место на них занимали «шерстяные, панские, суровские, пушные, кожаные и металлические товары, разная посуда, хлеб, рыба, напитки, чай сахар, воск, табак, бумага, верблюжья шерсть». Торговые обороты ярмарок, согласно «Списку...», достигали в 30-х годах XIX столетия следующих размеров [5, с.371]:

Таблица 3.

Место, название ярмарки	Количество товаров (в руб.)		“Стечение народа” (чел.)
	Привоз	Сбыт	
Абатская сл. Крещенская	57000	25700	2500
Петровская	72000	37000	2800
Усть-Ламинская сл. Девятопятницкая	79000	25000	6800
Козьмодемьянская	92000	6800	1000
Частозерская сл. Петровский пост	60000	15000	700

Переход абатских и усть-ламинских торжков в разряд ярмарок произошел, по-видимому, не позднее второго десятилетия XIX в. А в 1825-1830 гг. над ними нависла угроза закрытия. В 1824-1825 гг., возможно несколько позднее, ожидалось прибытие царя в Сибирь. Ишимские власти, проявляя рвение и преданность престолу, решили «на таковой случай устраивати не только дороги, но и по возможности уездный центр». К приезду царя здесь планировалось построить больницу, гостинные дворы, сарай для хранения пожарных инструментов и гауптвахту. Однако у города не было средств, и потому предлагалось «перевезти в город Ишим две ярмарки из слобод Усть-Ламинской и Абацкой». Но Александр I поехал вместо Сибири в Таганрог в конце 1825 г., где и умер. После смерти царя дело о переносе сельских ярмарок в г.Ишим тянулось еще несколько лет, и в 1830 г. было окончательно прекращено [6]. Обе ярмарки продолжали функционировать вплоть до начала XX в.

Ко второй половине XIX в. абатские ярмарки считались важнейшими в южной части Тобольской губернии. Обороты их, по некоторым сведениям, достигали 100-200 тыс. каждая и привлекали до 50 тысяч народа.

Сохранилась роспись товаров, обращавшихся на Абатской Крещенской ярмарке 1858 г. В ней выделены три основные группы товаров: «русские», «иностранные по европейской торговле» и «азиатские товары». Обороты ярмарки оценены в денежном выражении (отдельно по привозу и реализации). Приведем эту часть ведомости полностью [7, с.106-107]:

Таблица 4.

ВИДЫ ТОВАРОВ	Привоз	Сбыт
А. Русских товаров		
Шерстяных изделий	400	200
Бумажных	13000	6000
Шелковых, полупшелковых	3100	1000
Шапок, шляп, картузов и пимов	1500	1000
Разного рода мехов	400	180
Мягкой невыделанной рухляди:		
горностаевых шкур	2100	2100
заячьих	500	500
волчьих	80	80
Кожаных изделий	19000	12000
Сырых кож	5000	4000
Овчинных шуб и полушубков	200	150
Сырых овчинных и козбих шкур	50	50
Меди в деле	150	50
Чугуна и чугунных изделий	1800	1100
Посуды фарфоровой, фаянсовой, хрустальной, зеркал и оконного стекла	3000	1400
Деревянных изделий: санок городских и простых, столов, стульев, диванов, а также посуды деревянной и рогож	1050	900
Сит и решет	500	400
Съестных припасов разного рода:		
хлеба	300	200
мяса	100	70
птицы	20	20
рыбы	7000	4000
Соли и прочего	1500	1100
Виноградных вин	1000	600
Фруктово- бакалейного товару	5000	2100
Меду	400	200
Масла коровьего	5000	2700
Сала сырого и топленого	8000	5000
Свеч восковых и стеариновых	700	300
Свеч сальных и маканых	200	100
Скипидару и нефти	25	10
Клею рыбного и шубного	100	300
Хмелю	1500	700
Птичьего пуху и пера	25	25
Щетины	4500	2800
Волокна конопляного и льняного	100	100
Мыла разных сортов	200	150
Табаку, папирос и сигар	300	150
Разных галантерейных вещей	1000	400
Подносов лаковых, сундуков и шкатулок	1300	700
Бумаги писчей и оберточной	200	150
Образов в ризах и без них	30	20
Крестьянских изделий:		
сукна и пестряди	100	100
Холста	25	20
ИТОГО:	102 255	58355

Краеведческий альманах

ВИДЫ ТОВАРОВ	Привоз	Сбыт
Б. Иностранных товаров по Европейской торговле		
Бумажных изделий пряженой бумаги	200	110
Шерстяных изделий шерсти пряженой	300 150	160 70
Сахару иностранного и внутреннего приготовления	5000	2600
Сандалу	100	70
ИТОГО:	5750	3010
В. Азиатские товары:		
Чаю всех сортов	2000	1100
Шелку швейного	50	20
Шелковых и бумажных изделий и халатов	6000	2700
Бумаги пряженой	400	190
Мерлушек	15	10
Выбойки	3000	1600
Верблюжьей шерсти, армяков, кошем и войлоков из овечьей и коровьей шерсти	2000	1600
ИТОГО:	13465	6740
Сверх того:		
Лошадей	5000	3050
Жерновых камней	1000	900
Строевого соснового крупного лесу, плах, тесу и проч.	200	200
ИТОГО:	6200	4150
А всего:	127670	72255

Как видно из ведомости, в ассортименте товаров 1858 г. доминировали русские товары (по привозу - 84,95 % и по продаже 86,5%), причем среди них большое значение приобрели продукты животноводства и рыболовства. Поставщиками их на ярмарку были окрестные крестьяне. На Крещенской ярмарке 1858 г. продавались кожи преимущественно деревенского скота по 2 - 2 руб. 50 коп. каждая.

На Петровской ярмарке большим спросом пользовались льняные и конопляные изделия. «Особенно много, говорят, привозят холста, пестряди и брани на Абатскую Петровскую ярмарку», - писал современник [7]. В 1862 г. на Крещенскую ярмарку было привезено товаров на 256 727 руб. и продано на 190 380 руб., в 1866 г. соответственно на 319 785 руб. и на 259 147 руб. На Петровскую ярмарку товаров было «явлено» в 1862 г. на 145 256 руб., реализовано на 111 455 руб., а в 1866 г. соответственно на 104 398 руб. и на 68 351 руб. Не случайно В.Ильин считал Абатские ярмарки одними из многолюднейших и богатейших ярмарок Тобольской губернии [8, с.367].

После 1882 г. в слободе был открыт еженедельный торжок - по субботам, обороты которого достигали нескольких тысяч рублей.

Торговля оказывала существенное влияние на жизнь слободы. На время про-

ведения ярмарки она принимала праздничный вид. Благоустривалась торговая площадь, ремонтировались и приводились в порядок лавки и балаганы, возводились новые. В 1858 г. «жители слободы Абатской получили доходу от найма квартир и за продовольствование приезжающих пищею до 1000 руб. серебром» [9, с.106-107].

Другим значительным торговым центром округа являлась Усть-Ламенская слобода, в которой во второй половине XIX в. действовали две ярмарки. Согласно официальной статистике, их торговые обороты были следующими [10, с.258]:

Таблица 5.

	1858	1862	1866
Девятаяпятницкая (весенняя)			
привезено на	47782	43839	44600
продано на	39372	35320	22000
Козьмодемьянская (осенняя)			
привезено на	57886	47041	48440
продано на	42227	37138	33004

Отсюда есть все основания считать, что Усть-Ламенские ярмарки были довольно оживленными. По разнообразию товаров и «стечению народа» выделялась осенняя ярмарка, что, по справедливому замечанию современника, «надобно приписать зимнему времени, как более свободному для крестьян от работ». Именно крестьяне окрестных сел и деревень, а также Ялуторовского и Тарского округов являлись основными участниками ярмарочной торговли в Усть-Ламинской слободе. Приезжали нередко купцы и мещане из Ишима, Ялуторовска и других городов. На Девятаяпятницкую ярмарку привозилось помимо мануфактурных изделий много хлеба, масла, холста и пригонялось значительное число лошадей. На Козьмодемьянскую ярмарку, кроме обыкновенных фабричных ярмарочных товаров, привозились в большом количестве «сырые скотские кожи, сырые овчины, коровье масло, сало, рыба, крестьянская сбруя и разная деревянная посуда» [8, с.368].

В 1881 г. на Козьмодемьянскую ярмарку было поставлено товаров на 327 500 руб., реализовано 270 100 руб. [11, с.4].

Следует упомянуть о ярмарке в с.Частозерском. Одна из них - Всесвятская - проводилась в мае-июне, другая - 30 ноября (Андреевская). «Это, - писал В.Ильин, - самая небольшая ярмарка в Ишимском округе, на ней производится большею частью торговля крестьянскими изделиями. Разумеется при этом, бывают купцы и торгаши с фабричными товарами, более на крестьянскую руку» [8, с.368]. Обороты товаров на Всесвятской и Андреевской ярмарках были невелики. В 1862 г. на первой было явлено товаров на 40 тыс.руб., реализовано на 22 тыс.руб., на второй соответственно на 23 670 руб. и на 10 215 руб. Это был самый успешный год в истории этих ярмарок. В последующее время объемы торговли на них стали постепенно уменьшаться. В 1866 г. на первой ярмарке товаров в привозе было на 34 529 руб. (18 975 руб.), на второй - на 26 935 руб. (13 500 руб.), спустя двадцать лет соответственно на 31 950 (25 548) руб. и на 19 420 (13 260) руб. [12].

В «Ведомости о ярмарках и торжках, существовавших в Ишимском округе в 1887 г.» показаны еще две ярмарки в Частозерском. Это две осенние ярмарки: Ростовская (21-22 сентября) и шестидневная Знаменская ярмарка (24-30 ноября). Последняя по своим торговым оборотам стала одной их крупнейших ярмарок округа. В 1887 г. на нее было «явлено» товаров на 77 648, что составило 58,9

% от общего количества товаров, поступивших в Частозерское в течение года. По сбыту товаров она также значительно превосходила остальные ярмарки. В 1887 г. на ней было продано товаров на 70 138 руб. (или 63,9 %) [13].

К 1882 г. на территории Ишимского уезда было учреждено свыше десяти новых ярмарок. Это Покровская ярмарка в с.Аромашевском, продолжавшаяся с 25 сентября по 2 октября, Богородице-Рождественская, или Богородицкая ярмарка (3-15 сентября) в с.Бердюжском, Михайловская (1-8 ноября) в с.Гагарьевском. Были открыты ярмарки в Усть-Ламинском - Сорокамученическая (9-17 марта), в Армизонском - Михайловская (5-12 ноября), Теплодубровском - Венденская (15-22 ноября), Сладковском - однодневная Покровская (1 октября), Травнинском - трехдневная Покровская (1-4 октября), в д.Баландиной - Богословская (26 сентября), Сивковском - Евдокимовская (1-11 марта), Бутыринском - Дмитриевская (26 октября - 1 ноября), в Утчанском - Ивановская (13-14 ноября).

Всего, согласно «Реестру ярмарок и торжков», составленному К.Голодниковым, в Ишимском уезде действовало 16 ярмарок [14, с.34]. Между 1882 - 1887 гг. пять старых торжков были преобразованы в ярмарки. Назовем их. Это Богоявленская, или Крещенская (6-11 января) и Девятаяпятницкая ярмарки в с.Петуховском, Богородицкая (8 сентября) - в с.Бердюжском, Евдокиевская (26 февраля - 6 марта) и Знаменская (20 ноября - 1 декабря) - в с.Голышмановском [15].

Безуездным городом Ишимского округа во второй половине XIX в. считался Петропавловск. Основанный на месте казахского урочища Кзыл-Жар в 1752 г., он вскоре стал не только важным военным укреплением Новой Ишимской линии, включавшей 11 крепостей, 33 редута и 42 маяка, но и главным пунктом меновой торговли России с Западным Китаем, Казахской степью и Средней Азией, в том числе Кокандом и Бухарией. Официальное открытие торгового дела состоялось здесь зимой 1759-1760 года. Торговля велась на специально устроенном меновом дворе. По мнению академика И.П.Фалька, побывавшего в Петропавловске в 1771 г., здесь проводился «изрядно меновой торг со среднею Киргизскою ордою» [16, с.364]. А вот как он описан в месяцеслове на 1780 г.: «Торговая площадь находится под пушками сей (Петропавловской) крепости, обнесена рогатками и имеет несколько лавок. Киргизцы приходят всегда на торг караванами, для того, что вместе способнее им гнать скот из столь далеких мест: и тогда в крепости бьют в барабан и приставляют к торговой площади караул, а между тем собираютца купцы, и когда они выложат товары, то пропускаются киргизцы со своим скотом. Они пригоняют больше всего лошадей, бойных быков и широкохвостых баранов, да сверх того привозят овчины, мерлушки и по несколько мехов. Все сие променивают они на железные котлы, вертелы, сукна, шелковые материи, платки, позументы, иглы, нитки, бисер, огнива и другие сии подобные товары. Торг сей для российского купечества весьма прибыточен, потому что лошадей перепродают почти на том же месте в драгунские полки, когда придут в меру. Иногда, однако редко, приходят также бухарцы и китайцы с легкими бумажными и полушелковыми материями, мерлушками и прочим, и берут на промен тонкие сукна, красильные вещи и другие товары» [17, с.261-262].

Во второй половине XIX в. ежегодные торжки действовали примерно в сорока населенных пунктах. Из них в трех селах (Казанское, Истошинское, Малышевское) торжки проводились четыре раза в год, в двух (Армизонское и Ильинское) - трижды, в 13 - дважды. А в остальных населенных пунктах по одному разу в год съезжались торговцы для продажи и покупки съестных припасов, кожевенного сырья и изделий местных ремесленников. На праздники весенне-летнего цикла проходило до половины торжков, из которых семь Троицких (в Малышевском, Истошинском, Аромашевском, Красноярском, Дубынском, Масляном, Шабалинском), пять Ильинских, четыре Петровских, два Никольс-

ких, столько же Благовещенских и т.д. В осенне-зимний период наибольшее число торжков проводилось в ноябре (12), декабре (5) и январе (6). Они все были приурочены к знаменательным датам церковной истории: Михайлов и Николин дни, Рождество и Крещение (Богоявление) и некоторые другие.

В «Ведомости... (1887)» показаны помимо ежегодных четыре еженедельных торжка. Они проводились по субботам в Армизонском, Абатской слободе, Больше-Сорокинском и Готопутове. На них торговали преимущественно съестными припасами и главным участником их являлись крестьяне [18]. Особенно бурный рост сельских торжков и ярмарок наблюдался на территории уезда в последующее двадцатилетие. Согласно «Списку населенных мест Тобольской губернии» (издание 1904 г.), в Ишимском уезде числилось 29 ярмарок и 105 торжков [19]. В 1904-1910 гг. было открыто еще 7 ярмарок и 6 торжков. Однако на некоторых из них: 2-х ярмарках (Ивановской в с. Бутыринском и Георгиевской в с.Сивковском) и одном торжке (в с.Лихановском с 19 по 24 октября) вплоть до 1910 г. торговли не производилось, то есть они существовали номинально. На остальных учреждений сельских ярмарках и торжках велась торговля галантерейными, бакалейными и мануфактурными товарами, хлебом, кожами, салом, а также изделиями местных ремесленников. Все новые ярмарки объявлялись недельными, продолжительность торговли на торжках не превышала двух дней, а в ряде случаев, например, в с.Готопутовском, и нескольких часов. Обороты торжков достигали трех тысяч рублей, а ярмарок несколько больше [20, с.61-109].

По данным «Списка населенных мест Тобольской губернии» 1910 г. в Ишимском уезде насчитывалось 126 сельских ярмарок и торжков [2, с.205], то есть по их числу он превышал Тарский, Туринский и другие уезды губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск. 1982.
2. ТФ ГАТО, ф.329, оп.13 (541), д.363, л.18-18 об.
3. Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1843. - Ч.2.
4. ТФ ГАТО, ф.152, оп.32, д.17, л.461 об. - 466.
5. Список существующих в Российской империи ярмарок. Спб. 1834.
6. ТФ ГАТО, ф.152, оп.37, д.476, л.2 - 4 об.
7. ТГВ, 1858, □ 9.
8. Ильин В. О торжках и округах Тобольской губернии // ТГВ, 1864, □ 43.
9. ТГВ, 1859, □ 9.
10. ТГВ, 1859, □ 20.
11. ТГВ, 1882, □ 34.
12. ТФ ГАТО, ф.152, оп.32, д.491, л.9 об, ф.417, оп.1, д.493, л.230 об. - 231.
13. ТФ ГАТО, ф.417, оп.1, д.493, л.230 об. - 231.
14. Голодников К. Реестр ярмарок и торжков Тобольской губернии // ТГВ, 1882, □ 34.
15. ТФ ГАТО, ф.417, оп.1, д.493, л.230 об. - 231.
16. Фальк И.П. Записки путешествия 1768-1774 гг. // Полное собрание ученых путешествий по России. Т.VII, Спб, 1825.
17. Из месяцеслова на 1780 г. // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов. - Т.IV, Спб, 1790.
18. ТФ ГАТО, ф.417, оп.1, д.493, л.230 об. - 231.
19. Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск. 1904.
20. ТФ ГАТО, ф.185, оп.1, д.329, л.52 - 52 об., 30-31 об., 61 об.
21. Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск. 1910.

80-летию Западносибирского восстания 1921 г. посвящается...

И.В.КУРЫШЕВ

Крестьянское восстание 1921 года в Ишимском уезде:

облик и поведение участников

...Крестьянская Русь таила в себе бездну начавших уже клочкотать страшных, разрушительных сил...

Н.Н.Фирсов. Пугачевщина.

Опыт социолого-психологической характеристики.

В конце января 1921 г. в Ишимском уезде вспыхнуло массовое крестьянское восстание, вскоре охватившее огромную территорию: от Салехарда на севере - до Каркаралинска (Казахстан) на юге, от станции Тугулым на западе - до Сургута на востоке. Советская историография, традиционно подходя к восстанию 1921 г. с классовых марксистских позиций, расценивала его как кулацко-эсеровский мятеж. За последнее десятилетие оценка историками этих событий кардинально изменилась, значительно расширилась и углубилась представления о трагических событиях крестьянского восстания 1921 г. в Западной Сибири.

Следует особо отметить, что недавно увидели свет фундаментальные труды В.И.Шишкина «Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. - Новосибирск, 1997. (Москва, 2000); За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: Сб. документов. - Новосибирск, 2000. Готовится к публикации и третья часть документальных материалов, посвященная трагедии, разыгравшейся на просторах Западной Сибири и Казахстана в 1921 году. Характеризуя достижения и искажения российской историографии в изучении Западно-Сибирского мятежа 1921 г., В.И.Шишкин справедливо подчеркивает, что в советской историографии гражданской войны в России «недоставало главного: правды жизни во всем ее богатстве и противоречивости. И особенно, конечно, неоставало людей с их интересами, поступками, настроениями, сомнениями, ожиданиями, страхами и надеждами, которые и создают неповторимый колорит любого исторического события».

Действительно, человеческие судьбы со всей их неповторимостью, поведение людей неоправданно выпали из поля зрения советских историков, что существенно схематизировало, обедняло представления как о Гражданской войне в целом, так и о крестьянских восстаниях 1920-1921 гг. в Сибири в частности. Поэтому актуально исследование событий Западносибирского (Ишимско-Петропавловского) восстания 1921 года в новом ключе, через рассмотрение облика и поведения его участников, прежде всего, повстанцев.

Несомненно, что основным мотивом массового крестьянского антикоммунистического движения на завершающем этапе Гражданской войны стала доведенная до крайности центральными и местными властями система чрезвычайных мер «военного коммунизма», жестокие, репрессивные формы и методы претворения большевистской продовольственной политики в деревне, преступления продовольственных работников. Можно утверждать, что в повстанческом движении в годы Гражданской войны крестьянство, прежде всего, отстаивало свое право на существование, а подчас и коллективно противостояло угрозе голода, пыталось воссоздать свою собственную, народную, крестьянскую власть.

Введенные с конца августа 1920 г. в Тюменской губернии многочисленные разверстки были явно непосильны для крестьян Ишимского уезда, тем более, что в 1920 г. этот регион постиг сильный неурожай. Однако местное партийное

и советское руководство, изымая в ряде мест даже продовольственный хлеб и семена, осуществляло беспрецедентное насилие по отношению к крестьянству.

В дошедших до нас протоколах волостных собраний сельских советов на территории, только что охваченной разгорающимся крестьянским восстанием, отчетливо прослеживается стремление крестьян предотвратить угрозу голода, законным путем покончить с неправомерными действиями по выполнению государственной разверстки.

Так, Готопутовское волостное собрание сельских советов 2 февраля 1921 г. вынесло следующее постановление: «...Усматривая тяжелое положение населения на продовольственном фонде и безвыходность его, сложившуюся на почве ссыпки всех хлебов в общие амбары в выполнение государственных разверсток, каковой хлеб был предназначен к вывозке из пределов волости. Несмотря на наши ходатайства об удовлетворении нас продовольствием, как голодающих, получился категорический отказ, ввиду чего **ясно обрисовалась картина голодной смерти** в недалеком будущем, что и заставляет нас **оградить себя от упомянутой смерти**. И потому решили произвести между собой сплоченную организацию **для защиты своих человеческих прав** и весь имеющийся хлеб в общественных амбарах сдать вновь избранным повстанческим органам» (выделено мною – И.К.).

В целях взаимодействия с органами Советской власти и предотвращения кровопролития на волостном собрании было решено выбрать делегацию для отправки в г.Ишим. Членам делегации вменялось в обязанность сообщить руководству о тяжелом продовольственном положении крестьянства, обратив внимание на его голодное существование и на то, что хлеб в общественных амбарах считается неприкосновенным.

Собрание женщин Пегановской волости Ишимского уезда, состоявшееся 31 декабря 1920 г., в ответ на «ударное» выполнение продразверстки (изъятие продовольственного и семенного хлеба), произвол со стороны продовольственных комиссаров постановило такие действия считать незаконными, арестовать продработников Слухина, Максимука, а также милиционеров Журавлева и Кухтина. Продовольственный отряд в числе 9 человек женщины обезоружили, решив отправить его обратно в г.Ишим после окончания собрания. Кроме того, женщины обратились с просьбой к начальнику милиции 4-го участка Ишимского уезда прибыть в село Пеганово для расследования незаконных действий указанных лиц.

Первоначально, по крайней мере, в ряде мест, Ишимское крестьянское восстание имело характер подчеркнутой законности. Однако по мере разгорания и ожесточения восстания, мятежники переходили к прямому насилию, не останавливаясь и перед крайними его формами. Само подавление восстания сводилось только к репрессиям против восставших. Меры вооруженного подавления не обеспечивали успокоения восставших на долгое время, создавая в них чувство озлобления. Жестокость и насилие по отношению друг к другу проявляли обе противоборствующие стороны - крестьяне и коммунисты. Жестокость порождала жестокость, а невозможность реализовать острые потребности приводила к всплеску разрушительной энергии. Повстанческое движение сопровождалось вспышкой деструктивного поведения и неизбежно сопутствующих ему - преступности и бандитизма.

Несмотря на ярко выраженную ожесточенность, повстанческое движение в Ишимском уезде носило в большей степени очаговый характер. Единого, всеместного порыва в антикоммунистической борьбе фактически не было. Кре-

стьянство не поголовно присоединялось к мятежникам, что отнюдь не определялось только его социально-имущественным положением (в частности, на стороне мятежников так или иначе оказалась и сельская беднота). Организаторам повстанческого движения пришлось прибегать к насильственным мобилизациям мужского населения в возрасте от 18 до 35 (45) лет, в случае надобности не останавливаясь перед репрессиями.

В рядах восставших было немало колеблющихся, просто опасующихся за свою дальнейшую судьбу людей. Так, в одном из обнаруженных нами воззваний повстанцев (Сергеевского штаба) говорилось: «Много из граждан боятся восстания решительно против Советской коммунистической власти - может восстановиться, и строгою жестокостью отомстит за восстание. Не бойтесь и не думайте, так как весь Дон, Малороссия, Кавказ, все Поволжье, уральские, оренбургские казаки уже 2 месяца назад восстали и сбросили коммунистов. Все войска, воевавшие с Врангелем и с Польшей, повернули винтовки, воюют с коммунистами. Коммунисты держатся, заперлись лишь в Московском кремле, но оттуда их скоро выбьют. Вся Россия восстала, всякое движение поездов прекратилось. В Восточной Сибири от Владивостока до Иркутска установлена твердая власть. Не отложить оружия и дружным напором уничтожить грабительские шайки».

Некоторые повстанческие формирования не отличались прочностью, поскольку мобилизация крестьян в них осуществлялась с помощью методов насилия и принуждения. В частности, по показаниям жителя села Пеганово Д.А.Евсеева, его односельчанин М.Сазонов проводил мобилизацию крестьян на восстание, заявляя, что тех, кто не пойдет на восстание, будут убивать.

Часть крестьян просто не желала воевать, а если и воевала, то на ограниченной территории. Так, на допросе восемнадцатилетний крестьянин-середняк села Пеганово Н.Кошкарев показал следующее: «В тот же день приехал, кажется, тот же отряд и стал мобилизовать крестьян. Нас направили в Локтинскую волость, где стояли около двух дней. Потом под силой оружия нас погнали в деревню Мизонову, но, когда бандиты стали отступать, мы повернули и поехали домой. Дома прожили около трех дней, и когда красные стали наступать на нашу деревню, то нас погнали на Уктуз. В Уктузе мы простояли три дня. В Уктузе мы послали двух делегатов, которые предложили нам сложить оружие, но начальник уктузского штаба не соглашался сложить оружие и стал стращать расстрелом, если мы не будем воевать. Когда красные стали наступать на Уктуз, то мы спрятались в самане, где и были взяты в плен»...

Согласно другим показаниям, «из Смирновой при отступлении все, кто был из Песьяново в отряде Долгушина, уезжали домой и жили целую неделю. После этого в деревню Песьяново приехал отряд Бардакова и, угрожая оружием, мобилизовал всех»...

При этом во многих деревнях формировались и собственные добровольческие отряды, прежде всего, из наиболее пострадавших от Советской власти. Организаторами и руководителями восстания являлись бывшие фельдфебели и офицеры, зажиточные крестьяне, наиболее недовольные Советской властью, представители сельской интеллигенции, духовенство. В целом же социальный состав повстанческого движения был достаточно пестрым: в основном середняки, зажиточные крестьяне, часть бедноты, бывшие военные специалисты, перебежавшие или сдавшиеся в плен красноармейцы (так, в бою в районе села Беловского, пулеметчиками у повстанцев являлись сдавшиеся красноармейцы 233 полка), а также уголовники. Отмечались и случаи участия в рядах

мятежников представителей милиции (например, на стороне повстанцев оказались милиционеры Озернинской волости - Голованов и Викуловской волости - Григорьев).

Причем межа кровавого противостояния делила даже семьи на два противоположных лагеря. Так, в письме некоего В.Савина сообщалось, что Бокшурганов арестован коммунистами, прибывшими из Мамлютки, а сын его, коммунист, наверное, кончен (убит мятежниками - И.К.). По показаниям свидетеля Варакина С.С., граждане деревни Песьяново Пегановской волости Филиппов Федор и Аверин Егор, действительно, преследовали Григория Аверина (сына Егора Аверина), хотели убить его за то, что «он записался в партию». Сам Григорий Аверин, 27 лет, тоже подтвердил этот факт.

Целью повстанческого движения, по вполне достоверным данным военного командования РККА, являлись захват власти и возвращение к старому, привлекавшему, по представлениям мятежников, свободной торговлей и отсутствием коммунистов. Каких-либо преобладающих идеалов в повстанческой идеологии указать нельзя, в ней уживались эсеровские взгляды и самый закоренелый монархизм. В некоторых местах возобновилось, например, титулование по чинам и ношение погон. Политическая платформа, как таковая, в движении отсутствовала.

Одним из главных руководителей повстанцев Ишимского уезда являлся «бывший поручик» Владимир Алексеевич Родин. В письме некоего В.Савина от 20 февраля 1921 г. давалась следующая характеристика главкома Народной Сибирской Армии В.Родина: «О Родине сообщу, - это учитель школы 2-й ступени, человек с образованием, энергичный и, как видно по его работе, можно надеяться, боевой малый. В случае неудачи где-либо, он немедленно выезжает сам, не волнуясь направит, и получает успех. С военным делом знаком. С моей стороны, сомнительного нет. О других его товарищах скажу, что это - трусы, в случае чего, так они растеряются и людей переполохают».

В отношении «Главного штаба Народной Сибирской Армии», подписанном несколькими руководителями повстанцев, сообщалась такая информация о Родине: «Довожу до Вашего сведения, что гр. Владимир Алексеевич Родин есть, действительно, по-нашему, самый энергичный человек. Весь наш боевой девиз и есть начат гр. Родиным. Он еще при власти коммунистов вел самую усиленную агитацию против коммунизма и в день восстания крестьянства очень прилежно взялся за это правое дело, тем более, гр. Родин вел в казачестве очень усиленную агитацию в 1918 и 1919 гг., где приобрел себе доверие, а почему и принял на себя этот великий пост Начальника Народной Сибирской Армии по просьбе нашего местного населения, которому подчинились все командующие Народными Армиями от Ялуторовска, Тюмени и Омска. Казачество тоже приняло за Верховного Правителя, которое восстало от Петропавловска до Челябинска, Кокчетова, Атбасара»...

Разгоревшаяся повстанческая борьба носила стихийный характер и отличалась жестокостью и непримиримостью. Как и во всяком стихийном народном движении, в мятеже 21 года была велика роль толпы, таившей в себе стадные чувства, разрушительные и низменные инстинкты. В период восстания (в особенности с февраля по апрель 1921 г.) повстанцами были разграблены и уничтожены ссыпункты, почты, волостные канцелярии, загсы, коммуны, кооперативы и артели, угнано и убито множество лошадей, коров, свиней, овец. Отмечались случаи разграбления сельских школ и библиотек (например, библиотека при Песьяновской школе была частично расхищена, а частично сожжена).

Восставшие крестьяне прерывали железнодорожное сообщение на участках Тюмень-Называевская, Челябинск-Омск, разобрав во многих местах путь; вывели из строя телеграфную связь.

Развернулся широкомасштабный повстанческий террор, направленный на коммунистов, советских работников, милиционеров, продкомиссаров и членов их семей. В советской исторической литературе немало писалось о жестоких зверствах бандитов и кулаков, уничтожавших коммунистов и работников советских учреждений, прежде всего, из чувства классовой ненависти и мести. Еще первые аналитики Западносибирского мятежа отмечали, что главными лозунгами его были: «Долой коммунистов! Вся власть крестьянам!» Ярко выраженные антикоммунистические настроения и мотивы отчетливо проявили себя в поведении повстанцев.

К сожалению, коммунисты Тюменской губернии не только беспощадно осуществляли перелом на продовольственном «фронте», но и запятнали свой моральный облик неблагоприятными поступками, в личных интересах легко вступая в конфликт с собственной совестью и «революционной законностью». В массовом сознании послереволюционной поры они нередко отождествлялись с новыми буржуа, «позволяющими себе ненужную паразитическую роскошь».

Любопытно, что заведующий Ишимским домом лишения свободы Павшук 3 мая 1921 г. обратился в редакцию местной газеты «Серп и молот» с просьбой (так и неисполненной) опубликовать его заметку под названием «Буржуа катается». В ней говорилось: «Сажу в квартире по улице Пономаревская № 18, смотрю - подъезжает экипаж на резиновом ходу, в него запряжена пара вороных жеребцов, а в экипаже кто?.. Мадам Гуськова (жена Гуськова Ивана Максимовича, ишимского уездного продовольственного комиссара - прим. И.К.). Теперь спрашивается, товарищи: Неужели мы взяли разверстку для того, чтобы кормили лошадей для проката жен комиссаров? Нет! Эта подлая выходка обостряет крестьян».

В порыве душевной экстазии безызвестный автор воззвания Голышмановского штаба народной армии, датированного серединой февраля 1921 г., призывал гражданское население и красноармейцев к самопожертвованию и самоотверженной борьбе с коммунистами: «... Мы, крестьяне великой Сибири, восстали с надеждой победить. И если же нам придется умирать, то помните, братья, что лучше смерть в бою с насильниками, угнетателями, чем умереть от голода с позорным жидовским ярмом на шее. Лучше быть убитым, чем дать глумиться над собой, над достоинством свободного человека... Нам обещали все, но не дали ничего, кроме пули в грудь и тюрьмы. Так помните же, братья, что в этой великой борьбе за освобождение от позорного ига коммунистов и жидов не может быть ни малейшего колебания. **Или смерть или победа**».

В «садизме ненависти, сладострастии мщения» восставшее крестьянство судило своих угнетателей и насильников - коммунистов, продкомиссаров, милицию. Подчас деструктивное поведение, повстанческий террор приобретали крайне уродливые, гипертрофированные формы, сопровождалось выплеском архаичных, темных, животных пластов психики.

Разгоревшееся с поразительной быстротой и силой крестьянское восстание беспощадно сметало коммунистические властные структуры, а крестьяне, казалось, обретали желанную свободу действий. Вслед за исследователем психологии русского крестьянства Н.Н.Фирсовым можно сказать, что толпа, ощутившая свободу действий подобно ушедшему от погони колоднику, праздновала свой пир. Само ощущение желанной свободы действий вызывало в на-

родных массах чувство радости жизни и желание взять все от нее, что она может дать в настоящий миг воли. Это был своего рода момент массового аффекта.

В аналитическом докладе командира 85 бригады ВНУС Н.Н.Рахманова, участвовавшего в подавлении повстанческого движения, отмечалось, что с самого начала восстания каждая деревня и село формировали сельский штаб, который, в первую очередь, занялся избиением коммунистов, арестом их семей и членов Союза Коммунистической Молодежи. Так, коммунист М.П.Семибратов, проживавший в деревне Мишине Пегановской волости, показал, что делегатка из Пеганово объяснила собранию, что «можете арестовать партийных и тех, кто вам сделал обиду». Помимо этого, повстанцы реквизируют скот у семей коммунистов, грабили их имущество. В частности, в предписании одного из повстанческих руководителей содержалось требование «немедленно отобрать скот у семей коммунистов и выслать в село Пегановское». Аналогичным расправам подверглась и милиция.

Более подробно обстоятельства преследований мятежниками одной из семей коммунистов можно представить, в частности, из донесения в волостную милицию крестьянки деревни Карьково Пегановской волости Евдокии Уросовой. «После убийства мужа, - сообщала Е.Уросова, - ко мне в дом постановили штаб, коменданты штаба были Овчинников Осип Иванович и Смолин Андрей. Председатель Кудрявцев Гордей и судья Омегов Иван, которые осудили двух граждан нашей деревни Тюменцева и Бахтиярова на смертную казнь, после чего их стали бить нижеследующие лица: 1) Осип Овчинников, 2) Лазарь Тюменцев, 3) Яким Тюменцев, 4) Герасим Вакорин, 5) Василий Малышев, 6) Кудрявцев Андрей, 7) Кудрявцев Федор, 8) Кудрявцев Дмитрий. После этого меня хотели убить, но согласились на том, чтобы арестовать и отправить в Уктузское, где избивали коммунарок... После этого приехали с фронта братья Кошкарковы, Елизар, Василий, Порфирий и Михаил, и просили меня убить с детьми. После этого они же у меня все хозяйство растащили, закололи 2-х коров и 7 овец, взяли 12 овчин и сшили себе брюки для фронта и растащили всю одежду».

Нередко аресты и побоища коммунистов сопровождались экзальтацией поведения со стороны их участников. Так, пегановский волостной милиционер, член РКП (б), Ф.Соколов доносил командиру 188 пехотного полка, что, когда он был арестован мятежниками, то по дороге в полдневский штаб конвоиры избивали его пикой и наганом по голове и лицу, приговаривая: «Записались в коммуны, хотели наше имущество разделить и на нашей шее поехать. Врете, сейчас вы отпраздновали! Власть коммунистов пала, и мы вас всех с корнем выведем, и будем хозяева сами, и будем жить по-старому: у нас вс[□] будет, сало, масло и хлеба с остатками».

В заявлении коммуниста М.Власова, адресованном начальнику милиции 4 района, говорилось о том, что главарь повстанцев Д.Новиков, проживавший в селе Пеганово, настоял убить коммунара С.Власова, которого нагим клал на бревно и бил колом по животу, а также выкалывал пикой глаза.

Члены РКП (б) Прытков и Смирнихин сообщали о том, что 11 арестованных локтинских коммунистов доставили в пегановский штаб Народной Армии, раздели их донага, кололи пиками, загоняя в холодное помещение; затем выводили снова и повторяли удары. Продержав арестантов в холодном амбаре около трех часов, с 12 на 13 февраля их нагими поместили на подводы и увезли в село Локти. При этом сопровождавшие коммунистов мятежники кричали: «Будете, или нет, Бога признавать!»

Т.Д.Корушин в сборнике «10 лет Советской власти в Ишимском округе (1917 - 1927 г.)» приводит даже такой факт: «Председатель Алексеевского сельсовета Аромашевского района Зелинский Моисей был бандитами захвачен на постели и в одном белье выведен на снег. Зелинского до бессознания избили и выбросили за деревню. Бандиты этим не ограничились: они принесли соли, посыпали ею изуродованное тело Зелинского и снова стали бить палками. Не удовлетворившись этим, бандиты придумали новую пытку: они вырезали у зараженного сифилисом кусок зараженного места и затерли его под кожу Зелинского».

Подобных фактов жестоких расправ можно привести множество. В таких исторических воплощениях, возможно, чувствовалось что-то «вроде упоения на краю мрачной бездны». Некоторые повстанцы проявили явно садистские наклонности и побуждения, цинизм в отношении своих пленников, занимались мародерством. Так, крестьянин А.А.Сивков в селе Локти убил 5 коммунистов. Множество коммунистов казнил командир мятежников, житель деревни Вяткиной Кротовской волости, И.Т.Шарапов. С.Ф.Семенов, вместе с женой, снимал белье с раненых красноармейцев, а также снял золотое кольцо с убитого красноармейца, отрубив его палец. Ожесточенность, озлобленность крестьян, причастных к повстанческому движению, порой принимали болезненный характер. Так, согласно следственному протоколу, середняк Е.Аверин заявлял: «Одно могу сказать, что если не дадут мне хлеба, то я все равно кого-нибудь убью за то, что я сижу голодный».

По данным Т.Д.Корушина, Ишимская парторганизация потеряла во время восстания 500 человек, которые были зверски замучены, убиты повстанцами (по архивным данным, в именном списке коммунистов Ишимской организации РКП (б) на 20.04.1921 г. насчитывалось 406 человек, убитых и без вести пропавших во время восстания). Очевидно, что целью повстанческого террора являлось - деморализовать противника, привлечь на свою сторону колеблющихся, захватить или удержать власть.

Ненависть к коммунистам и олицетворявшемуся с ними строю, жажда мщения ярко проявлялись в настроениях и поведении как ряда рассеявшихся мелких повстанческих группировок, так и в целом наиболее недовольных большевистской властью крестьян и после подавления основных очагов мятежа. В частности, согласно доносу, в июне 1921 г. крестьянин деревни Карьково Пегановской волости К.Кудрявцев говорил: «Нужно еще начать восстание и добить всех коммунистов. Заставили сидеть голодом, и даже вот ехать не на чем, пообобрали все проклятые. Если бы попался мне в поле коммунист, то я бы его убил на месте, просидел бы десять лет в тюрьме, только бы убить коммуниста». Кандидат в члены РКП (б) А.Г.Копытов показал, что «граждане деревни Песьяной Пегановской волости Филиппов Федор и Аверин Егор ждут с часу на час переворота и говорят, что только если придут бандиты, то мы всех коммунистов изрежем на мелкие кусочки, и не будет никогда коммунистической власти, все равно мы ее свергнем». В донесении Вознесенской милиции, направленном начальнику Ишимской уездной милиции, отмечалось, что 30 сентября 1921 г. появилась группа из пяти человек неизвестного происхождения и захватила в деревне Лукошиной у председателя сельсовета одного красноармейца 29 полка 2 эскадрона Ивана Суличенкова. Неизвестные изрубили захваченного красноармейца около деревни Успенки, прихватив его лошадь, винтовку и шашку.

Крестьянская память о бурных событиях 1921 года, расправах над коммунистами оказалась довольно живучей. Так, Полномочное Представительство ОГПУ по Уралу информировало ОГПУ о том, что в ночь на 20 января 1928 г. в селе

Аромашево Ишимского округа, во время престольного праздника Крещение, по неизвестной причине вспыхнул пожар арестного помещения, в котором сгорел задержанный милицией пьяный гражданин Казанцев. Брат сгоревшего, Ф.Н.Казанцев, приехав к месту пожара, обращался к собравшейся толпе с призывом к свержению власти, избиению коммунистов и сожжению помещения рика, райкома и милиции; кроме того, не давал населению тушить пожар, выливая привозимую воду. Группа крестьян в 9 человек, возбужденная криками Казанцева, кинулась на присутствовавших здесь коммуниста Киселева и милиционера Проневича с целью избить их. При помощи некоторых граждан Киселеву и Проневичу удалось скрыться. Из этой группы крестьянин - середняк Захар Никулин кричал: «Нас расстреливают, арестовывают, живых жгут. Терпеть больше не будем. Бей коммунистов! Долой власть!» Он также призывал пойти по квартирам ответственных работников и избить их. На следующий день Казанцев, размахивая одеждой сгоревшего брата перед прохожими, старался собрать толпу крестьян, крича: «Сегодня к нам пришел 1921 год!»

П.Померанцев, впервые описывая и анализируя повстанческое движение с точки зрения классовой борьбы, в неопубликованном очерке «Западно-Сибирское восстание 1921 г.» (1922 г.), отмечал: «Погибшие коммунисты были козлами отпущения за весь представляемый ими строй. Зверства, которые были над коммунистами и ранеными и пленными красноармейцами, говорили о стихийной классовой ненависти мелкого хозяина западно-сибирской деревни к сторонникам иного строя... Крестьяне были за новую власть - без остатков политического крепостничества (начальства плюс господ) и без давящей силы капитала (буржуазии)».

Наблюдались и характерные для Гражданской войны факты коллективной ответственности, когда от рук повстанцев страдали жены и дети коммунистов, учителя, лица, имевшие интеллигентный вид, словом, нередко невинные люди. Так, находившиеся в селе Пеганово под стражей жены коммунистов были изнасилованы семьей караульными прямо в коридоре (пегановская следственная комиссия повстанцев, обвиненных в изнасиловании этих женщин, приговорила отправить на фронт). Песьяновский штаб повстанцев, например, подозревая в распространении коммунистической литературы, арестовал заведующую Песьяновской сельской библиотекой-читальней Марию Светлову и отправил ее в Пегановский волостной штаб. Лишь под личную ответственность она была освобождена М.П.Созоновым, занимавшим руководящую должность у повстанцев. В.Варакин и еще пятеро человек были арестованы мятежниками за то, что состояли членами культурно-просветительного кружка. Их освободили из-под ареста благодаря защите жителей деревни Песьяново.

Подробно обстоятельства своего ареста повстанцами передавал в донесении от 2.01.21, направленном в уездное политбюро, учитель Мишинской сельской школы Петр Германов: «31 декабря 1920 г. в 5 часов вечера, во время вечернего занятия учащихся школы грамотности взрослых, в школьное помещение врывается толпа женщин с криком и шумом. Первый отворяет дверь классной комнаты сын бывшего арестованного Фрола Босоногова Николай с радостным видом, видимо, их предводитель, а за ним женщины Фиона Шестакова, Дарья Шестакова, Агриппина Уросова, Матрена Смирнова, выкрикивая громко: «Ты, учитель, арестован и должен к девяти часам вечера явиться в Пеганово, там у нас солдаты арестованы, исполком, совет, ячейка». На мой вопрос - за что вы арестуете меня - одна из них, Шестакова Фиона, говорит: «Сегодня мы арестуем всех коммунистов, а так как Вы - коммунист, учитель, за то Вас и аресту-

ем»... А вечером в мою квартиру входит гражданин деревни Мишиной Иван Терентьев Чукреев 21 года, сын бывшего арестованного Терентия Чукреева, и говорит моим детям: «И вас не сегодня-завтра арестуем, у вас - отец-коммунист».

В упомянутом докладе комбрига Рахманова отмечалось, что «в Омутинском районе повстанцы подвешивали женщин и детей, у беременных женщин разрезали животы, и все это затем, чтобы в корне истребить семья коммуны». В докладе Помглавкому по Сибири сообщался и такой ужасающий факт: «200 трупов крестьян были найдены в селе Ильинском (на Ишимско-Петропавловском тракте), вступившим туда 25 февраля. Образцовым отрядом ВВШС (Высшей военной школы Сибири, находившейся в г.Омске. - И.К.), которые там валялись повсюду, главным образом, в ямах за кирпичными сараями, в самых разнообразных позах и в искаленном виде, причем было видно, что погибшие были даже не расстреляны, а убиты палками и вилами, и среди них были даже мальчики и девочки до 15-летнего возраста». В ходе крестьянского восстания только в Ишимском уезде погибло 30 учителей, большинство из которых было заподозрено в принадлежности к партийным.

Экстремальная, пограничная ситуация до предела обнажала возвышенные и низменные стороны человеческой природы. Причем убийства коммунистов происходили не только стихийно, но и санкционировались командованием мятежников, в частности, боевой приказ \square 2 Евсинскому сельсовету от 9 февраля 1921 г. гласил: «С получением сего предлагается Вам в течение 3-х часов организовать отряд, арестовать всех коммунистов и истребить...» Известны и факты, когда сельские общества, некоторые представители повстанческого руководства спасали своих односельчан, в том числе коммунистов, советских работников и членов их семей, от арестов, самосудов толпы, расстрелов.

Нередко крестьянская толпа, зараженная низменными инстинктами, представляла собой разрушительную силу. Школьный инструктор Ишимского отдела народного образования А.М.Городищенский, оправдывая перед следствием М.П.Созонова, служившего начальником гарнизона у повстанцев, подчеркивал: «Толпа совершенно не признавала его, была полнейшая неразбериха. Арестовывала без его ведома, били никого не спрашиваясь, и заступаться было невозможно, разъяренная толпа стирает с лица земли все, что ей кажется вредным».

Командование мятежников с целью улучшения боеспособности, повышения дисциплины, организованности на фронте и в тылу пыталось провести реорганизацию повстанческих формирований, установить определенный порядок охраны порядка, судопроизводства, боролось с мародерством и прочими пороками, характерными для повстанческо-партизанского движения. Так, приказ \square 30 начальника Сибирского фронта В.Родина от 20 февраля 1921 г. гласил: «...7. Приказываю невооруженных на фронт не отправлять, т.к. опыт показал, что эта часть армии при первом же выстреле с неприятельской стороны наводит только панику на войска и население своим стремительным бегством.

8. Опыт показал, что милиция, формируемая по назначению, всегда крайне неудовлетворительна по качеству и действует во вред народным интересам. Поэтому приказываю все обязанности ее возложить в волостях и городах выбранным представителям населения, из числа членов временных Советов, а самую охрану населения передать населению.

9. Приказываю организовать следственные комиссии по разбору дел: волостную - по одному члену от каждого населения волости, в городах - городскую, по соглашению общественных организаций с комендантом города из ше-

сти человек. Приговоры к смертной казни и ходатайства о помиловании отправлять мне.

10. Всех уличенных в расхищении народного добра из складов немедленно расстреливать.

11. Семьи всех расстрелянных коммунистов должны быть взяты под самый строгий надзор и, если местное население сочтет нужным, под арест.

12. Скот коммунистических семей закалывать и отправлять на фронт». По вопросу о производстве обысков в занимаемых повстанцами селах и деревнях общее собрание командного состава Ишимской Южной дивизии вынесло следующее постановление: «Поручить начальникам отрядов по занятии населенных местностей производить обыски и брать подозрительных личностей под арест, изымать оружие у населения. Что касается вещей, то военные части ни в коем случае не должны пользоваться случаем забирать что-либо из имущества арестованных и неарестованных граждан. Вопрос этот всецело должен быть возложен на местные власти с помощью вооруженной силы из занимаемых отрядов».

В докладе серьезного военного специалиста комбрига Рахманова внутренняя дисциплина и способы ее установления в повстанческих формированиях охарактеризованы следующим образом: «В первых добровольческих, собственно, партизанских отрядах, проявивших свою инициативу и действовавших по своему желанию, дисциплина была очень слаба. При наступлении наших отрядов на ту или другую деревню повстанческие отряды, находившиеся в более или менее отдаленных пунктах, немедленно снимались и стремились защищать свои деревни, оставляя на произвол судьбы другие. В этот период было сильно развито дезертирство. Поэтому всякий командир, вступавший в командование тем или иным отрядом, прежде всего, от последнего требовал гарантии безусловного повиновения своей воле. В последующем периоде с пополнением отрядов призванными по мобилизации возрастными и сведением мелких отрядов в более сильные, командиры получали все более и более дисциплинарных прав в смысле наложения взысканий. А в последний период оставление рядов повстанческой части рассматривалось как тягчайшее преступление против народа и каралось расстрелом. Было вынесено даже постановление раскатывать избы дезертиров, как изменников народному делу. В целом ряде приказов волостным штабам, а затем и комендантам было предписано строго следить за всеми приезжающими и проходящими людьми и отрядами. Ни один народармеец не мог отлучиться от части без разрешения своего командира батальона и увольнительной записки, а гражданское население в случае необходимости переезда по своим надобностям получало соответствующие пропуска от комендантов. Отпускные повстанцы регистрировались в волостных коменданствах. Каждая часть и отряд имели документы о своей приписке к тому или другому штабу, если же таковых не было, то отряды считались блуждающими и разоружались. С принятием этих мер боеспособность повстанческих отрядов значительно повысилась».

Эти же сведения подтверждают и обнаруженные нами документы повстанцев:

Расписка

1921 г. 22 февраля я, нижеподписавшийся гражданин мобилизационного отдела Орловского штаба Василий Демидов, дал настоящую подписку, что я получил с Мишинского совета для доставки в Истошино в хозяйственный отдел печеного хлеба 2 пуда 10 фунтов, в чем и подписуюсь.

Демидов.

Удостоверение

1921 г. февраля 20 дня предъявитель сего есть гражданин деревни Песьяной Пегановской волости Герасим Копытов. Командирован в деревню Мишино за сыромятной кожей, взятой у коммуниста Семибратова.

Начальник штаба.

Адъютант.

Председателю Карьковского Сельсовета

Прошу объявить проживающему в деревне Карьковой Александру Николаевичу Осинцеву, чтобы он прибыл завтра 4-го января в волвоенкомат на должность переписчика волвоенкомата.

3 января 1921 г.

Врид военком.

Удостоверение

21 г. 21 февраля предъявитель сего есть гражданин Александр Николаевич Осинцев, секретарь Мишинского сельского совета, 17 лет, Екатеринбургской губернии Нижне-Тагильского уезда Серебрянской волости и завода, что и удостоверяет Мишинский сельсовет.

21/11/21

Председатель Шестаков

Секретарь А.Осинцев

Официальная сводка за 12 февраля

Из Мокроусовой через Жиликово Орловской волости получено радостное известие, что Иркутск пал, и восточные войска спешно идут нам на помощь. Шадринск и Ялуторовск пали, в Кургане бой (явная дезинформация, направленная на то, чтобы поднять боевой дух повстанцев - И.К.).

Сводка...

В Новолоктинский штаб.

В 4 часа утра 14 февраля 1921 г. прибыл перебежчик из деревни Завьяловой, сообщает: в Завьяловой куманьков (так повстанцы презрительно называли коммунистов. - И.К.) нет, должно быть, в Завьяловой 2 милиционера и 1 куманек. На 37 разъезде стоит штаб куманьков. В Безруковой куманьки усилили караулы из крестьян, на каждом посту по 2 верховых. Куманьки находятся в панике. По протяжении железной дороги стоят рабочие и охраняют дорогу. Ночью 13 февраля в Безрукове на колокольне стоял пулемет.

В конце февраля 1921 г., под влиянием мощных ударов Красной Армии, в среде повстанцев отмечались раскол и недовольство своим командованием. Однако оборона мятежниками своих деревень отличалась крайним упорством и организованностью, как это было, в частности, в деревнях Травное, Лариха и Локти, многодневная атака которых стоила регулярным частям Красной Армии больших жертв.

После разгрома основных сил Народно-Крестьянской Армии в конце марта - начале апреля 1921 г. повстанческое движение в Приишимье неизбежно пошло на спад, в среде мятежников, ранее ожесточенно сражавшихся с Красной Армией, ярко проявлялись подавленность, страх, растерянность и усталость, недовольство к своим командирам. В сводке ишимского уездного отдела управления за 26 марта 1921 г. приводились, например, такие сведения из Успенского сельревкома Кротовской волости: «23 марта два перебежчика-мальчика сообщили, что бандиты держат путь в город Тобольск. Среди них наблюдается сильное желание разойтись по домам, но застрашивание репрессиями со стороны коммунистов удерживает в бандах; повстанцы почти все босые». При этом от-

дельные мелкие группировки мятежников скрывались длительное время и отличались крайней ожесточенностью и непримиримостью по отношению к коммунистической власти.

Трагически закончилась земная судьба многих видных руководителей крестьянского восстания в Западной Сибири, как, впрочем, позднее, в период массовых репрессий 30-х годов, и его рядовых участников. Характерна в этом смысле, например, судьба главкома «Народной Сибирской Армии» В.А.Родина, убитого своими же сподвижниками. В конце февраля 1921 г. Владимир Родин, заподозренный в измене, был арестован повстанцами, раздет донага, очевидно, подвергнутый пыткам перед смертью, сознался, что «он, Родин, партийный». При окружении, в боях с Красной Армией, мятежными казаками был убит и начальник штаба Казачьего войска «полковник» Кудрявцев, служивший до мятежа в Петропавловском военкомате на должности заведующего отделом учета конского состава.

Несмотря на разгром основных сил повстанческой армии, разрозненные формирования мятежников продолжали действовать еще в течение длительного времени (до поздней осени 1921 г.). Руководство оперативными действиями Красной Армии отмечало, что в лесисто-болотистых пространствах (например, на севере Ишимского уезда) бандиты, в совершенстве знающие местность, почти неуязвимы. В приказе по войскам Приуральского военного округа от 30 июня 1921 г. отмечалось, что состав банд (так называли, прежде всего, разрозненные отряды и группы повстанцев) и их численность непрерывно изменяются: то быстро тают, то быстро растут, причем эти группировки чрезвычайно подвижны. Агентурно-войсковой разведкой было замечено, что каждая банда имеет свое насиженное гнездо, куда возвращается после любых переходов, а местное крестьянство определенных районов пополняет ряды этих формирований. Военными обращалось особое внимание на свойства бандитизма, чрезвычайно затрудняющие с ним борьбу. Так, указывалось, что при неудаче бандиты расходятся по домам и, как только станет легче дышать, вновь собираются в «партию» и возвращаются в свои гнезда, чтобы пополнить свои ряды и прокорчиться.

Летом 1921 г. в Ишимском уезде начался небывалый, массовый голод, который продолжался и в 1922 г. Вспыхнула эпидемия холеры. Крестьяне питались травой, трупами павших животных, собаками. По неполным официальным данным, имелось 8159 случаев смертности от голода. Небывалый голод, сбор часто непосильного продналога вновь усилили враждебность крестьянства по отношению к РКП (б) и ее представителям на местах. На почве голода принял серьезные масштабы уголовно-грабительский бандитизм, и даже в конце 1922 г. по Ишимскому уезду орудовали мелкие разбойничьи шайки, происходили грабежи и убийства.

Показательно, что и после жестокого подавления крестьянского восстания в Приишимье происходили самочинные расправы над освобожденными из-под следствия повстанцами, их убийства со стороны милиции и коммунистических ячеек. Данные факты были порождены атмосферой безответственности и вседозволенности представителей власти и, по сути, являлись различными формами красного бандитизма в Сибири. Уже в конце 1919 г. полномочный представитель ВЧК по Сибири И.П.Павлуновский в циркулярном письме № 6 под названием «Еще о красном терроре и красном бандитизме» отмечал: «...В Тюменской губернии природа имеющегося там бандитизма еще не выяснена... Начало замечаться следующее: арестованные ЧК на местах убиваются. Аресто-

ванных редко доводят до места, по дороге «при попытке бежать» расстреливают... Устанавливается, что проводниками красного террора на местах являются политбюро (орган ЧК. - И.К.) и милиция».

Наделение органов ЧК и милиции чрезвычайными полномочиями в обстановке бесконтрольности нередко приводило к многочисленным злоупотреблениям и преступлениям. В секретном предписании от 26 февраля 1921 г. отмечалось, что «в губчека поступают сведения о том, что отряды при захвате в плен повстанцев расправляются с ними на месте, то есть расстреливают. А потому председатель губчека просит (убедительно) приказать начальникам отрядов всех задержанных главарей и активных повстанцев не убивать, а направлять в губчека. Так же прекратить массовые расстрелы и бесшабашные расправы над крестьянами в местностях, уже очищенных от повстанцев». Однако эта проблема приобрела длительный и острый характер.

Так, приказ № 76 по Управлению Ишимской уездной рабоче-крестьянской советской милиции от 23 марта 1921 г. гласил: § 5

Всем районным начальникам Ишимского уезда объявляю выписку из приказа № 4 Президиума губисполкома и президиума Коллегии Губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией:

«О милиции. Ни в коем случае не допускать самовольные убийства, самосуды и разъяснить крестьянству, что Советская власть наказывает и будет наказывать всех тех, кто обманывал, сознательно призывал к восстанию и расстреливал деревенскую бедноту. Но это все должно быть организованным порядком, все активные кулаки и контрреволюционеры будут жестоко наказаны, как виновники восстания, только лишь тогда, когда будет закончено следствие и будет собран материал, обличающий их в преступлениях против Советской Власти». Очевидно, что самочинные расправы над повстанцами обуславливались и всепроникающей ненавистью, жадой мести, незамедлительного наказания своих противников и неуверенностью в том, что органы Советской власти на местах это наказание осуществят в должной мере.

В приказе всем райначальникам, старшим и младшим волостным милиционерам Ишимской уездной милиции от 10 августа 1921 года, отличавшимся уже большей категоричностью, указывалось следующее: «За последнее время Политбюро стало известно, что в некоторых районах милиции производятся самочинные расправы вплоть до убийства со стороны милиции и других личностей с возвращающимися домой гражданами, которые обвиняются в бандитизме и в настоящее время освобожденные под расписку до суда, и этими контрреволюционными выходками-произволами, действуя вопреки всех законов Советской власти, подрывая авторитет Р.К. Правительства, что является недопустимым, и за что Советская власть строго карает, разъясняю, что все возвратившиеся граждане, обвиняемые в бандитизме, к своему месту жительства, это не значит, что они освобождены Политбюро совсем. Нет, они освобождены под подписку до первого требования Политбюро, и ревтрибунал будет решать судьбу таковых, и заслуженные меры наказания они должны отбыть».

Стихия необузданной мести еще долгое время сказывалась на поведении противоборствующих сторон, духовная атмосфера Гражданской войны способствовала закреплению в массовой психологии ожесточения, нетерпимости, непримиримости, гипертрофированных представлений о роли революционного насилия.

Пытаясь сегодня, в бурное и переломное время, извлечь уроки из трагических событий 80-летней давности, можно совершенно согласиться с выводом

историка русского крестьянства Н.Н.Фирсова, исследовавшего Пугачевщину: «Кто не знает, что психология народного мятежа - страшная психология. Чувства ненависти и мести, воспитанные в народной психике бесконечным рядом лет бесправия, произвола, унижений и всяческого гнета, но чувства, сдерживаемые господствующими порядками и страхом его жестоких кар, становятся внешне активно активными, действующими психическими силами, лишь только хотя бы на миг один коллективному сознанию низших слоев представится, что пришло, наконец, время, когда можно покончить и со страданием вековым, и с вековым рабством народа».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Богданов М.А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. - Тюмень, 1961.
2. Шишкин В.И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. - Новосибирск, 1992. С. 3-79.
3. Он же. К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. □ 2. С.52.
4. Он же. К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. □ 2. С.56.
5. Он же. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. - Новосибирск, 1997.
6. Он же. За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: Сб. документов. - Новосибирск, 2000.
7. Фирсов Н.Н. Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики. 2-е изд-ие. - Москва, 1921.
8. Корушин Т.Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917 - 1926 г.). - Ишим. 1926.
9. 10 лет Советской власти в Ишимском округе (1917 - 1927 г.). / Под ред. Т.Д.Корушина. - Ишим, 1927.
10. Кубрин Ю.Н., Петрушин А.А. Организация и деятельность Тюменской губчека (1918 - 1922 гг.) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1998.-Тюмень, 1999. - С.68-70.
11. ГАРФ. ф.393. оп.43 а, д.1678, л.2.
12. РГВА. ф.16. оп.1, д.99. д.36. д.30; оп. 3. д.75, 99, 101, 58; ф.4, оп.1, д.29; ф.25892, оп.3, д.72; ф.1345, оп.2, д.17.
13. ИФ ГАТО. Ф.2. оп.1. д.114. 133; ф.12, оп.1, д.101; ф.18 сч., оп.4, д.5, 7; оп.1, д.119; оп.5, д.17; ф.82 сч., оп.1, д.1, 2.
14. Трудовой набат (Тюмень). 1922. 22 сентября.

Г.П.КУЗУРМАНОВ

Кузнечная площадь (заметки старожила)

В конце XIX – начале XX века Кузнечная площадь г.Ишима представляла собой огромный зеленый луг длиной около восьмисот метров, простирающийся от ул. Мало-Черняковской (ныне ул.Литвинова) далеко на запад и переходящий в подлесок с зарослями камыша и мелким полузаболоченным озерцом, подпитываемым ежегодными весенними разливами реки Мергень. К этому озерцу вплотную подходила березовая Мещанская роща, в южной части которой находилась

больница, построенная за городом после эпидемии холеры 1892 года (в последующем она называлась «2-я Советская», «Хирургическая», «Туббольница»).

Через площадь проходила дорога въезда и выезда из соседних и дальних деревень и сел Мизоновой, Быковой (Свистухи) с запада и Ларихи, Казанского – с юго-запада. С севера площадь ограничивалась жилыми домами, изредка двухэтажными, с полуподвальными первыми этажами, и улицами Большая Кузнечная (Карякина), Солдатская (Красноармейская), Зеленая, Мергенская (Врачей Калининых). С запада – отдельными домиками в створе нынешнего Березового переулка. С юга площадь ограничивалась старицей Ишимчик и проходящей по ее берегу небольшой улицей Кузнечный Ряд, примерно от ул.Мало-Черняковской до ул.Солдатской. На ул.Кузнечный Ряд располагались отдельными строениями кузни (кузницы) и жилые дома с пристроенными к ним кузнями. Эти дома, особенно построенные в конце XIX века, были обращены кузницами на Кузнечную площадь, а фасадами (окнами) в сторону Ишимчика и на проезжую часть ул.Кузнечный Ряд.

В те годы при въезде в город можно было, не заезжая на Кузнечную площадь, проехать на телеге или санях по берегу реки (ул.Кузнечный Ряд) и попасть сразу на Сенную площадь и Ново-Никольскую улицу (ныне ул.Московская), минуя центр города, и, при необходимости, проехать по берегу р.Ишим на Заимку или в деревню Серебрянка. Со временем ежегодные весенние разливы р.Ишим, когда высокая вода заходила в старицу Ишимчик, иногда заливая всю пойму реки от Кузнечного Ряда до Синицынской гряды, подмывали берег и к концу 30-х годов XX века дорога (ул.Кузнечный Ряд) превратилась в дорожку, по которой от Хутора до ул.Московской еще можно было пройти с двухколесной тележкой, но на телеге проехать уже было нельзя. В 1935 году дорогу на Кузнечной площади, образованную тележными колесами, редкими автомашинами да тракторами типа «Фордзон», прогрейдировали, создав вдоль дороги водосточные каналы со стоками в Ишимчик в створах улиц Зеленая и Литвинова.

Весенние и осенние потоки сточных вод к 1940 году создали овраги на берегу Ишимчика, особенно большой (более 20 метров) по ул.Литвинова, лишив людей возможности не только проезда, но и прохода по берегу – бывшей ул.Кузнечный Ряд. В конце апреля 1941 года вода за одни сутки поднялась на 990 см и по оврагу в створе улицы Зеленой по низинке стала поступать на Кузнечную площадь, угрожая затоплением. Для ликвидации этой угрозы руководство города организовало строительство заградительного вала по берегу Ишимчика из мешков с землей. Площадь и дорога на ней были спасены от наводнения.

Западная сторона площади (луг) до конца 50-х гг., когда еще не были построены автовокзал и школа № 2, служила местом сбора кузнечного табуна (более сотни голов) перед уходом на пастбище за рекой Ишим. В весеннее время восточная часть Кузнечной площади от ул.Литвинова до ул.Б.Кузнечной украшалась огромной лужей, которую можно было обойти только вдоль домов и заборов.

Имевшиеся с северной стороны площади деревянные тротуары со временем исчезли, и пешеходам приходилось идти по непролазной грязи. Земляное покрытие дороги весной и осенью превращалось в водно-грязевое месиво, особенно после 1945 года, когда в автохозяйствах, кроме отечественных автомашин типа «ГАЗ» и «ЗИС», появились мощные грузовики типа «Шевроле» и «Студебеккер». Колесами машин дорога была разбита многорядными глубокими колеями, и машины надолго застревали в них. Не помогали и лебедки на «Студебеккерах», лишь трактора вытаскивали автомашины из непролазной грязи.

Кузнечную площадь населяли ремесленники кузнечно-слесарного дела. Среди них были потомки ссыльных поляков, например, Фома Мачульский, ссыльно-поселенец Константин Кузурманов, переселенцы из центральных районов России - Василий Коротких, из окружающих Ишим волостей - Андрей Ильин, Кузьма Кочнев и др. В кузнице вместе с хозяином-кузнецом обязательно работал наемный рабочий - молотобоец и ученик кузнеца из наемных или из подрастающих сыновей.

Семьи часто были многодетными (4-6 детей).

Подрастая, сыновья помогали отцам и сами становились кузнецами. Кузнецам работы хватало круглый год. В базарные дни в город тянулись подводы с сеном, дровами, зерном, мукой, мясом, рыбой и прочими товарами, особенно во время Никольских ярмарок.

А где конь - там и подкова. Кузнец ковал подкову по размеру копыта коня и подковывал его. В кузницах также производился ремонт телег, тележных колес, плугов, косилок, молотилок и домашней металлической утвари.

После изгнания колчаковцев из Ишима в ноябре 1919 г. отделом коммунального хозяйства города были взяты на учет восемь частных кузниц и три слесарных мастерских, большая часть которых находилась на Кузнечной площади. После окончания нэпа в конце 20-х годов XX века в стране развернулось движение за кооперирование кустарей-одиночек различных промыслов в артели.

В конце сентября 1929 года кустари кузнечного и слесарного дела объединились в промыслово-производственную кузнечно-слесарную артель «Кустарь», чуть позже переименованную в артель «Кузнецы». Артельными стали здания отдельно стоящих кузниц и слесарных мастерских со всем личным кузнечно-слесарным инструментом. В первые полтора-два года работали лишь кузнечный и слесарный цехи. Рабочие артели ковали строительные скобы, штыри, подковывали лошадей, ремонтировали плуги, телеги, изготавливали различные детали к сельхозмашинам.

В 1932-34 гг. территория артели «Кузнецы» расширилась за счет снесенного дома с кузницей Андрея Ильина. Возник токарный цех с ременной трансмиссионной передачей и токарным станком от установленного здесь же нефтяного двигателя. Появился электроцех, дававший освещение территории, конторе и цехам артели, а также жестяной цех по изготовлению ведер, тазов, ванн, леек и прочих бытовых товаров; была организована работа кроватного цеха.

В 1935 году был построен новый кирпичный кузнечный цех, установлена чугунолитейная вагранка и открыт литейно-формовочный цех. Был расширен кроватный цех. В артели стали выпускать бытовое чугунное литье - чугуны различных размеров, чугунные кухонные плиты, колосники, дверцы, вьюшки-задвигки к домовым печам. Чуть позже стали отливать запчасти к нефтедвигателям, втулки для сенокосилок и телег. Вся продукция, выпускаемая в артели «Кузнецы», пользовалась большим спросом у жителей города и деревни, не залеживалась на полках магазинов.

В конце 1929 - начале 1930 года в Ишиме стали возникать и другие кустарно-промысловые артели. На перекрестке улиц Путиловская (Литвинова) и Советская (в 150 метрах от артели «Кузнецы») возникла промысловая артель «Пролетарка», переименованная в 1939 году в артель им.Крупской, руководителем которой многие годы была Любовь Петровна Фадеева. В этой артели занимались пошивом одежды и белья, была открыта мастерская по ремонту швейных машин и велосипедов, открыта и работала в районе рынка фотография. Так что жителям Кузнечной площади и ближайших улиц всегда была работа.

Чем занимались обитатели Кузнечной площади кроме работы? Взрослые – ведением домашнего хозяйства (всевозможная живность и птица) и приусадебными огородами с картофелем, овощами, а также табаком. Махорку делали себе по вкусу сами курильщики, а в годы войны (1941 - 1945) выращенный табак и сделанную из него махорку сдавали на пункт приема для отправки на фронт в действующую армию.

Ребятам на Кузнечной площади было раздолье. На огромном лугу с дорогой посередине проходили все подвижные игры – городки, чиж, бабки, в «попа-нагон», русская лапта. В футбол играли летом в поле за Ишимчиком. Зимой на Ишимчике расчищали лед, делали каток и все свободное время проводили там. Бывало летом, к вечеру, когда кузнецы шли с работы после первой смены, некоторые из них (уже взрослые мужики!) играли в лапту вместе с ребятами. В этом случае, если «влепят» мячом, – синяк обеспечен и чесаться будет долго, бывало и до слез.

Еще одна примета была у Площади (буду для краткости ее так называть и после переименования в улицу Орджоникидзе) – голуби. На крышах многих домов и амбаров стояли голубятни, а в воздухе летали стаи голубей. Занимались ими взрослые мужики, а подростки им в этом помогали. А сколько было споров – чьи голуби лучше! Спор решался так: уносили в корзинах голубей в район Красного Яра (ныне конец улицы Казанской в районе Плодопитомника) и выпускали их там. Голуби должны прилететь в свои голубятни, а хозяева должны были своих голубей загнать, поймать и доставить к месту сбора, где болельщики определяли, чьи голуби прилетели первыми.

Вся хитрость заключалась в том, что на пути их полета остальные голубятники выпускали стаи своих голубей, стараясь приманить, посадить и поймать чужаков. Поймал чужака – твой или требуй выкуп с хозяина. Обид друг на друга не было, пьянок тоже при этом не наблюдалось. У мальчишек кроме игр было еще одно увлечение – певчие птицы, в основном, щеглы. Сами делали птичьи клетки, сами ловили птиц, сами в поле осенью заготавливали птицам корм – зерно конопли.

Какие события «видела» Площадь?

В период крестьянского восстания 10 февраля 1921 года восставшими была предпринята попытка захвата Ишима. В 2 часа дня конные и пешие отряды из пригородных деревень, вооруженные ружьями, вилами, топорами и пешнями атаковали город, прошли по Площади и захватили западную часть города, примерно до здания нынешней почты. В течение получасового боя, которым руководил помощник командира 181-го полка внутренней службы Е.И.Лушников, наступавшие были разбиты и, понеся большие потери, отступили и бежали по Площади за город в деревни Гагарино, Локти и другие. С того времени следы былых окопов долгое время были видны в Мещанской роще (примерно в районе улицы 40 лет Победы).

Не обошла жителей Площади и ее окрестностей волна политических репрессий тридцатых годов.

В первом томе «Книги расстрелянных» С.Гольдберга упоминается Бакарадзе Иван Иванович. Это Ваню Бакарадзе, родившийся в 1875 году в грузинском селе Гори, земляк и хороший знакомый Иосифа Джугашвили. Ваню рассказывал моему отцу, что он со Сталиным «немножко разошелся во взглядах». Это «Большому земляку» не понравилось и он отправил «маленького земляка» в ссылку в Ишим под надзор НКВД. Ваню работал слесарем артели «Кузнецы». Когда пришла первая волна массовых репрессий 1937 года, Ваню Бакарадзе был

арестован 6 ноября 1937 года и как «враг народа» был расстрелян в Омске 26 ноября 1937 года.

Из артели «Кузнецы» в 1937-38 гг. были арестованы и расстреляны несколько человек. В их числе: Кузурманов Петр Константинович, 1901 года рождения, организатор и первый председатель артели «Кустарь» (Кузнецы), Толкачев Иван, 1903 года рождения, слесарь артели «Кузнецы» - оба как «враги народа» расстреляны в Омске 16 июня 1938 года. Все позднее были реабилитированы.

Несколько человек – жителей Площади – были арестованы и получили длительные сроки заключения и ссылки. Почти никто из них не вернулся домой. Среди них организатор и руководитель детского хора города Ишима конца двадцатых и начала тридцатых годов А.И.Аликин, работник редакции газеты «Серп и молот» И.Н.Босых, которого упоминает в своих «Колымских рассказах» писатель В.Шаламов.

Когда-то на Площади стоял продуктовый магазин □ 14. В конце 1939 года, когда началась война с белофиннами, около магазина стала возникать очередь за хлебом. Сначала очередь образовывалась утром к привозу хлеба, затем с ночи, а в 1940 году очередь стали занимать с вечера. Участковый милиционер Ташланов частенько пытался ее разогнать, но очередь возникала за углом на ул. Красноармейской. За ночь очередь многократно пересчитывалась и уходить домой было нельзя. Но в шесть часов утра кузнецы шли домой с ночной смены и последний раз делали пересчет очереди. С этого времени очередь больше не нарушалась и можно было 2-3 часа дома поспать до открытия магазина. И так каждый день.

С середины 1940 года хлеб выдавали по спискам жильцов в домах, которые делались квартальными уполномоченными (в народе это называлось «по кубикам»). В очередях стояли в основном женщины и дети, которые узнали о начале войны 1941 года стоя в очереди за хлебом. Очереди за хлебом оставались до отмены карточек в январе 1948 года.

Осенью этого года были введены продуктовые и промтоварные карточки: рабочим – по 600 г хлеба, служащим и иждивенцам – по 450 г хлеба, когда не было хлеба, выдавали муку по 250 г.

В 1939 году произошел призыв в Красную Армию сразу трех возрастов 1919-1921 годов рождения и большинство из них, кто остался жив, служили в армии по 8-10 лет. Мало кто из призванных в 1939-44 гг. остался жив, а если кто и вернулся домой, так с ранениями или покалеченным. Погибли на фронтах Кочнев Кузьма, его сыновья Анатолий и Николай, Кузурманов Михаил, Флеер Михаил, Арбузов Михаил, Белов Евгений, Кириллов Адольф и др.

Вернулись ранеными или покалеченными: Мачульский Александр, Жуков Петр – с пулей в сердечной «сумке», Латынцев Петр – без ноги, Кириллов Константин – сапер, без обеих рук и без глаза.

В один из осенних дней 1941 года, ближе к вечеру, когда между дождевыми тучами выглянуло солнышко, по Площади прошли подразделения 384-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в Синицынском бору. Впереди на конях комсостав, за ними знаменосец с зачехленным знаменем, а далее бойцы, молча шагавшие по разбитой дождями дороге. Шли на посадку в эшелон для отправки на фронт.

С конца декабря 1941 года по март 1942 г. в Ишиме формировалась часть 229-й стрелковой дивизии Второго формирования.

Дивизия Первого формирования этого же номера была разбита в июле 1941 года в боях под Смоленском. Личный состав 783-го полка 229-й стрелковой

дивизии дислоцировался в Синицынском бору в землянках, оставленных полком 384-й дивизии, и на территории пионерского лагеря им.Ленина.

1 мая 1942 года личный состав 783-го полка шел по Площади на посадку в эшелон. Среди них был и медико-санитарный батальон, сформированный в основном из девушек-добровольцев, закончивших курсы медсестер в Ишиме, Бердюжье, Казанском и других местах. Все они прошли еще дополнительную подготовку в городе перед отправкой на фронт. Они шли по Площади и еще не знали, что через три месяца под Сталинградом попадут в мясорубку войны.

25 июля 1942 года пять батальонов 229-й стрелковой дивизии в излучине Дона окажутся под ударом двух германских мотопехотных и одной танковой дивизии. Остальные батальоны дивизии и основная часть артиллерии не успеют переправиться на левый берег Дона, т.к. утром 26 июля 1942 года после артподготовки и авианалета до ста немецких танков прорвут оборону дивизии и выйдут к переправам через реки Чир и Дон.

В окружении на правом берегу Дона окажутся четыре дивизии Красной Армии, в том числе и 229-я, из которой на левый берег Дона сумеют переправиться около 750 человек (полный состав дивизии был около 10000 человек), в их числе и санинструктор Валерия Гноровская из Бердюжского района, которой 3 июля 1944 года посмертно будет присвоено звание Героя Советского Союза. Остальные бойцы и командиры погибнут или попадут в плен.

В начале августа 1942 года в районе Суровикино почти весь медсанбат станции окажется в окружении. Среди них и ишимские девушки: Лимахина (Шастунова) Тамара, Субботина Надежда, Бердюгина Мария и др. Все они длительное время будут числиться «пропавшими без вести», пройдут немецкие концлагеря.

В годы войны в Ишиме было развернуто 4 госпиталя. В 1941 году □ 3341 и □ 4284 (до марта 1942 года) занимали здание педтехникума, ныне учебный корпус пединститута. Госпиталь □ 2478 размещался на базе 2-й советской больницы в Мещанской роще и в августе 1941 года стал филиалом Ишимского эвакогоспиталя □ 1502, разместившегося в зданиях педтехникума, медтехникума (ныне тубдиспансер), школе □ 6 (ныне школа □ 1) и в здании Дома пионеров (Дом детского творчества). В августе 1941 года в Ишим поступили первые эшелоны с ранеными, они медленно проехали по Площади в направлении зданий медтехникума и 2-й советской больницы. В марте 1943 года эвакогоспиталь □ 1502 отбыл в сторону фронта, и его место в педтехникуме заняли курсанты 3-й Московской артиллерийской спецшколы.

Зимой 1943-44 гг. курсанты по 6-10 человек тащили по Площади сани, загруженные торфом, для топки печей. Везли его с торфяного болота, называемого в народе «Камчаткой». Другого топлива не было, т.к. Мещанская роща была вырублена на дрова еще в 1942 году.

В конце 1941 года в Ишиме на территории военного городка разместилось Второе Ленинградское военное авиатехническое училище (ЛВАТУ-2).

Его ремонтные мастерские находились на хуторе (в будущем территории автоколонны □ 1319).

Жители Площади часто слышали стрельбу авиационных пушек и пулеметов, стрелявших после ремонта в поле за рекой Ишим. Летом ЛВАТУ-2 выбыло из Ишима, выбросив тайком часть авиационных боезапасов с моста в реку Ишим. Но пацаны быстро это узнали и ныряя в воду, доставали авиационные пушечные снаряды и пулеметные ленты с патронами. Естественно, разбирали их, бросали в костры. Подрывались. Были и смертельные случаи.

В заключение рассказа о Кузнечной площади Ишима можно добавить следующее.

На западной ее окраине в 20 годы XX века стояло каменное (кирпичное) одноэтажное здание, в котором в 1925 году размещалась женская тюрьма (возможно временно по какой-то причине). В это время государством изымались из Богоявленского Собора, Никольской и Троицкой церквей и Польского костела, а также у населения золото и драгоценности. Женщин, подозреваемых в сокрытии ценностей, сажали в эту тюрьму «подумать» (обручальные кольца не отбирали), а затем через день-два выпускали. В 1927 (?) – 1928 году (точно) в этом здании располагался родильный дом. С конца 1928 и в начале 1929 года началось строительство деревянного второго этажа здания. С сентября 1929 года в нем размещался медтехникум. В военные годы (1941-1943) здесь был эвакуогоспиталь, затем педучилище (здание бывшего педтехникума еще было занято артиллерийской спецшколой). С 1947 года в этом здании на Площади разместился противотуберкулезный диспансер.

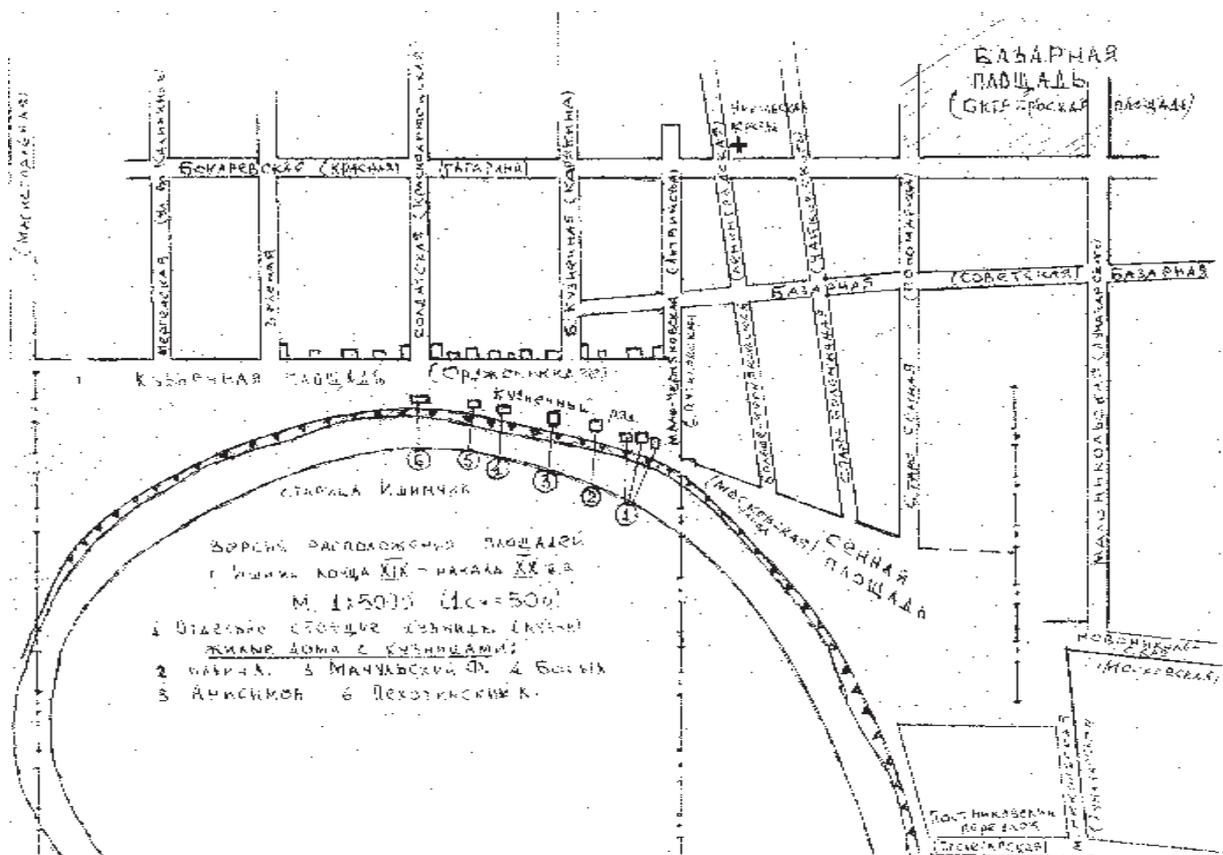
Кузнечная площадь фактически перестала существовать с конца 1937 года, когда ее переименовали в улицу Орджоникидзе (ее четную сторону), а Кузнечный Ряд в 1959 году также стал улицей Орджоникидзе (ее нечетной стороной), бывшая артель «Кузнецы» превратилась в цех товаров народного потребления завод «Ишимсельмаш».

Я рассказал о Площади и ее жителях, чтобы дольше не сбывались слова песни: «От героев былых времен / не осталось даже имен...»

ПРИМЕЧАНИЯ:

«Книга расстрелянных» (составитель Р.С.Гольдберг). – Тюмень, 1999 г. Т.1 - с.302.

Схема Кузнечной площади.

Ишимский участок железной дороги: история в фотографиях

Северный участок великой Транссибирской железной магистрали Тюмень-Омск, как продолжение трассы Екатеринбург ~ Тюмень (1885 г.), строился в 1909-1913 годах - много позже своей предшественницы. Железнодорожное полотно протяжённостью более 600 вёрст с многочисленными мелкими и крупными мостами через систему рек и ручьёв, среди которых выделяются поймы Пышмы, Тобола, Вагая, Емеца, Карасуля и Ишима, вокзалами и полустанками построили в рекордно короткие для начала XX века сроки - за четыре года. Всеми строительными работами руководил екатеринбургский инженер Сергей Алексеевич Беэр - продолжатель замечательных дел весьма известной в России фамилии. Его дед - судостроитель и выходец из Швеции, был приглашён в Россию ещё Петром I. Все последующие поколения этой семьи стали горными инженерами-путейцами и мостостроителями. С.А.-Беэр пригласил на стройку многих выдающихся русских инженеров, в том числе знаменитого мостостроителя Евгения Карловича Кнорре (1845-1917 гг., рис.1). Все мосты на участке Тюмень - Омск спроектированы и построены под его непосредственным руководством и наблюдением.

В пределах Ишимского района наиболее крупные мосты сооружены через реку Карасуль (два моста, в том числе - в пригороде Ишима, 270-я верста от Тюмени), а также один из наиболее внушительных - через реку Ишим, (27-я верста). Где бы ни работал Е.К.Кнорре, он всюду применял новейшие инженерные приёмы строительства. Так случилось и в Ишиме. Для ускорения монтажа моста Кнорре предложил необычный в то время способ. Суть его состояла в том, что в отличие от традиционной сборки ферм из отдельных деталей и узлов на месте будущего расположения фермы, он начал одновременный монтаж ферм на обоих берегах реки с последующей передвижкой готовой фермы на устои моста (рис.2). Для перемещения машины, вес которой трудно себе представить, Кнорре применил вспомогательные временные пути, расположенные параллельно оси моста. Фермы передвигались с помощью системы сложных полиспастов, тросов, домкратов и паровозов. Время монтажа было сокращено в несколько раз, улучшились условия работы и безопасности рабочих. Красавец мост стал гордостью железнодорожной стройки (рис.3. Все фотографии датируются 1913 годом).

Ещё более впечатляющей стала постройка грандиозного виадука через Черемшанский овраг, расположенный в 19 верстах от Ишима в сторону Омска. Здесь Кнорре использовал в качестве мостового перехода обращённую вниз сборную металлическую ферму (рис.4) не только с целью разнообразить конструкции своих мостов, но и в попытках упростить, а, следовательно, ускорить строительство. Впрочем, не будет лишним обратить внимание и на другую особенность виадука: промышленный пейзаж Черемшанского оврага, не только не был искажён стройкой, но и заметно выиграл, несмотря на грандиозность железнодорожного сооружения. Со-

гласитесь, в наше время забота о сохранении природного ландшафта со стороны предпринимателей и промышленников - явление редчайшее. Нелучайно государственная комиссия, принимавшая дорогу в эксплуатацию, свой памятный групповой снимок решила организовать на фоне необычного виадука Е.К.Кнорре (рис.5). Мне не довелось побывать в районе Черемшанского оврага - хотя обыкновенно всегда посещаю места, о которых пишу. Сохранился ли черемшанский виадук до нашего времени - своеобразный памятник замечательному русскому мостостроителю Кнорре? Надеюсь, что в примечании к статье редакция сборника, информированная больше, чем я, меня дополнит.* Пока лишь имя выдающегося инженера хранит в Сибири и на Дальнем Востоке станция Кноррин близ Владивостока, да памятная доска и капсула в береговой опоре знаменитого моста через Енисей в Красноярске.

Проектирование и строительство пристанционных сооружений в Ишиме (рис. 6,7,8) проводили и другие известные инженеры и архитекторы. В частности, к сооружению зданий паровозного депо и вокзала (рис.9) был причастен тюменский городской архитектор К.П.Чакин.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ:

Рис.1 Инженер-механик Е.К.Кнорре.

Рис.2. Надвижка пролетного строения-фермы на опоры моста.

Рис.3. Мост через р.Ишим готов, 275-я верста от Тюмени.

Рис.4. Консольный виадук через Черемшанский овраг, 291-я верста, среди членов комиссии по приёму дороги присутствуют С.А.Беэр и Е.К.Кнорре, фото 1913 г.

Рис.5. Железнодорожный подъезд к Черемшанскому оврагу, вдали - виадук, шедевр мостостроения инженера Е.К.Кнорре.

Рис.6. Общий вид строительства станции Ишим, на переднем плане - поворотный круг паровозного депо, вдали - водонапорная башня, 272-я верста.

Рис. 7. Паровозное депо и мастерские станции Ишим.

Рис.8. Внутренний вид мастерских.

Рис.9. Пассажирский вокзал 3-го класса площадью 175 кв. саженей, ст.Ишим, 1913 г.

Рис.1

* В 1993 г. началась разборка моста через реку Ишим. Новый мост был пущен в эксплуатацию в 1995 г. Мост через Черемшанский овраг был демонтирован еще в 1959 году (прим. ред.).

Рис.2

Рис.3

Рис.4

Рис.5

Рис.6

Рис.7

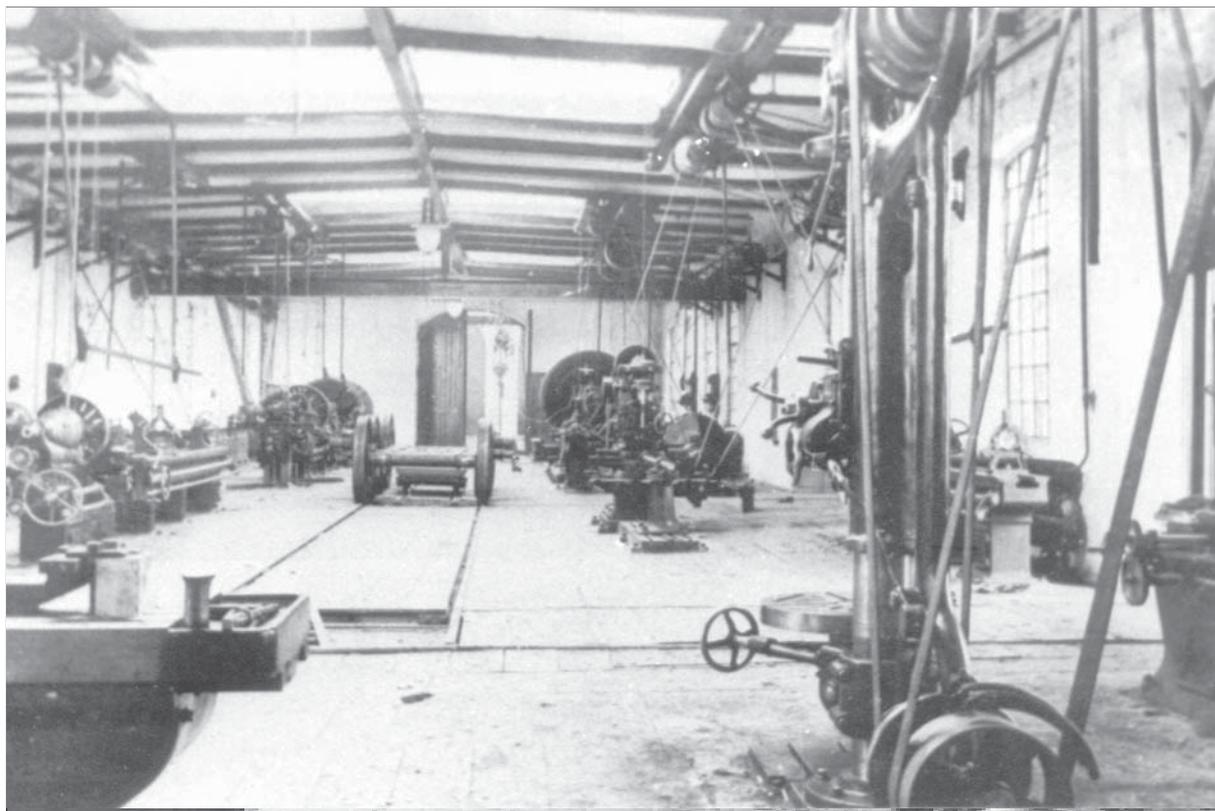

Рис.8

Рис.9

История бронепоезда «Патриот»

До недавнего времени фронтовая эпопея бронепоезда «Патриот» считалась одной из нераскрытых страниц истории Ишима. Архивные материалы, найденные нашим земляком Иваном Ивановичем Чашковым в Центральном архиве Министерства Обороны Российской Федерации г. Подольска (1), а также воспоминания очевидцев позволили представить боевой путь «крепости на колесах».

Прежде, чем обратиться к истории «Патриота», хочу дать небольшую справку об особенностях бронепоездов и их роли в российской военной технике. Известно, что первые русские бронепоезда были построены в годы Первой мировой войны на Путиловском заводе (2, с.7). Они состояли из бронированного паровоза, двух бронеплощадок с мощными гаубицами и двух-трех платформ, именуемых контрольными, на которых размещались рельсы, шпалы, костыли и другое железнодорожное имущество для ремонта полотна. В середине 1917 г. на вооружении русской армии состояло семь бронепоездов. Более широкое применение в нашей стране бронепоезда получили в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Промышленность Советской России за 1918-1920 гг. изготовила 68 бронепоездов и 102 бронеплощадки. Материальная часть бронепоездов после Гражданской войны совершенствовалась и состояла из паровоза, покрытого броней, 2-4-х бронеплощадок, площадок противовоздушной обороны (ПВО) и 4-х (реже 2-х) контрольных платформ.

Бронепаровоз, на тендере которого сооружалась командирская рубка, образно говоря, являлся сердцем «крепости». Как средство тяги он использовался только в боевых и учебных целях. Во время длительных переездов и на маневрах применялся обычный небронированный паровоз - «черный», по прозвищу железнодорожников.

В годы Великой Отечественной войны более пятисот бронепоездов действовало на фронтовых магистралях. Это грозное оружие первыми стали создавать на собственные средства рабочие и служащие Одесской, Юго-Западной, Южной, Северной и других железных дорог. Бронепоезда, построенные на личные сбережения железнодорожников, имели на своих бортах надписи, отражающие чувства и адреса их строителей, имена любимых героев: «За Родину!», «Александр Невский», «Михаил Кутузов», «Козьма Минин» и др. (2, с.14). По семь бронепоездов подарили фронту железнодорожники Северной и Омской железных дорог. В декабре 1942 г. начальник политотдела Омской железной дороги докладывал обкому ВКП(б), что на Омской дороге в 1942 г. силами железнодорожников для Красной армии построено пять бронепоездов: в депо Омск - «Омский железнодорожник» и «Киров», в депо Петропавловск - «Североказахстанец», в депо Барабинск - «Сибиряк-Барабинец», в депо Ишим - «Патриот».

В то тяжелое военное время не было броневой стали, необходимого оборудования, не хватало опыта. Но коллектив депо Ишим трудился с полной отдачей, почти без отдыха. И несмотря на все трудности, бронепоезд для фронта был построен.

В Ишимском краеведческом музее уже много лет бережно хранится картина «Митинг, посвященный отправке бронепоезда «Патриот» на фронт». Художник-любитель, старший инженер плановой службы паровозного хозяйства Омской железной дороги Николай Денисович Хламников, подарил свою работу строителям бронепоезда. Николай Денисович присутствовал на торжественной передаче бронепоезда представителям 58-го дивизиона, приехавшим в Ишим во главе с лейтенантом Иваном Максимовичем Головкин. В центре картины - бронепоезд на фоне

Ишимского депо с высокой кирпичной трубой. С него, как со своеобразной трибуны, обращаются к толпе рабочих первый командир «Патриота» И.М.Головко и начальник Ишимского депо Семен Николаевич Трибурт. Среди множества людей, стоящих у подножия бронепоезда, можно узнать инженера депо Константина Семеновича Лосева.

В Москве, где укомплектовывался 58-й дивизион под командованием Ивана Сергеевича Мириджанова, бронепоезду «Патриот» присвоили □ 742. Командиром его стал старший лейтенант Василий Михайлович Сеничев. Кроме того, в дивизион вошел бронепоезд «Узбекистан» под □ 736. Личный состав дивизиона включал в себя 290 офицеров, сержантов и рядовых. С «Патриотом» прибыла в Москву паровозная бригада в составе добровольцев-ишимцев: машиниста Александра Ивановича Соколова, помощника машиниста Николая Максимовича Шатиловича и кочегара Ивана Федоровича Степанова (участники строительства), которые были зачислены в дивизион и воевали в нем до окончания войны.

Боевая эпопея нашего бронепоезда начинается на Курской дуге. 29 апреля 1943 года 58-й дивизион передается в состав Центрального фронта в 60-ю армию и получает задачу занять боевой участок Коллонтаевка — Коренево, чтобы поддерживать огнем боевые действия наших стрелковых дивизий. Здесь, в центре Курской дуги, бронепоезд с честью выдержал свое боевое крещение. В момент развертывания ожесточенных боев на флангах Курской дуги личный состав бронепоезда «Патриот» готовился к предстоящим сражениям. И вот 30 июля в 17 часов впервые за время нахождения дивизиона на данном участке появились самолеты противника. Три из них отделились от общей группы и обрушились на бронепоезд «Патриот», личный состав которого героически отразил налет, не имея потерь и повреждений и подбив два «Юнкерса» (Ю-88). С этого момента началась самая ожесточенная борьба с авиацией противника, такая, какой дивизион не испытывал на протяжении всей Отечественной войны. Это длилось шесть дней. В один из них, 4 августа, во время одновременного налета двадцати девяти самолетов, бронепоезд «Патриот» сбил один «Юнкерс», а другой подбил. Но затем, вследствие прямого попадания бомбы, бронепоезд был поврежден и его бронепаровоз сошел с рельсов. Бойцы мужественно, под обстрелом врага, в течение двух часов поставили бронепаровоз на рельсы, и «Патриот» продолжил бой против самолетов противника.

За шесть суток напряженных боев на Курской дуге на расположение бронепоездов совершено 108 вылетов самолетов, сброшено 1200 бомб разного веса, в тридцати местах прямым попаданием разрушен путь. Бойцы не имели времени для отдыха ни днем ни ночью. В перерывах между боями приходилось временно восстанавливать разрушения, а в ночное время путь приводили в состояние, обеспечивающее бесперебойное маневрирование бронепоездов. Противнику в этих боях был нанесен серьезный ущерб. С нашей стороны проявили себя и награждены правительственными наградами 19 человек, среди них и командир «Патриота» В.М.Сеничев (1).

После завершения Курской битвы войска Красной Армии продолжали наступление с целью освобождения Левобережной Украины. Было и форсирование реки Днепр. Бронепоезда дивизиона охраняли участок в районе станции Нежин. Этот боевой участок был главным при движении воинских эшелонов к фронту, поэтому подвергался постоянным налетам вражеской авиации днем и ночью. Бронепоезда зенитным огнем сбивали самолеты с курса, и те сбрасывали бомбы в стороне от эшелонов. Сами бронепоезда также подвергались бомбежке, но все атаки отбивали без существенного для себя ущерба.

На бронепоездах было несколько бригад бронепаровоза. Отдыхающие бригады находились в окопах и блиндажах. Именно в такую минуту затишья произошла встреча ишимцев: Александра Ивановича Соколова - машиниста бронепоезда «Патриот» и Александра Ивановича Хомацкого, который работал в Военно-эксплуатационном отделении (ВЭО), сформированном в г. Омске в 1941 году. Эту встречу описала в своих воспоминаниях И.И.Трибурт: «По воле судьбы ВЭО находилось в районе станции Нежин. Конечно, А.И.Хомацкий не знал, что по соседству действует бронепоезд «Патриот», построенный коллективом депо, где он проработал всю жизнь. Такое совпадение: Александр Иванович работник ВЭО, бывший паровозный машинист депо Ишим, и старший машинист бронепоезда, тоже Александр Иванович и тоже бывший паровозный машинист из Ишима, встретились в прифронтной полосе. Обрадовались друг другу, был свободный часок, подошли еще знакомые товарищи, все забрались на платформу. Сели в кружок и потекла дружеская беседа, но появившиеся вражеские самолеты прервали разговор... Бомба упала между сошками пулемета, пробила пол платформы, врезалась в земляное полотно. Людей вместе с платформой изрядно потрянуло, но они отделались испугом - на этом прервалась беседа земляков...» [3].

30 сентября 1943 года дивизион вместе с 60-й армией вошел в состав Воронежского фронта, который 20 ноября был переименован в 1-й Украинский. В это время войска Красной армии уже форсировали реку Днепр, закрепились и начали подготовку к продолжению наступления. Немецкие войска упорно сопротивлялись, наносили удары с целью восстановления обороны по Днепру и возвращения г. Киева. С 1 по 16 декабря дивизион активно участвовал в сдерживании наступления противника. За это время «Патриот», находясь на станции Ирша и отбивая атаки немецких самолетов, сбил два «Юнкерса». Затем вместе с бронепоездом «Узбекистан» удерживал участок Тетерев - Ирша. Исполняя боевой приказ, бронепоезда проводили разведку железнодорожного полотна на данном участке. Диверсионной группе противника удалось заминировать путь перед проходом бронепоезда. «Патриот» наехал на мину, но она сработала лишь частично. Противник в это время в двухстах метрах позади бронепоезда подорвал железнодорожное полотно. Между бронепоездом и немецкой группой завязался бой, в результате которого группа противника была рассеяна. Не дожидаясь темноты, командир бронепоезда В.М.Сеничев приказал занять круговую оборону взорванного участка. Личный состав приступил к восстановлению разрушений. По бронепоезду стреляли артиллерия и минометы противника, но, несмотря на это, путь был восстановлен за 30 минут и «Патриот» продолжил патрулирование участка.

27 января 1944 года войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление и 11 февраля овладели городом Шепетовка. Шепетовка являлась крупным узлом железных и шоссейных дорог, через которые обеспечивалось снабжение 1-го Украинского фронта. До конца февраля дивизион находился на огневых позициях в районе станции Шепетовка. Маневрируя, уходя от огня противника ночью и днем, бронепоезда поддерживали боевые действия 280-й и 148-й стрелковых дивизий.

23 февраля 1944 года на станцию Шепетовка прибыл командующий бронетанковыми и механизированными войсками 60-й армии, гвардии полковник Романов и вручил боевое Красное знамя и ордена Красной Звезды командиру бронеплощадки «Патриот» старшему лейтенанту Я.М.Журавлеву и сержанту А.А.Бондарю.

4-5 марта 1944 года 58-й дивизион освобождал город Изяславль Хмельницкой области вместе с войсками 60-й армии. За успешное выполнение заданий командования при прорыве обороны противника и овладении городом 58-му отдельному дивизиону бронепоездов присвоено почетное наименование «Изяславский».

Далее дивизион включился в батальон по борьбе с бандами, нападавшими на железнодорожные участки львовского направления.

В июне 1944 года происходит перевооружение дивизиона. Бронепоезд «Патриот» с устаревшими артсистемами заменяется бронепоездом «Омский мопровец» (□ 608) . Так заканчивается боевой путь «Патриота».

Наши земляки А.И.Соколов и Н.М.Шатилович до конца войны сражались в 58-м дивизионе. Выполняя указания командира, они не раз выводили бронепоезд из-под прямого попадания бомб. После окончания войны Александр Иванович и Николай Максимович вернулись в родной город Ишим. Александр Иванович Соколов до самой пенсии трудился машинистом. В трудовой книжке только одна запись о том, что он всю жизнь проработал в Ишимском депо. Анна Андреевна - его жена - вспоминает, что пришел он с фронта в 1946 г. На груди блестела медаль «За отвагу». Она и сейчас хранится в семье. Дети и внуки знают и помнят, что их отец и дед был машинистом бронепоезда. По словам младшей дочери Татьяны, Александр Иванович мало рассказывал о войне и не мог без слез смотреть фильмы о войне. Он очень любил детей и обожал внуков. Друзья и знакомые часто приглашали его в гости - он играл на баяне и на праздниках был душой компании. Все жизненные невзгоды встречал мужественно, не любил хвалиться и жаловаться. Даже в конце жизни, когда сильно болел, врачу на вопрос: «Что болит?» отвечал: «Ничего!» Умер Александр Иванович в декабре 1989 года. Друзья и сослуживцы вспоминают его как целеустремленного, ответственного работника. Именно такой человек добровольцем ушел на фронт, хотя у него была «бронь», и именно он был первым машинистом бронепоезда «Патриот».

Нам, музейным работникам, еще предстоит выяснить судьбу других фронтовиков, сражавшихся на ишимском бронепоезде, который в составе 58-го дивизиона прошел путь от Москвы до западных границ Советского Союза, участвовал в Курской битве, освобождении Украины, многих городов и населенных пунктов нашей страны.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1. ЦАМО РФ, ф.58, оп. 32775, д.1.
2. Ефимьев А.В., Манжосов А.В., Сидоров П.Ф. Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. — М.: Транспорт, 1992.
3. Воспоминания И.И.Трибурт — бывшего работника планового отдела Ишимского депо. - Ишимский краеведческий музей.

КУЛЬТУРА КРАЯ

Н.И.ЛЕБЕДЕВА

Православные храмы Ишима

Ишим – одно из старинных поселений Сибири. Возник в виде Коркиной слободы в 80-е гг. XVII века. В 1782 году поселение возведено в степень окружного города и названо по реке, на которой стоит. В 1900 году в нем проживало 7161 человека. В городе тогда было 4 церкви - Богоявленский Собор, Троицкая, Николаевская и Тюремная. [1] Позднее устроили храм в Духовном училище. Уже после гражданской войны, около 1925 г., возвели деревянную Покровскую церковь.

Город с южной, западной и части восточной стороны опоясывает река Ишим, а с северной река Карасуль. Храмы фиксируют семантически важные точки города.

Каменный двухэтажный Богоявленский Собор был построен в 1784 г. на средства прихожан. В нем было 3 престола: в верхнем этаже - во имя Успения Божией Матери, а в нижнем - во имя Богоявления и Св. Николая, икона которого была местночтимой. Каждый год проводились 3 крестных хода: в десятое воскресенье после Пасхи, 27 сентября по поводу прекращения холеры в 1853 и 1892 гг., 17 октября с иконой благоверного князя Александра Невского из городской управы в Соборный храм и обратно. Приписная церковь во имя Знамения Божией Матери находилась в с. Игнатьевском, в 5 верстах от города. Прихожан в 1900 году было 4740 человек из Ишима и десяти окрестных деревень. Причт состоял из протоиерея Иоанна Васильевича Кузнецова, 62 лет, в соборе с 10 января 1899 г., священника Николая Стефановича Гвоздицкого 46 лет (с 1879 г.), диакона Николая Стефановича Рождественского, 31 года (с 1894 г.) и псаломщиков Арсения Александровича Старческого, 29 лет (с 1893 г.) и Михаила Агентова [1].

Самым ценным источником информации о Богоявленском Соборе является его метрика 1887 года, хранящаяся в архиве ИМК РАН. [2] Особый интерес представляют интерьеры храма. Иконостасы были деревянные с позолоченной резьбой в виде цветов и листьев. По сторонам от Царских врат поставлены были позолоченные столбы, украшенные сверху городками и подзорами. Иконостасы были двухъярусные, в зимнем храме над вторым ярусом было поставлено еще 4 иконы. В приделе трехъярусный иконостас без резьбы был окрашен красной краской, снизу разрисован символическими изображениями: против трех Святых - 3 огненных столба; Иисус Христос, несущий заблудшую овцу; так же историческими: Авраам ведет за руку отрока Исаака, указывая ему пальцем Гору; Св. Николай спасает утопающего и пр. Иконостас этот был устроен в 1855 г. московским купцом Александром Ивановичем Голышевым. Верхний иконостас в 1825 году был поврежден молнией. Поновление икон было произведено в 1885 г. живописцем второй гильдии купцом Сергеем Павловичем Багушевым. Из пожертвованных икон были отмечены: в честь Св. Николая в позоло-

ченной серебряной ризе от жены коммерции советника Иулианы Амвросовой (1848 г.); снятие Спасителя с Креста в позолоченной серебряной ризе от титулярного советника Петра Попова (1855); Георгия Победоносца в серебряной ризе от купца Постникова (1836) и Успения Божией Матери в позолоченной серебряной ризе от Постникова (1860). В приделе, в стенной нише, находилась статуя Св. Николая Чудотворца в полном архиерейском облачении, ростом два с половиной аршина. В зимнем храме была изразцовая печь [2].

На колокольне было 8 колоколов: большой - в 170 пудов 20 фунтов, с надписью “вылит... сей колокол в г. Ишиме к Богоявленскому Собору в память покойного 2-й гильдии купца Василия Федорова Еманакова. 1840 г. в Шадринске купцом Григорием Шишкиным”, второй - 46-пудовый, с надписью “1780 г. вылит колокол сей ко храму Святого и Чудотворца Николая рачением Тобольского купца Феодора Милованова”; остальные небольшого веса без надписей [2].

Из книг отмечено напрестольное Евангелие в серебряном под чернью переплете, украшенном изображениями Воскресения Спасителя и четырех евангелистов [2].

Богоявленский собор является замечательным памятником сибирского барокко. Он имеет традиционную для русского зодчества трехчастную композицию: храм с алтарем, широкую трапезную и притвор с двухъярусной колокольней. Здание двухэтажное с тремя ярусами окон храмовой части. Храм и колокольня покрыты восьмидольными барочными куполами со световым фонариком над храмом и луковичными главками на восьмигранных, оформленных волютами шейках.

Все окна храма - арочные с развитыми наличниками: на первом этаже - трехлопастными; на втором (на стене храма и трапезной) в форме фронтона, завершенного трилистником, фланкируемым волютами, с фигурным фартуком; на притворе с треугольным завершением; окна третьего яруса храма с наличниками в виде изогнутого фронтона. Во фризовой части под полуциркульным изгибом карниза четырехлопастные люкарны. Восьмигранный световой барабан прорезан арочными окнами, а грани оформлены лопатками с волютами.

Нижний ярус восьмигранной колокольни имеет маленькие квадратные окошечки по сторонам света и квадратные ниши на остальных гранях. Ярус звона с крупными арочными окнами. На куполе по сторонам света люнеты в прямоугольных выступках. В XIX веке кресты были четырехконечные с «захватками» посередине; с цепями, спускающимися к главам и полумесяцами у подножия [2].

Таким образом, мы видим, что храм, имея общие черты с церквями Тобольска и Тары, благодаря своему уникальному декору вносит новую краску в палитру сибирского барокко. А данные “Метрики” дают представление о единстве его стилистики, отразившемся в барочном иконостасе второго этажа храма.

Вторым храмом города стал Троицкий, освященный в 1873 году [3] (у К.Ф. Скальского ошибочно указан 1843 год, вероятно, это типографская опечатка - Н.Л.)* Построили его на свои средства ишимские купчихи 2-й гильдии Параскева и Наталья Еманаковы. Правый придел во имя Сорока Мучеников в 1872 году

*Свято-Троицкий храм был построен в 1842 г. В 1843 г. — освящен главный престол. (Прим.ред.).

пристроили на средства 1-й гильдии купца Олимпия Александровича Еманакова. Левый придел во имя Всех Святых возвели в 1883 г. на средства купеческой жены Марии Ивановны Еманаковой с помощью прихожан. Отметим церковную ограду с железными решетками в мраморных столбах. Причт помещался в двух каменных двухэтажных домах, построенных на пожертвования купеческих девиц Еманаковых. В приходе была женская церковно-приходская школа, в которой в 1900 году учились 24 девочки. В то время священником был Дмитрий Ионович Копылов, 33 лет, (с 1894 г.), дьяконом Петр Иоаннович Кузнецов, 28 лет (с 1893 г.), на должности псаломщика дьякон Маторей Анемнодистович Дюков, 58 лет (с 1885 г.). В 1900 году в храме было 2164 прихожан, а в 1910-е годы - 2557 человек - из них 615 - в Ишиме, остальные в 8 деревнях [1; 4].

Причты обоих описанных храмов совершали пасхальные хождения в городе и по деревням и хождения со Святым Крестом в праздники и по полям. В мае каждого года по храмам и домам прихожан были молебны с иконой Боровской Абалацкой Божией Матери.

Никольская безприходная церковь построена в 1886-1891 гг. на капитал, завещанный ишимским 1-й гильдии купцом Николаем Максимовичем Черняковским и его супругой Иулианией Андреевной Амвросовой [5]. Правый придел во имя Св. Князя Александра Невского был устроен на 5000 руб. Александра Порфирьевича Кутырева. Небольшая каменная церковь с колокольней, устроенной в западной арке храма, была центром своеобразного ансамбля, создаваемого оградой на каменном фундаменте с мраморными столбами и железными решетками, по углам которой стояли 4 небольшие каменные часовни с дверями и окнами (с северо-восточной стороны дежурил ночной сторож). Причт помещался в двух двухэтажных каменных домах, построенных на средства указанных благодетелей. Церковно-приходская школа была на втором этаже одного из домов. Усадебной земли было 2252 кв. саж. Капитал храма был значительным - 88641 руб. в 1899 году (90550 руб. в 1908) и капитал причта 73532 руб. (72605 руб.). Жалование священника составляло 1200 руб. в год, дьякона - 600, псаломщика - 400 [1].

Пятикупольная Никольская церковь выполнена в русском стиле. Компактный объем храма устремлен вверх, его венчает большой ярко-синий шлемовидный купол на высоком цилиндрическом барабане, прорезанном арочными окнами и нишами. Над угловыми частями храма возвышаются главки на высоких шейках, прорезанных узкими арками окон и нишек. По середине трех фасадов высокое арочное завершение стены, прорезанное тремя арками окон, оформлено килевидными бочками кровли. Все углы фланкируют лопатки, оформленные рустом с нишами. Над прямоугольными порталами с двустворчатыми дверями декор в виде трех равноконечных крестов. Плоскости стен имеют по арочному окну. Под карнизом с подзором идет декоративный пояс. Окна в верхней части украшены рустованным пояском. Колокола размещены в аркаде над западным входом.

Домовая церковь, освященная в 1858 г. во имя Божией Матери Всех скорбящих радости, находилась на третьем этаже Тюремного замка, деревянная колокольня стояла вне ограды [1].

В конце 1870- начале 1880-х гг. в Ишиме было построено мужское Духовное училище [6]*. Церковь во имя Св. Кирилла и Мефодия была в верхнем этаже Духовного училища [3].

О деревянной Покровской церкви известно, что за разрешением достроить ее прихожане обращались к В.И. Ленину (информация из бесед с местными жителями). Храм представляет собой крестообразный в плане объем с шатровым завершением и колокольней в русском стиле.

Таким образом, Ишим являлся средоточием православной культуры. Уникальным является факт сохранения в городе зданий всех православных храмов в советский период. Но интерьеры, иконы, архивы этих храмов, к сожалению, утрачены.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Скальский К.Ф. Омская епархия. Опыт географического и историко-статистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии. – Омск, 1900. – С.278-282.
2. ИМК РАН Ф. Р – III. Оп.1. Д.6863.
3. РГИА Ф.799. Оп.33. Д.1154. Л.8.
4. Голошубин И.С. Справочная книга Омской епархии. – Омск, 1914.
5. РГИА Ф.796. Оп.152. Д.1716; Ф.799. Оп.4. Д.751.
6. РГИА Ф.1293. Оп.167 Тобольская губ. Д.17.

Т.П.САВЧЕНКОВА

Резные узоры (некоторые особенности ишимского домового декора)

Невозможно представить Ишим без деревянных домов с резным узорочьем. Именно эта застройка в первую очередь определяет живописный облик небольшого сибирского города. Прогулка по старому Ишиму с его купеческими особняками из ладно пригнанных друг к другу сосновых бревен может доставить большое эстетическое удовольствие. Каждый дом, расположенный в «едином строю» в соответствии с «красной линией», в то же время очень активно взаимодействует с пространством всей улицы, обогащая ее перспективу то мощным выносом кровли с ажурным сквозным подзором, то эркером, нависающим над тротуаром, то балконом на кованых изящных кронштейнах, но чаще всего, водосточными трубами, упруго обтекающими фасад здания [фот. на вкладке 1,2,3].

И все же основным украшением ишимского дома являются оконные наличники с резьбой, разнообразной по своим мотивам и технике исполнения. Чаще всего встречаются наличники с дугообразным (лучковым) фронтоном, в котором используется волюта – архитектурная деталь, составленная из двух встречных завитков. Основная дуга волюты как будто дает «рябь» по фронтому наличника, повторяясь несколько раз на его поверхности. Волюты могут быть высокими и крутыми, низкими и плавными, крупными и мелкими; с завитками, напоминающими тугой бутон или розетку с многолепестковым соцветием.

Особенно интересны наличники с декоративным элементом в виде веерообразных листьев-пальметт, раковин, стреловидных побегов, точеных «балясинок» и «вазонов» между завитками волют или в «разрыве» дуги [4, 6, 8, 10]. Поле такого фронтона обычно «заткано» гирляндами из цветов и листьев, выполнен-

*Строительство здания духовного училища — 1884-1886 гг. 1891 г. — освящена домовая церковь во имя св.Кирилла и Мефодия. (Прим.ред.).

ными в технике объемной резьбы, отличающейся особой пластикой и сочностью [4, 5, 6].

Великолепен цветок в низкой широкой вазе, свободно раскинувшийся по всему тимпану наличника дома на улице Пономарева. Искусный мастер моделирует объем с помощью линий-«порезок», передавая упругую силу, которая таится в каждом листе и бутоне чудесного растения. Нарушив композицию (цветок больше вазы), он тем самым воссоздает стихийную силу природы, таящуюся в растении. Кажется, что цветок разрастается на глазах и может опрокинуть маленькую вазу с узким донцем [7].

Значительное место в декоре наличников занимают детали токарной работы. Это точеные балясины разных форм и силуэтов, накладные розетки, треугольники, квадраты, ромбы, бруски. Они располагаются на всех частях наличника, но, чаще всего, ими украшаются боковые стороны окна и подоконные (как правило неширокие) доски [8, 10]. Особенностью многих ишимских домов конца XIX – начала XX вв. является отсутствие ставен, поэтому боковые части наличников становятся значительным конструктивным и художественным элементом не только оконного проема, но и всей постройки. Вертикальные тяги могут даже принимать вид полуколонны с каннелюрами (желобками) по стволу и капителью с лепестками-волютами [9].

Наряду с объемной в Ишиме получила большое распространение пропиленная (сквозная и накладная) резьба. В виде кружевного фриза она украшает и свесы кровли, и верхнюю часть фасада – подзор, и наличники окон, и все части ворот [11, 12, 13]. В ней могут повторяться узоры в форме сердечка («червонки»), трилистника в сердечке, ромбиков, квадратиков, петелек, розеток. Эта резьба особенно эффектна в ясный солнечный день: ажурный рисунок отчетливо виден на просвет, он кажется текучим, меняющимся, подвижным.

Деревянные дома нашего города – очень ценное художественное наследие, требующее бережного отношения и внимания буквально от каждого ишимца.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Статьи, посвященные ишимской резьбе:

1. Савченкова Т.П. Эстетика деревянного дома в Ишиме XIX – нач. XX вв. // Сибирское (западносибирское) краеведение. – Вып.1. – Ишим, 1993 (1994). – С.111-117.

2. Савченкова Т.П. Ишим – город деревянный // Проблемы культуры городов России. – Ишим-Омск, 1997. – С.78-81.

3. Савченкова Т.П. Деревянная архитектура города Ишима // Традиции и современность. – Тюмень, 1998. – С.74-76.

Список фотографий на вкладке:

1. Дом Каменского. Конец XIX в. (ул.Ленина,20).

2. Дом с эркером. Конец XIX в. (ул.Луначарского,22).

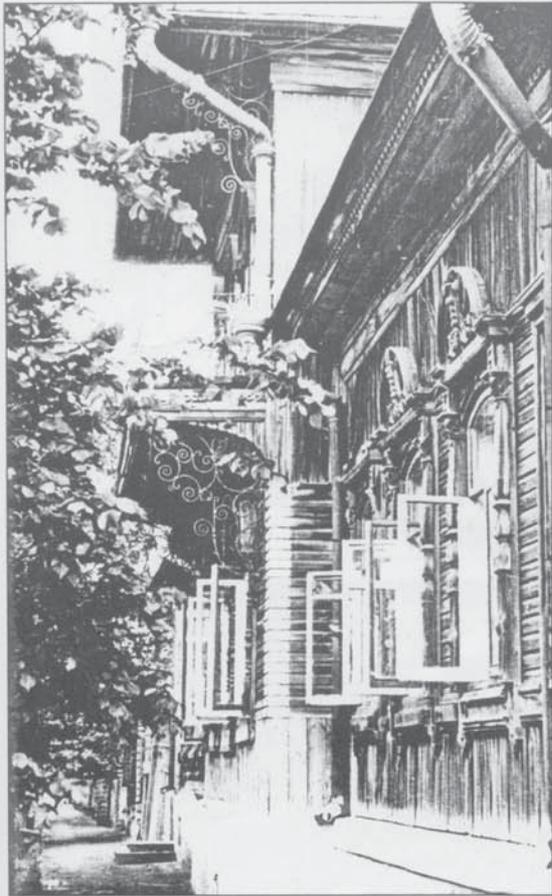
3. Дом Г.Постникова. 1914 г. (ул.Чкалова,25).

4. Фронтон наличника дома С.Двойникова. Объемная резьба. Конец XIX в. (ул.Чкалова,17).

5. Фронтон наличника. Низкорельефная объемная резьба. Конец XIX в. (ул.-Литвинова,21).

6. Фронтон наличника дома Каменского. Объемная резьба. Не сохранился.

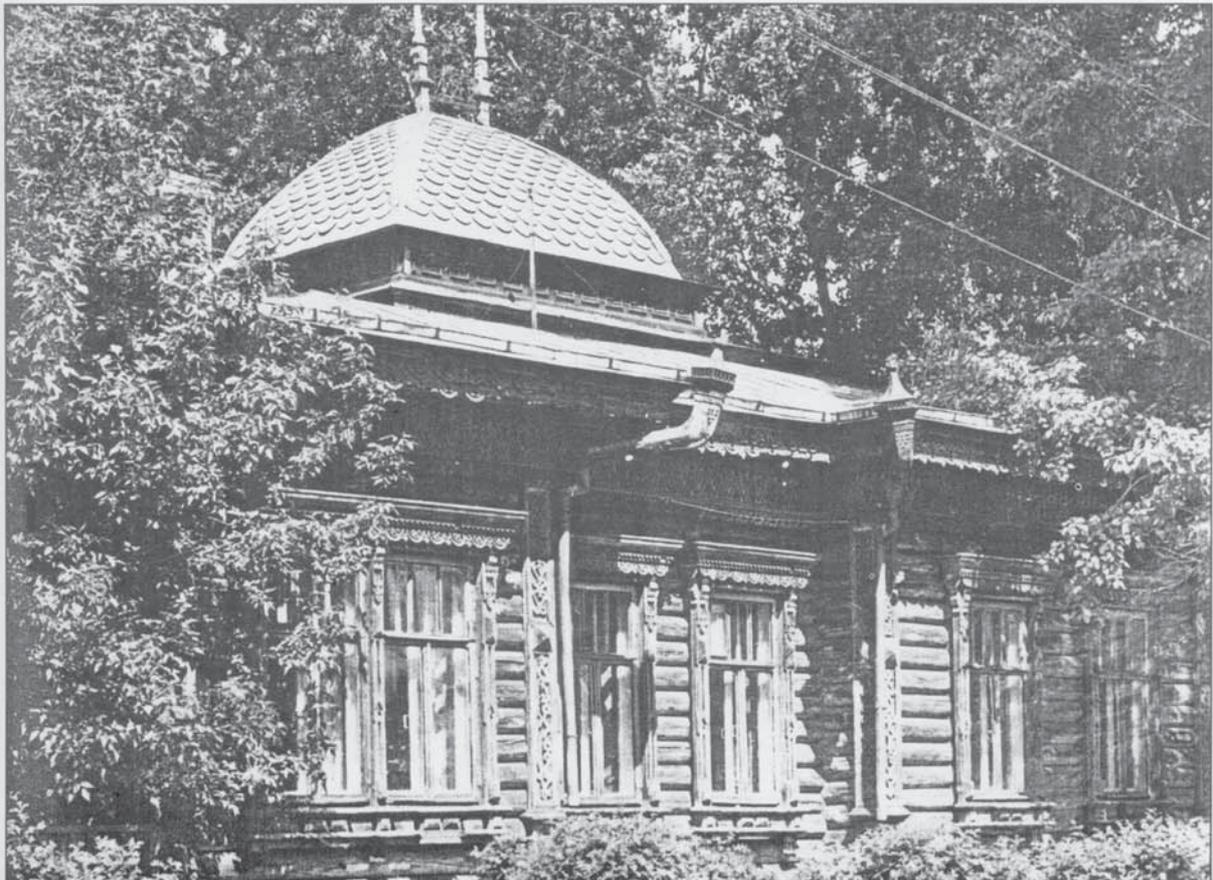
7. Фронтон наличника. Объемная резьба. Мотив цветка в вазоне. Начало XX в. (ул.Пономарева,19).

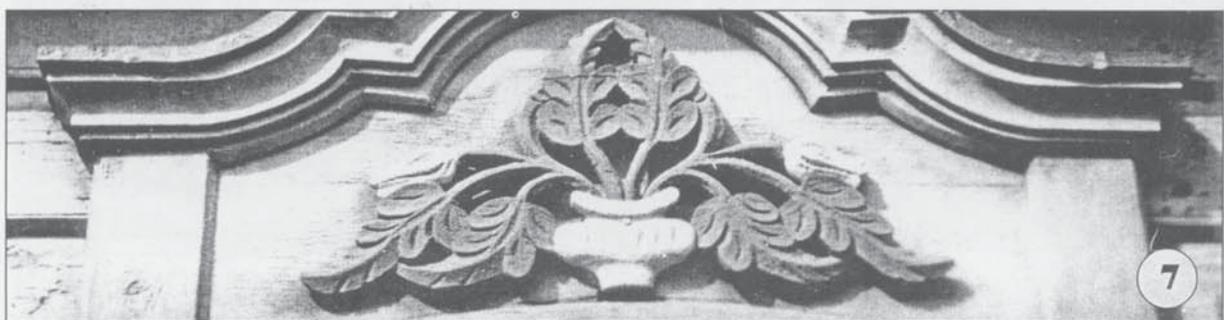
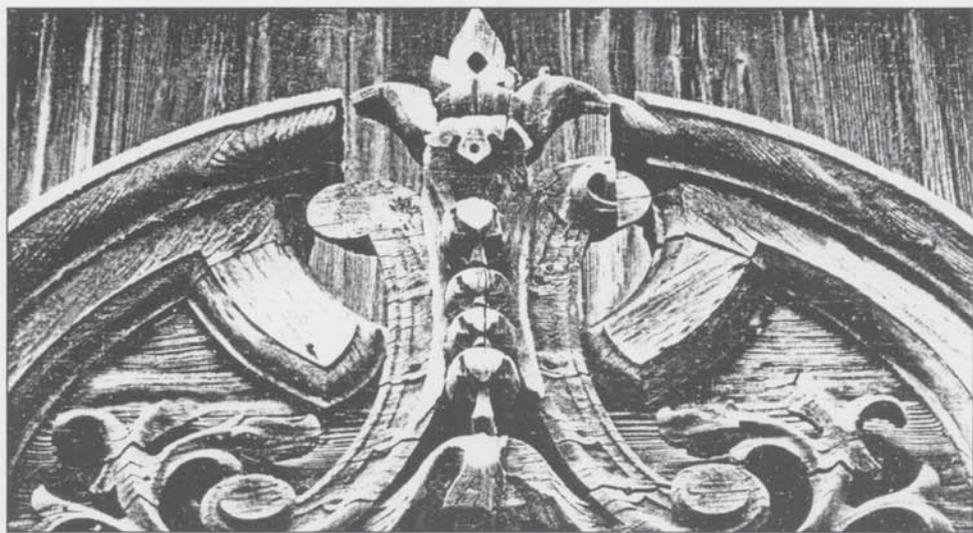
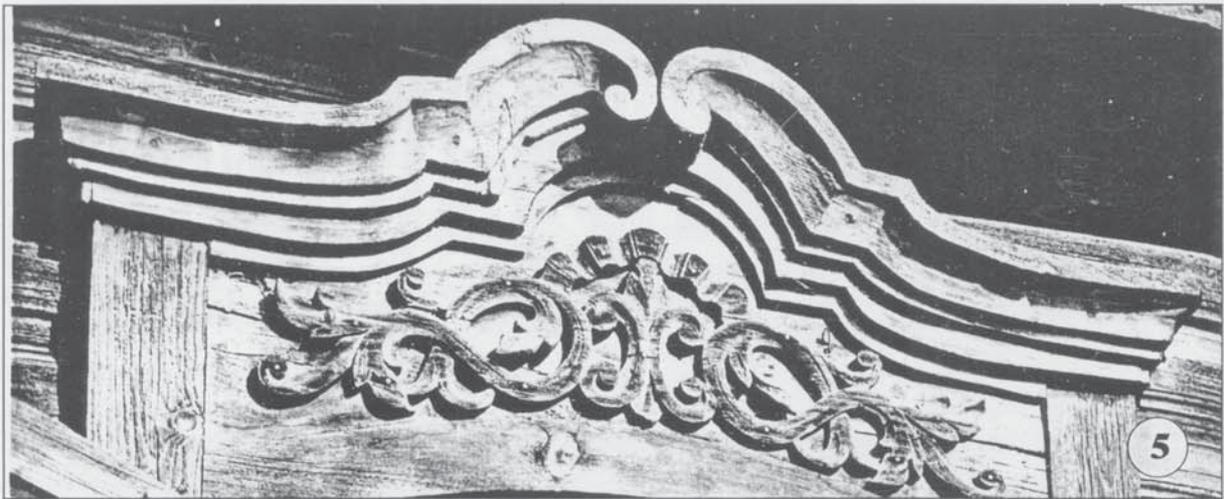
1

2

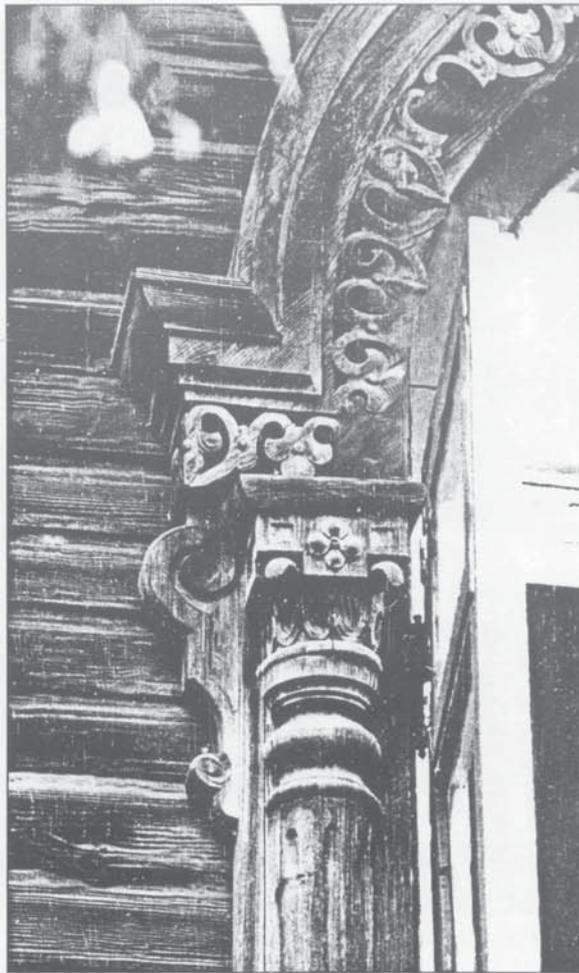

3

8

9

10

11

12

13

8. Наличник окна. Объемная резьба. Конец XIX в. (ул.Малая Садовая,55).
 9. Фрагмент наличника дома Каменского. Объемная резьба. Не сохранился.
 10. Оконные наличники. Дом начала XX в. (ул.Пономарева,30).
 11. Пропильная резьба дома Г.Постникова.
 12. Пропильная резьба дома начала XX в. (ул.Иркутская,10).
 13. Ворота с пропильной резьбой (ул.Луначарского,63). Не сохранились.
- Фотографии В.В.Ипполитова, Т.П.Савченковой.*

Н.Л.ПРОСКУРЯКОВА

Художник Владимир Алексеевич Комаровский

В 1925 г. в Ишим по обвинению в антисоветской деятельности и принадлежности к монархической группировке «бывшей аристократии» сроком на три года был сослан художник - иконописец, один из немногих знатоков древневизантийского и русского искусства, изучению и воссозданию которого он отдал многие годы, граф Владимир Алексеевич Комаровский.

Сохранившиеся работы художника стоят в ряду лучших произведений церковной живописи нашего столетия.

Владимир Алексеевич Комаровский (1883 - 1937) был аристократом, его род происходил от древних благородных предков польского происхождения. В «Гербовнике», найденном в Российской государственной библиотеке помощником нашего музея Ф.М.Пашковым, говорится о том, что еще в 1803 г. Евграф Комаровский «от Римского императора Франца был пожалован в графское от Римской империи достоинство и его Величество Всероссийской Империи Государь Император Александр I того же 1803 г. Всемилостейше позволил упомянутому Евграфу Комаровскому принять пожалованное от Римского Императора достоинство, с предоставлением пользоваться всеми правами и преимуществами оному присвоенными».

Здесь же мы находим изображение этого герба и его описание: «На щите голубого цвета золотой хлебный сноп и над ним таго же металла пчела, летящая в левую сторону. Большой щит покрыт графской короной с тремя страусовыми перьями, из коих крайние голубые, а среднее золотое. Щит держат два воина в латах, имеющие при бедре шпагу, а в руках по одному копьё» (1, с.407).

Долгие годы представители рода Комаровских служили верой и правдой Российскому Отечеству. Отец художника - граф Алексей Егорович Комаровский (1841 - 1899) был шталмейстером Императорского двора, действительным статским советником, с 1890 г. служившим хранителем Московской Оружейной палаты.

В семье Комаровских было немало реликвий, но наибольшую ценность представлял альбом автографов знаменитых литераторов: Г.Р.Державина, Н.М.Карамзина, Н.В.Гоголя, мадам де Сталь, Бальзака, в него писали стихи В.А.Жуковский, И.А.Крылов, А.С.Пушкин, Денис Давыдов, Виктор Гюго. Последним владельцем этой реликвии был Владимир Алексеевич Комаровский. В 1918 г. альбом был куплен А.М.Горьким и передан в Пушкинский дом.

Культурная среда, в которой воспитывались три сына графа Алексея Егоровича, во многом определила их склонности и увлечения. Старший сын - Василий Алексеевич Комаровский (1881 - 1914), живший впоследствии в Царском Селе, писал стихи, был дружен с Николаем Гумилевым и Анной Ахма-

товой, которой посвятил стихотворение «Анне Ахматовой (Вечер и Четки)». Второй сын - Георгий (Юрий, по-домашнему Юша), (1882-1914) обладал незаурядным актерским дарованием. Самый младший - Владимир после окончания гимназии поступил на юридический факультет Петербургского университета, откуда с третьего курса перешел в Академию художеств.

В 1904 г. Владимир Алексеевич вместе с графом Юрием Александровичем Олсуфьевым путешествовал по Италии, осматривая памятники архитектуры и искусства. Работы В.А.Комаровского, представленные на седьмой выставке Нового Общества Художников, были созданы под впечатлением итальянской живописи раннего средневековья. Они удостоились публикации в журнале «Аполлон» и похвального отзыва художественного критика Сергея Маковского, писавшего: «Всех значительнее из новичков выставки - граф В.А.Комаровский, выступивший с рядом эскизов, проектов церковной росписи и мозаики. ...Сразу верится в дарование молодого художника, сумевшего так просто и вдумчиво подойти к разрешению одной из труднейших задач современного декоративизма, к украшению храма» (2,с.74).

Год 1909 Владимир Комаровский провел во Франции. Он занимался в одной из художественных мастерских в Париже, знакомился с новыми течениями западно-европейской живописи. В 1910 г., живя в Петербурге, очень часто и подолгу бывал в Русском музее, где видел новгородские иконы, которые именно в то время трудами реставраторов открывались в первоначальной красоте. Они произвели на художника «потрясающее впечатление». Если ранние работы Владимира Алексеевича носили в основном декоративный характер (это были рисунки для вышивок, резьбы, изразцов), то с 1911 г. он начал работать как художник-иконописец. В.А.Комаровский в 1913 г. начинает роспись иконостаса для храма Преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле, задуманного как храм-памятник в честь победы русских войск над ордынскими в 1380г. Храм на Куликовом поле был не только памятником русской истории, но и русского искусства, ныне, к сожалению, не сохранившегося. В конце 20-х гг. церковь была закрыта, иконостас растащили на доски.

Осень 1914 - первого года войны, была трагической не только для России, но и для двух братьев Комаровских. Василий скончался в больнице во время сильного приступа эпилепсии, а Юрий тяжело заболел на фронте. Вскоре после похорон обоих братьев занемог Владимир Алексеевич, у него открылась язва кишечника в тяжелой форме с внутренним кровотечением, неоднократно потом повторявшимся. К этому времени Комаровский был достаточно известен как художник, его картины выставлялись в Петербурге, Вене, Лондоне, в Москве на выставках «Союза Русских художников» и «Московского товарищества». Сохранилось совсем немного работ Владимира Алексеевича, одна из них икона Донской Божией Матери, написанная в 1919 г., в настоящее время находится в Нижнем Покровском храме Свято-Данилова монастыря в Москве. Эта икона вошла в историю православного искусства как одна из лучших икон XX столетия. Интересна история, связанная с обретением этого образа.

Семья Комаровских в 1931 г. недолго жила в небольшой подмосковной деревне Рассказовка. Варвара Федоровна - жена художника, пошла покупать молоко и случайно обнаружила в одном из деревенских домов икону Донской Божией Матери. Хозяйка дома рассказала, что купила доску для стола, и только потом, перевернув, увидела, что это икона. Она ее вычистила и поставила

вместе с другими иконами в своем доме. Кстати, именно эта история, рассказанная дочерью художника Антониной Владимировной в программе «Человек и закон» с упоминанием г.Ишима, и послужила началом наших поисков.

В 1921 г. Владимира Алексеевича арестовали и отправили в Бутырскую тюрьму, где он находился полтора месяца, а в 1925, обвинив в антисоветской деятельности, приговорили к трехгодичной ссылке. Так 42-летний художник оказался в далеком сибирском городке Ишиме.

Во время производства дела Комаровского в органы ОГПУ не раз обращались с ходатайством видные представитель музейного отдела Главнауки: хранитель Русского музея в Ленинграде П.И.Нерадовский, академик архитектуры А.В.Щусев, художники В.А.Фаворский, Д.Ф.Богословский, И.С.Остроухов, которые хлопотали «об его оставлении в центре в интересах искусства» (3, с.79). Но особое совещание при коллегии ОГПУ прежнее постановление оставило в силе.

По ишимским письмам Владимира Алексеевича, обращенным к жене, можно установить, что в нашем городе он жил на разных квартирах: улица Б.Кузнечная, д.9; Просвещения, д.2; Солдатская, д.34 у хозяйки М.Семеновой, где 9 сентября 1925г Ишимским Окружным Отделом ОГПУ был произведен обыск. Примечательно то, что почти все дома сохранились до настоящего времени, даже планировка комнат.

На ул. Б.Кузнечной (ныне Карякина,¹³) и сегодня дом имеет два входа: для хозяев и квартирантов. В одной из комнат с невысоким потолком голубого цвета и широкими старинными половицами нашли свое первое пристанище В.А.Комаровский и граф А.А.Пазухин, сотрудник Русского музея, сосланный в Ишим по аналогичному обвинению.

Про дом на улице Б.Садовой, 49 Комаровский писал: «... новая комната гораздо уютнее и веселей. Она на втором этаже, три окна на улицу, на юг и два на восток, во двор... Из окон широкий вид на город, слева совсем близко видна Троицкая церковь, правее каланча, посередине - весь базар.» (4). С каждой перемены места жительства Владимир Алексеевич обязался ставить в известность органы местной власти и без их разрешения за пределы г.Ишима не отлучаться.

Письма жене из Ишима он писал часто, обращаясь к ней со словами: «Милая душенька моя, Варюша. В одном из писем он делился: «вчера написал тебе длинное письмо, но сейчас хочется опять, сегодня воскресенье, я только что вернулся от обедни. Погода чудная, мороз 18⁰, солнце. Необыкновенно яркие здесь звезды, я вчера, идя от Всенощной, это заметил. Моя соседка что-то в церковь совсем не ходит, я ее ужасно досаждаю этим, и даже слишком. Вот вернулся я к себе в комнату, печка истоплена с утра тепло в комнате, солнце из трех окон, стоят громадные вывески с золотыми буквами, я попил только чай, который мне оставляет по праздникам в русской печке хозяйка, и сел писать тебе, милая моя, хорошая, душенька, дорогая Варюша...» (4).

В течение трех лет проживания Владимира Алексеевича в Ишиме за ним велась тщательная слежка Окружным отделом ОГПУ. В уголовном деле № 31986 по обвинению В.А.Комаровского отмечены «установочные данные объекта» - под объектом подразумевается Владимир Алексеевич Комаровский - рост выше среднего, телосложение плотное, лицо чистое, глаза серые, походка тихая, брови и волосы русые, ноги прямые. А также занесены доносы за март месяц 1928 года: «...25.03. В беседе с Морозовым монархист Комаровский сказал: «Если

бы меня освободили и сказали, что я должен проживать в Свердловске, то я бы ни в коем случае туда не поехал бы, ибо там расстреляли Николая II, а этот акт для меня лично трудно переносить»; «...20.03. В квартире Морозова монархисты Перелякин, Комаровский, Пазухин и Соловьев вели беседу по поводу религии, причем Перелякин, Комаровский и Пазухин с возмущением выразили: «И какой черт придумал поминать за богослужением сов. Власть, которая является властью антихриста и всячески издевается над религией» (5).

В Ишиме Владимир Алексеевич не мог устроиться на работу, поэтому рисовал вывески, портреты, красил крыши, всячески стараясь экономить деньги, чтобы выслать их семье (Варвара Федоровна осталась с тремя маленькими детьми). Он и не подозревал даже, что пришел секретный документ из ОГПУ: - «принятию на службу на какую-либо должность в административные учреждения ссыльному Комаровскому отказать под каким-либо предлогом, не давая понять, что в поступлении ему тормозит Окружной отдел ОГПУ» (5).

Находясь в нашем городе, Владимир Алексеевич продолжает творческую работу и создает серию композиций, выполненных на загрунтованных досках темперой: «Трапеза», «У постели больного», «Брачный пир», «Семейная группа», «Блудный сын». «Тематически эти композиции отражали основные события человеческой жизни. Выполнены они были в иконописной форме, которая, по мнению художника, более реальна, чем живописна, поскольку выражает не «приходящую духовную сущность мира». Некоторые из ишимских работ были присланы В.А.Комаровским в Сергиев Посад, где вызвали противоречивые мнения и суждения, но часть работ, оставленных в Ишиме, оказалась утерянной». Сохранилась только композиция «Блудный сын», в настоящее время она находится в церковно-историческом музее Свято-Данилова монастыря.

Как ни тяжелы были для семьи Комаровских 20-е годы, самые трагические испытания были еще впереди. В 1933г был арестован старший сын Комаровских - 18-летний Алеша, которого приговорили к трем годам лагерей. А накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы 27 августа 1937г вечером к калитке подъехала машина. В дом вошли двое с местным понятым. Варвара Федоровна к тому времени уже давно и тяжело болела: поражение спинного мозга постепенно лишило ее движения. Владимир Алексеевич сам кормил ее, молился вместе с нею. Теперь, когда после спешного обыска его повели к машине, Варвара Федоровна даже не могла проводить его. Последнее, что сказал он ей и детям, было: «Молитесь Божией Матерью» (2, с.83).

Вскоре удалось разыскать Владимира Алексеевича в Таганской тюрьме и передать ему деньги. Поздней осенью семье сообщили приговор: «10 лет без права переписки». Тогда не все понимали истинное значение этих слов. И только в 1989 году близкие узнали правду о его расстреле 5 ноября 1937г и захоронении в общей могиле в Бутово. В 1990 г. Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР реабилитировала Владимира Алексеевича Комаровского.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи.- СПб.,1860. Ч.7. - С.132-133.

2. Цит. по: Зеленская Г.М. Художник Владимир Комаровский // Даниловский благовестник, 1992.- □ 4.

3. Источник. Документы русской истории.-1995. - □ 5.
4. Письма В.А.Комаровского В.Ф.Комаровской 1925-1928 гг. - Архив В.А.Комаровской (Москва).
5. Из материалов уголовного дела □ 31986 по обвинению Комаровского В.А. - Архивное управление ФСБ. Москва.

«Необыкновенно яркие здесь звезды...»

Письма В.А.Комаровского к В.Ф.Комаровской 1925-1928 гг.

Представленная здесь подборка писем Владимира Алексеевича Комаровского к жене Варваре Федоровне из Ишима в Сергиев Посад раскрывает один из значительных периодов жизни большого художника XX столетия, само имя которого было предано забвению на долгие годы, а творческое наследие оставалось почти не изученным. Эти письма находятся в семейном архиве дочери Владимира Алексеевича и Варвары Федоровны - Антонины Владимировны Комаровской, проживающей в Москве. Будучи хранительницей документов, фотографий, семейных преданий всего рода Комаровских Антонина Владимировна провела кропотливую работу по комментированию текста и даже его восстановлению, так как от времени выцвели чернила и разобрать некоторые слова можно лишь с большим трудом.

Трехлетняя ссылка В.А.Комаровского в наш город (1925 – 1928) - первая долгая разлука с женой и тремя малолетними детьми Алексеем, Антониной и Софьей, которые остались в Сергиевом Посаде, где Владимир Алексеевич до своего ареста работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Постоянная тревога за родных и беспокойство о их благополучии ощущается буквально в каждом письме из Сибири. Здесь же Владимир Алексеевич интересуется и судьбами других своих родственников, принадлежащих к известным дворянским семьям Самариных, Мансуровых, Трубецких, Лопухиных, Осоргиных, Соллогубов, многие из которых в то время подверглись арестам как «бывшие люди» и оказались на поселении в отдаленных уголках страны.

Разветвленные родственные связи прослеживаются и в тех письмах Владимира Алексеевича, в которых упоминаются портреты представителей рода Комаровских и Веневитиновых (бабушка Владимира Алексеевича по отцу была сестрой поэта Д.В.Веневитинова), созданных такими известными художниками XIX столетия, как О.А.Кипренский, Ф.А.Бруни, П.Ф.Соколов. В.А.Комаровский хорошо знал заслуги своих предков перед Россией, видел их роль в ее истории и культуре. Можно сказать, что «родовая память» - это важное свойство личности Владимира Алексеевича, также как и его талант дружбы. А в число друзей и знакомых Комаровского входили: Ю.А.Олсуфьев и П.И.Нерадовский, П.А.Флоренский и С.П.Мансуров, А.В.Щусев и Д.С.Стеллецкий, Н.Ф.Петров и В.А.Фаворский, то есть те, кто сохранял, изучал многовековое русское культурное наследие и создавал искусство XX столетия. Не случайно в ишимских письмах эти имена будут часто звучать в контексте размышлений Владимира Алексеевича о развитии современного искусства.

Значительное место в письмах из Ишима занимают рассуждения В.А.Комаровского о собственном творчестве и связанном с ним душевном подъеме – «осознаю в себе родник вдохновения»; поисках «своей формы», обусловлен-

ных во многом интересом к иконописи; о завершении работ, начатых до ссылки и рождении новых замыслов. Владимир Алексеевич рассматривал занятия живописью как огромную радость, он чувствовал, что скоро выйдет «на большую творческую дорогу». Он был уверен как в своем даровании, так и в том, что когда-нибудь его произведения будут поняты и оценены по достоинству.

Особо об адресате писем – жене В.А.Комаровского - Варваре Федоровне. Она родилась в 1886 г. и принадлежала к старинному дворянскому роду Самариных. Среди ее родственников был, к примеру, Юрий Федорович Самарин (1819 – 1876), публицист, философ и общественный деятель; славянофил, знакомый М.Ю.Лермонтова. Ее отец – Федор Дмитриевич Самарин (1858-1916) – участник «Общества ищущих христианского просвещения», в котором состояли П.Б.Мансуров, С.Н.Булгаков, В.Ф.Эрн, Б.А.Кожевников, П.А.Флоренский. В 1912 г. Варвара Федоровна выходит замуж за В.А.Комаровского, становится его верной спутницей и помощницей во всех творческих делах. Во время ишимской ссылки Владимира Алексеевича она приезжала в наш город трижды - в 1925, 1926, 1927 гг., каждый раз осенью. В 1928 г. после возвращения мужа из Ишима в Сергиев Посад, совпавшего с новой волной массовых арестов «бывших людей», чудом избежала тюрьмы и ссылки. В последние годы жизни тяжело болела, скончалась в начале января 1942 года в подмосковном городе Дмитрове.

Письма В.А.Комаровского к жене, как и ее ответы из Сергиева Посада, три из которых в сокращенном варианте печатаются в альманахе, свидетельствуют о глубокой духовной близости этих людей, о понимании Варварой Федоровной значения творчества В.А.Комаровского для всего русского искусства.

Все письма публикуются впервые.

Публикации и комментарии А.В.Комаровской (Москва) и Т.П.Савченковой (Ишим). Вступительная заметка Т.П.Савченковой.

1925 г.

1

[Открытка]: на штампе Свердловск 10.7.25. - Москва 14.8.25.

Посл. по адресу: Москва, Поварская, 38, комн. 41. А.Д.Самариной¹
для В.О.² С отметкой «Просм. (подп.)»

Милая моя Варюша,

Пишу тебе из Свердловска (Екатер - бурга). Доехали совершенно благополучно, ни одной вещи я не потерял. Было тесно и душно, но тем не менее и спал хорошо и чувствую себя бодро. Все думаю о тебе и хотел бы тебе передать мое спокойное настроение, впрочем, тебе, конечно, гораздо тяжелее моего придется. Господь с тобой, милая моя, мыслями и молитвой соединяюсь с тобой.

Целую крепко и обнимаю, благословляю тебя и детей.

Володя.

2

Ек-бург (Свердловск) 15.8. н.ст.

Милая, дорогая моя Варюша, сегодня две недели, что я не имею никаких известий. Сегодня посылаю еще телеграмму, надеюсь, что в Тюмени, куда мы едем, завтра будет ответ. Не знаю, сколько времени придется сидеть в Тюмени, может быть, только несколько дней, а может быть, две недели, во всяком случае, в Ишиме, думаю, я буду в начале сентября н.ст., когда там и решится, останусь ли я в городе, или в округе: во всяком случае самое дальнее расстояние от города

61

будет верст 100, т.е. один день езды на ямщике. Получила ли ты мое первое, длинное письмо? Я писал тебе, что не знаю, нужно ли хлопотать о моем возвращении, или минусе шести. Во всяком случае я очень бодро смотрю на Ишимский округ и думаю, что наша жизнь там устроится. Благодарю Бога, что меня не назначили в северные округа, где громадные расстояния и куда едва ли возможно было бы приехать тебе с детьми. В Ишиме надо постараться устроиться на службу, постарайся найти мне рекомендации для поступления на службу в учреждения, которые вероятно имеют свои отделения в Ишиме. Ишим - большой центр маслоделия и, вероятно, там имеет свои отделения «Маслоцентр», также «Центросоюз», может быть и другие крупные организации. В этом случае может быть полезен мне Володя Мих.³, а также дядя С.⁴, во всяком случае он придумает, к кому обратиться. Думаю, что мне всего подходящее была бы администр.-хозяйственная должность, надо при этом указывать, что я был в свое время сельск<им> хозяином и был уполномочен<ным> Зем<ского> Союза.

Когда приеду на место, напишу тебе обо всем определеннее, буду стараться получить должность прежде всего по художественной части, но едва ли что-нибудь из этого выйдет. Теперь относительно твоего приезда, не приехать ли тебе в сентябре, чтобы вместе осмотреться и решить о дальнейшем. Конечно, это расход по крайней мере 70 рублей, но, мне думается, что с детьми ехать, не побывавши тебе самой раньше и не проехав дороги, может быть не следует? Впрочем, уже решай ты сама, как тебе видно будет по соображениям денежных средств, а также по времени, понимаю, что как раз в сентябре ты рассчитываешь что-нибудь сделать для меня в Москве. Что касается детей⁵, то с ними можно ехать в ноябре, когда установится санный путь. Климат в Ишиме, говорят, прекрасный, ровный, сухой. Весна начинается в начале апреля, когда начинают сеять пшеницу. Зима ровная и больших холодов не бывает. Большой вопрос, кого тебе взять с собой, одной с детьми, конечно, ехать невозможно. Дай Бог, чтобы Поля⁶ согласилась. К началу сентября н.ст., т.е. к приезду в гор.Ишим, у меня остается около 60 рублей денег, так что об этом пока ты не беспокойся. Если придется ехать за 100 верст, то лошадь будет стоить 5-10 руб. Удастся ли тебе продать портрет моего деда⁷? И как здоровье М.Ю.⁸? Последнее меня все время беспокоит. Ну, даст Бог, может быть все устроится, может быть удастся зарабатывать, некоторые здесь говорят, что наверное нас оставят в самом городе, тогда бы все облегчилось, но я этому не особенно верю. Книга об Урале, как видишь, мне не нужна, т.к. Ишимский округ только недавно присоединен к Уральской области⁹. Как только узнаю, куда я окончательно попаду, телеграфирую тебе о теплых вещах на тот случай, если ты решишь приехать попозже. Надеюсь, что ты бодра и не унываешь, Господь все устроит, я ни разу не падал духом и не унывал, хотя временами было ужасно тяжело, особенно, когда ожидал назначения на север, многие из моих спутников получали такие назначения, есть из них семейные и их ужасно жалко. Я твердо установился в надежде на Бога и все время чувствую Его помощь и Промысел Божий о нас. Господь с тобою, крепко, нежно тебя целую и благословляю тебя, Сонечку, Тоню, Алешу. Крепко целую всех. Поблагодари еще всех за всю доброту ко мне, в частности Веру В.¹⁰ и М.Ю. Мое здоровье все время, слава Богу, хорошо, очень беспокоюсь о твоём, пиши Ишим, до востребования, лишнего не пиши. Молюсь о тебе Матери Божией. Господь с тобой.

Володя.

3

Телеграмма. 20.8.25

Оставлен городе телеграфируй Ишим востребования здоров обнимаю

4

19.8.25

Милая моя Варюша, сегодня получил от тебя первое здесь письмо от 11-го ст.ст / 21 н.ст., а вчера только послал телеграмму о том, что очень беспокоюсь. Ужасно был обрадован ему, слава Богу, что как будто вы все здоровы, хотя ты ничего не пишешь ни о своем здоровье, ни об Алеше. Верно ты еще написала несколько писем, но я пока их не получил, надеюсь, что получу. Рад был и письму Тонечки и очень ее целую и благодарю за него. Моя жизнь здесь пока еще не наладилась, т.е. главное еще не устроился на службу, но не теряю надежду, что это в конце концов устроится. Связываю с этим вопросом ваш приезд сюда с детьми, т.к. не имея здесь определенного заработка, страшно было бы вам приезжать сюда. Очень жду твоего приезда, так хочется ужасно тебя видеть, милая моя Варюша, тогда все вместе решим. Жизнь здесь в общем только немного дешевле Московской. Впрочем, еда дешевле значительно, кроме хлеба и масла, которые в одной цене с Московскими ценами. Очень дешев картофель, мясо, дичь, творог, сметана, овощи; дрова и квартиры в одной цене с Сергиевскими. Привозить вязальную машину, думаю, пока не имеет смысла, материалы для вязания здесь гораздо дороже, чем в Москве и пришлось бы выписывать из Москвы и сбыт небольшой. Фотографического аппарата тоже пока не привози, но имей его в виду. А тетя Ольга¹¹ увезла ли свой аппарат и все принадлежности? Я пока взялся писать вывеску, но, к сожалению, не имею хороших кистей. Привези мне, пожалуйста, непременно несколько кистей **круглых, колонковых**, т.е. с мягким волосом, а не щетинным для масляной краски, размер приблизительно [рисунок] (щетинными невозможно аккуратно выписывать буквы). Пока прощаюсь с тобой. Господь с вами, крепко тебя целую, милая моя. Володя.

Помечай все свои письма новым стилем: напиши, получила ли это письмо.

5

2.9.25

Милая моя Варюша, вчера получил, наконец, твое письмо от 11/24 августа и успокоился. Теперь жду от тебя ответ на телеграмму и извещение о приезде. Я надеюсь получить здесь какую-нибудь должность, а до этого времени буду стараться что-нибудь хоть заработать писанием вывесок. Для этого мне необходимо, чтобы ты привезла мне с собой несколько кистей для масляных красок, круглых, из мягкого волоса, таких у меня дома нет, есть только плоские, и придется купить. Размеры средние, приблизительно вот такие [рисунок]. Пока у меня есть заказ на вывеску, и вообще это всегда может быть подспорьем. Ты пишешь о вязальной машине - я против этого, т.к. это можно иметь только около Москвы, постоянно ломаются части, надо покупать также материалы и сбыт около Москвы легко достать. Что касается фотографического аппарата, то я все время думаю, что это верный заработок. Хорошо бы иметь аппарат для моментальных снимков, как в Москве на бульваре, здесь я знаю тоже имеет это большой сбыт. Нельзя ли твой кодак приспособить для этого, переделав его на такой, каким снимают с моментальным проявлением? В Москве ты могла бы посоветоваться об этом с мужем Екат.Осип., да и в Сергиеве, наверное, ты най-

дешь кого-нибудь, чтобы расспросить об этом, и кому надо отдать, чтобы приспособить аппарат к такой съемке. Подумай об этом, во всяком случае это верный заработок. Я тут видел такого фотографа на базаре, и он мне сказал, что это у него аппарат **приспособленный** к моментальной съемке. Проявляются эти фотографии в течение пяти минут. Постарайся все это узнать. Может быть, был бы расчет даже купить такой аппарат. Когда ты приедешь сюда, все это мы еще обдумаем, но постарайся пока разузнать.

Целую тебя крепко и нежно, милая моя, также и детей, благословляю вас.

Володя.

Адрес мой в Ишиме:

Большая Кузнечная, □ 9,

но пиши пока все до востребования, т.к., может быть, я переменю квартиру.

6

30.9 – 13.10.25

Милая моя, дорогая Варя, завтра Покров, сейчас я вернулся от всенощной. Сегодня и вчера я писал на дверях склада швейных машинок и рисовал швейные машины. Вчера взял патент на полгода, который стоил 6 рубл. Заказов у меня очень много, так что сейчас вперед работы на сумму 15 дней и еще предвидятся разные заказы. Когда я пишу на улице, все время подходят разные люди и спрашивают, сколько будет стоить написать то-то и то. Сегодня спрашивали, сколько я возьму написать 5 фонов для фотографии: разные виды, балконы и облака. К сожалению, я не умею назначить цену и уже не уступать, со мной торгуются, а в общем я беру писать все очень дешево. Вот в общем все тоже, из дня в день, но я благодарю Бога, что пока есть заработок. Погода каждый день меняется: то солнце, ветер и сухо, то холодно, то, как сегодня, тепло, дождь и слякоть. Все также живем с А.А.¹² на Кузнечной, 9 и пока я ничего энергичного в квартирном отношении не предпринимаю, ожидая от тебя вестей и решений. Сегодня только две недели и два дня, как ты уехала, а я очень, очень скучаю по тебе; теперь жду с нетерпением писем от тебя. Мое здоровье совсем хорошо. С тех пор, как ты уехала, я в общем написал четыре вывески, одну громадную в восемь аршин, ею я теперь очень-очень недоволен, я написал ее на красном фоне и теперь вижу, что это очень неудачно было выбрано, громадное, красное пятно, еще, к счастью, это на краю города. Кроме этой вывески три небольших по два аршина, этими я доволен. Ну, до свидания, милая голубушка Варюша. Сейчас ложусь спать. Покойной ночи. Господь с тобой, целую и благословляю тебя и детей.

Володя.

Прости за глупое, скучное письмо.

Целую тебя еще и еще раз.

7

12/25.10.25

Милая моя Варюша, пишу тебе в день полугодовой, как я уехал из Сергиева, вот как скоро время идет. У меня все слава Богу, вчерашний день посвятил поиску квартиры и нашел несколько комнат, а в одном месте только накануне сдали целую квартирку. Сейчас мне сообщили, что есть сдающиеся две комнаты, иду сейчас смотреть их, и если они будут подходящими для нас, то телеграфирую тебе. Так что, может быть, квартирные препятствия к вашему приезду отпадут, останутся остальные твои, тогда как Бог даст. Вчера было воскресение

64

ные, я не работал, был в церкви и у М.В.¹³, которая тоже все ищет комнату. В прошлом письме ты меня спрашивала о том, сшил ли я фартук, купил ли кружку и т.п. Сознаюсь, что фартук до сих пор не сшит не по моей вине, т.к. я давно отнес нашей хозяйке, а она все не собралась. Кружку я не купил по рассеянности и куплю непременно. Сейчас не в настроении тебе писать и придумываю, чтобы еще написать, но хочу послать это письмо, чтобы ты чаще получала их. По утрам, как ты приказала, я ем хлеб с маслом, и вообще питаюсь превосходно, обед, который дает мне за 40 к. одна дама, сытнее того, что в столовой. Вообще мое здоровье прекрасно. Только тоскую порядочно о тебе. Квартира, которую я иду смотреть, в хорошем месте, недалеко от заимки, но ближе к городу и летом там неплохо для детей. Если телеграмму ты не получишь, то, значит, она неподходяща для всех нас. Крепко, нежно тебя и детей целую и благословляю.

Володя.

8

26/13.12.25

Милая моя душенька Варюша, получил подряд два длинных и интересных письма от тебя, в которых ты жалуешься, что я все пишу только открытки. Все это оттого, что пропускаю моменты, когда хочется писать; во время работы, а уж открытки пишу Тебе как придется, лишь бы написать. Мне так было приятно и интересно все, что ты мне написала про детей, как они тебе дарили в день твоего ангела. Дневник Тони меня очень тронул, как она перед исповедью старается быть равнодушной к приезду Поли. Так приятно и радостно видеть в детях их добрые качества и чистоту. Я тоже был очень обрадован рисунками Алеши и повесил их на стену и люблюсь ими. Непременно, как только даст Бог, будем жить вместе, я буду приучать его к тому ремеслу, которым я сейчас занимаюсь, у него как раз способность к чистоте и аккуратности в рисунке, которые требуются в этом деле и, думаю, года через два, пожалуй, и сам сможет что-нибудь зарабатывать. Тоню бы надо тоже приучать к ремеслу. В этом смысле хорошо бы, если бы няня с Лизой¹⁴ жили бы с нами, и Лиза бы шила, Тоня могла бы у нее учиться. Я рад очень, что у Лизы дело идет не вовсе плохо, но, думаю, что для такого ничтожного барыша, пожалуй, ей не стоит оставаться в Карабанове, тем более, что это дело без будущего. Везде же в здешних краях портнихи нужны и заработок будет всегда. Последний раз я тебе написал, кажется в среду 10/23 дек. Эти четыре дня я переписывал, как тебе писал, вывеску, которая не понравилась заказчику; вчера вечером кончил, вышло хорошо, а для меня - наука. Вообще же с каждой вывеской я пишу все лучше, я скоро превзойду, я думаю, всю науку и буду опытным мастером. К сожалению, у меня еще недостает разных инструментов, которые понемногу прикупаю: линейки, циркули и т.п., главное же дело в недостатке кистей хороших, те, которые ты мне прислала, для меня драгоценны, последней присылки кисти превосходны будут для портретов, которые начну писать, если будет недостаток заказов на вывески. Теперь мне нужны будут кисти не такие мягкие, а обыкновенные волосяные (не щетинные) крупных размеров, но об этом напишу еще, пока на несколько недель мне послужат старые. Относительно заработка я твердо верю, что, Бог даст, он будет прочный, но для этого надо писать вывески и портреты хорошо и я в этом деле чувствую, что делаю успехи. К сожалению, первые мои вывески, которые как раз висят в городе, - неудачные и теперь мне приходится

65

рассчитывать на заказы из округа, сейчас я пишу в кооперативе деревенском, таких очень много и работа есть. Мне очень полезно золото, присланное тетей Машей¹⁵. Кстати, когда ты будешь в Москве, справишься в магазинах, что оно стоит фунтами, верно есть оптовые магазины, запомни их адреса, где они гораздо дешевле, здесь оно стоит 10 руб. фунт, кроме того посмотри, есть ли разные оттенки его, особенно хороши два цвета: золотой обыкновенный и светлее, в лимонный цвет, есть же скорее в зеленый тон, некрасивый. Самые лучшие вывески на черном фоне золотом и как раз это всего скорее писать. - Ну, вот несколько о вывесках, они меня очень занимают. Ты спрашиваешь, где я столуюсь, все там же, у бедной вдовы близко около нас, хожу туда около 4 час. дня. Сначала, так же как и в городской столовой, она кормила нас только мясом, и в конце концов я перестал выносить эту еду, и боли, такие как у меня делались от картофеля и черного хлеба, поэтому я с ней условился, что три раза в неделю бы она мне давала не мясо, а весь пост я мяса тоже не ем, так что больше месяца, как все пришло в полный порядок. Первое время за обед мы платили 40 коп., но теперь все подорожало, а также ввиду особых моих требований с меня берут за обед 50 коп., два блюда - суп или уха и на второе - котлеты рисовые или картофельные, или кисель, или рыба, или рисовая каша с компотом. В общем, я питаюсь, конечно, много лучше вашего и меня это огорчает, т.к. приходится тратить на это много денег, но иначе устроиться было бы невозможно. В общем, мои траты таковы: комната 10 руб., самовар 2 раза и вода 2 руб., обед 15 руб. Хлеб и молоко, которые я беру утром, чтобы не было голодно до 4 час. (или масло вместо молока) - 5 руб. Дрова есть, запас на два месяца, но если считать на деньги, то месяц обходится в 5 руб. Баня и всякие другие расходы рублей 5 в месяц. Так что, в общем я трачу на себя не менее 45 руб. в месяц. Часто меня это ужасает, но дешевле устроиться трудно. Зато ты можешь быть за меня покойна, что я ни в чем недостатка не имею.

Из твоего последнего письма только я понял, что Соф. Ив.¹⁶ находится тоже сейчас в тяжелых обстоятельствах, бедная. Сколько горя и нужды у всех. Я рад и счастлив, что ты отнесла 10 руб. Татьяне Петровне¹⁷, мы уже целиком в руках Божьих и нечего тут думать о том, что может быть, себе не хватит, уверен, что эти деньги тебе вернутся сторицей. Я часто думаю с угрызением совести о 50 рублях за твои шелка, как бы хотел их возместить, если Бог даст, а вот ведь когда была возможность, то не сделал этого. Ты иногда, как пишешь, жалеешь, что не сразу приехала сюда с детьми, но что делать, когда возможности не было. И потом квартирный вопрос с нашими хрупкими детьми был бы слишком серьезен, дома здесь плохие, отовсюду дует и Сонечка не выходила бы всю зиму из простуд. Кроме того и твои дела с дядей Борей¹⁸ все-таки важны. Не огорчайся о том, что это затягивается, т.к. раньше весны все равно не было бы нужно. А там, как Бог даст. Сейчас у нас начались морозы, четвертый день 23^о, а по утрам доходит до 27^о, солнца и ветра нет, в комнате у меня только утром довольно холодно, дыхания не видно, а потом, как затопят печку, быстро согревается. Однако приходится сидеть в валенках, т.к. с пола дует, главное из-под двери, все собираюсь устроить валец из пакли и все не куплю, что нужно. Все-таки зима здесь холодная, но хорошая и ровная, сперва был ровный маленький мороз, потом больше, сейчас еще больше и так, говорят, вся зима.

Ну, пока, прощаюсь с тобой, Господь с вами, благословляю тебя, Алешу, Тоню, Сонечку. Делаю это и каждое утро и каждый вечер. Как я тебе писал в после-

днем письме, высылка тебе денег задерживается, но все-таки надеюсь выслать скоро. Целую вас и тебя, милая моя, хорошая моя, нежно и крепко.

Володя.

Я надеюсь, что дядя¹⁹ приедет к нам, когда вы приедете. Целую его. Целую няню.

9

27/14.12.25

Милая душенька моя Варюша, вчера написал тебе длинное письмо, но сейчас хочется опять, сегодня воскресенье, я только что вернулся от обедни. Погода чудная, мороз 18^о, солнце. Необыкновенно яркие здесь звезды, я вчера, идя от всенощной, это заметил. Моя соседка что-то в церковь совсем не ходит, я ей ужасно досаждаю этим и даже слишком. Вот вернулся я к себе в комнату, печка истоплена с утра и тепло в комнате, солнце из трех окон, стоят громадные вывески с золотыми буквами, я попил только что чай, который мне оставляет по праздникам в русской печке хозяйка, и сел писать тебе, милая моя, хорошая, душенька, дорогая Варюша. Сейчас буду бриться той же горячей водой, которая оставлена для чая, потому что мы идем с М.В.²⁰ сегодня на новоселье к старой моей и твоей хозяйке Шараповой. Они сегодня устраивают пир на 40 человек, которые придут около 5 часов, а нас позвали к 2 ч. Шарапов все это время делал железные печки, а жена продавала их на базаре и, видимо, они это делают успешно. Карандаши я передал от тебя Геньке и все были очень тронуты твоей памятью. Мне очень бы хотелось к Рождеству послать подарки, деньги Алеше и Тоне, но не знаю, успею ли, т.к. только в конце следующей недели закончу все вывески, за которые получу деньги, которые собираюсь послать вам. Меня беспокоит ваша жизнь, то, что тебе приходится таскать дрова снизу, бегать вниз и вверх, на базар, что ты недосыпаешь и что нет денег. Главное, милая моя Варюша, досыпай. Не пиши мне длинных писем, **если они в ущерб твоего сна**. Через 10 дней Рождество, я надеюсь опять поговорить, это будет как раз месячный срок после последнего раза. Так что ты и запомни, что если Бог даст, я буду приобщаться в первый день праздника. С огорчением узнал из твоих писем о бедствиях среди наших близких, скажи всем, т.е. Соф^{ье} Ив^{ановне}, Та^{тьяне} Петр^{овне} и Нат^{алье} Дм^{итриевне}²¹, что я постоянно с сочувствием о них думаю и жалею их очень, и кланяйся им от меня. Постоянно молюсь о мужьях их и поминаю на проскомидии. Ну, Господь с тобой, целую нежно и крепко и благословляю тебя, Алешу, Тоню и Сонечку. Если недорого будет, сними фотографию Сонечки. Господь с вами.

Володя.

Это письмо опустит хозяйка старая М.В.

10

26.12.25 - 8.1.26

Милая моя, хорошая Варюша,

Сегодня второй день Праздника и я только что пришел от обедни ипил чай с сдобными булками, которые прислала мне и М.В. А.М.Морденская, очень это мило. Сейчас только что было у меня с крестом духовенство. У меня настроение хорошее и мирное, несмотря на то, что от тебя сегодня пятый день нет писем, но пока не беспокоюсь, думаю, что эта задержка - случайная, может быть - независимая от тебя. Может быть, Бог даст, получу сегодня или завтра. Беспокоюсь еще и о твоих денежных обстоятельствах, но до сих пор не выслал тебе

67

обещанных денег, т.к. еще не получил всего за работу, на днях, наверно, получу, но, придется, к сожалению, послать тебе меньше, чем я надеялся, всего 30 рубл., а 10 руб. передадут тебе сестры А.А.²², т.к. он у меня взял их и написал им передать тебе. Сейчас я получил заказ на два портрета, очень этому рад, так как в последние две недели вывесок что-то я не получал. Надеюсь, что с портретами дело у меня пойдет. Кроме того еще сейчас имею работу надписей для почты и оставляю еще себе денег 20 рублей. Если тебе удастся собраться ко мне, то привези с собой книги, которые мне очень хочется иметь: «Писания мужей апостольских», у Сережи это есть, не знаю, даст ли он, затем привези мне полный молитвенник Сони, мне очень недостает то, что у меня нет ни праздничных канонов, ни стихир. Кажется, у тебя была книга «Собрание песнопений» и молитвенник мне нужен, в особенности ради святец.

Очень жду тебя, моя Варюша, дай Бог, чтобы устроился твой приезд. Пишу тебе в третий раз, чтобы ты постаралась продать через П.Ив.²³ в музей портрет моего деда и бабушки и остальные Соколовские акварели²⁴, я беспокоюсь, не пропали бы они вообще, и был бы спокоен за них, если бы они были проданы в музей, да и денег выручилось бы наверно порядочно. Рисунок Бруни²⁵ у Шуры Обол²⁶ «енской», не забыла ли ты это? А портрет Кипренского²⁷ у тетей на Поварской²⁸. О портрете Бруни упоминается в статье Врангеля²⁹ в «Старых Годах» по поводу Исторической выставки портретов, как о превосходном рисунке. Еще на всякий случай, на худой конец ты можешь продать две дюжины франц. белил, которые остались у тебя, тюбик, думаю, которых стоит рубля два, если продавать их не в магазин, а художнику. Это тоже можно попросить Петра Ив. Как-нибудь до весны протянем, а там, Бог даст, проживем и на мой заработок, когда соединимся. Я все ужасно трачу много денег, не умею совсем беречь их. При случае приведи в порядок оставшиеся мои краски масляные, мне они скоро понадобятся, может быть лучше тебе опять часть из них привезти мне.

Пока Господь с тобой, целую тебя крепко и благословляю, и детей. Жду от тебя известий про всех, но не пиши писем **в ущерб твоему сну**, очень прошу тебя об этом. Лучше уж пиши открытки.

Нежно, крепко обнимаю тебя. Володя.

Милая душенька моя, я уже запечатал это письмо, но сейчас почтальон принес от тебя письмо от 19 числа после поездки твоей с Тоней в Москву. Не огорчайся неудачей у д.Бори. Может так к лучшему и потом до весны еще времени много. Ко мне все-таки собирайся, жду тебя очень. Бедная, бедная Лена С.³⁰, одно утешение, что она очень верующая. Ты мне что-то не пишешь о здоровье М.Ю. Есть ли надежда на улучшение или мало, или безнадежно. Ну, Господь с тобой. Стихиры я читал в триоди, в церкви.

Целую крепко и нежно тебя. Володя.

1926 г.

II

Открытое письмо А.В.Комаровской. На штампе: Ишим. 7.3.26.
Сергиев посад II.3.26.

Милая моя, хорошая Тонечка, сегодня получил твое открытое письмо и вообще благодарю тебя за все твои письма, также и Алешеньку, я их читаю всегда с особенной радостью, а не писал вам потому, что каждый день хочется напи-

сать мама. Вы оба сделали большие успехи в писании и это одно уже радует меня. Очень приятно мне, когда вы описываете мне нашу Сонечку, вот так, как в последнем твоём письме. Сегодня же получил открытое письмо дяди и ужасно его благодарю за все его письма, но ни на твоём, ни на дядином письме нет числа, так что я только догадываюсь по штемпелю, который часто неясен, о том, когда оно написано. У нас здесь сегодня чудесная погода, первый день тепло и солнце. На солнце тает вовсю. Чувствуется, что скоро весна, на душе стало гораздо веселее, особенно сегодня, получив ваши письма, а то долго их не было и я очень беспокоился.

Целую вас всех, мама, Сонечку, дядю, няню, Алешу и тебя крепко. Господь с вами. Алешенька и Тонечка, пишите мне чаще. Папа.

12

24/11.4.26

Милая Варюша, ты это письмо наверное получишь в день Праздника, Христос Воскрес! Целую вас всех, тебя и детей по три раза, надеюсь, что ты оставила все свои огорчения и заботы позади и только радуешься в день, когда получишь это письмо. Сегодня суббота и кончаю свою недельную работу, чтобы сегодня вечером и завтра уже не думать о работе. Сейчас первый час дня, я пойду сейчас еще по разным делам: на базар, справиться в двух местах о работе и принести четверть молока, которую мы с М.В. берем через день за 20 к. Вчера вечером были с А.А. в бане, я привык теперь к бане и ложусь на верхнюю полку, где отчаянная жара. После надел чистое белье, которое, кстати сказать, сам выстирал в этот раз, т.к. жалко за такую рвань платить по 10 к. Вчера заказал сапоги для А.А., то есть не новые, а только головки за 8 рублей, у него нет лишней копейки, так что я ему их ссужу. Грязь сейчас в самой высшей точке и кое-где уже начинает просыхать. Галош здесь нет, также как и в Омске. Если Лена С. предлагает прислать из Худымк., то непременно выпиши себе и детям, я уверен, что их **очень долго** не будет.

Вчера я получил твои два письма, одно с конвертом, надписанным твоей рукой и другое, более раннее, где ты пишешь о помощи Шуры О. Слава Богу, ветряная оспа, кажется, миновала. Даст ли теперь Бог вам благополучно вырваться из больницы. Мне спокойно думать, что теперь благодаря помощи добрых людей и моим присылкам, ты будешь при деньгах на праздниках и хоть этой заботы временно у тебя не будет.

Пока кончаю это письмо, т.к. надо скорее идти, а откладывать его на другой день не хочу, чтобы ты чаще получала. Теперь жду твоего письма в понедельник. По воскресеньям почта не работает. Целую крепко тебя, Сонечку, Алешу и Тоню и благословляю вас.

Володя.

13

15/2.5.26

Милая моя дорогая Варюша,

Вчера писал тебе, что верно возьму квартиру, которая предоставляется, но не взял ее, потому что хозяйка сама сказала, что раздумала мне сдавать из-за детей. И я очень рад: во-первых потому, что она мне самому очень не нравилась, что она очень дорога и не уютна, и мала. Сейчас еще в двух местах мне говорят про квартиры, которые должны освободиться, и еще есть виды на третью. Так что все-таки, даст Бог, так или иначе мы без квартиры не останемся. К

69

тому же я уверен, что ты не так еще скоро соберешься и из-за Сонечки, и из-за денег. Последнее меня продолжает, конечно, и беспокоить, и порою прямо терзать, тем более, что сейчас ничего не могу тебе послать. Временно у меня очень мало работы, но надеюсь, что скоро будет разная малярная, летняя работа, даже если не будет вывесок, а как-нибудь пока вы проживете; но как тебе удастся собрать достаточно денег на переезд, прямо не представляю себе. Хочу написать П.В.Никольскому³¹, не может ли он продать фортепиано, может быть, что-нибудь из этого и выйдет.

Но так или иначе верю, что все сложится у нас благополучно и что надо только быть терпеливыми. С няней, Алешей, вероятно, очень неприятно. Скажи Алеше, что я очень, очень прошу его всячески сдерживаться и не только не раздражать няню, но все делать, чтобы она не приходила в такое ужасное настроение. Это прямо грешно, если он не старается, чтобы у вас дома было все тихо и мирно, ведь это единственно, чем он может сейчас помочь. Тоне тоже передай, что я ее ужасно прошу не быть такой рассеянной и непослушной и в этом, чтобы она тоже все время не забывала стараться исполнять сразу твои приказания и делать так, чтобы не вызывать у тебя раздражения. Не слишком беспокойся об уроках, по письмам детей я вижу, что все-таки они сделали за этот год большие успехи, и то, слава Богу, в тех условиях, как мы сейчас живем. Что за беда, если они отстанут от своего возраста, только это к лучшему. Сейчас пишу тебе в пятницу вечером, уже поздно и буду сейчас ложиться спать. Вечер провели у М.В. У нее очень хорошая комната и уютно.

Я скучаю в одиночестве, но все-таки я уже так к нему привык, что мало тягучь, конечно, иногда бывает очень тоскливо, особенно по вечерам. Но почти ежедневно все-таки мы проводим вечера вместе.

Ложусь спать, целую и благословляю тебя, моя милая, и детей. На дворе сейчас ужасный ветер и дождь, погода скверная. Ишим полон воды, но еще не разлился. Я все-таки очень надеюсь вскоре опять иметь возможность тебе послать. Впрочем, как Богу будет угодно. Вот еще просьба к Юрию³² и надеюсь, что он серьезно отнесется к этому и если даже реставратора Баранова нет в Лавре, то он в Москву съездит может быть к Брагину³³ и узнает, и ясно мне напишет, **как закреплять отставший от сырости левкас**. Я знаю, что наливают как-то клей, а потом заглаживают утюгом, но мне надо это точно узнать. Я видел у Баранова заклеенные бумагой иконы после закрепления левкаса. Зачем это делается? Вообще всю эту процедуру подробно и ясно прошу мне описать. Также, каким спиртом растворяется старая краска и олифа. Ну, пока покойной ночи.

Вчера получил письмо от Екат. Ал.³⁴, был очень тронут, передай ей это от меня, сам же не буду ей писать. Передай Вере Тим. и Нат. Ал.³⁵ поздравление к празднику и благодарность за память, которой я очень дорожу, несмотря на то, что не пишу, но так лучше. Тоже самое и дяде Мише и тете Лизе, Льяне, Марии, Тоне, всех их я поздравляю и благодарю. Тетям не писал, откладывая со дня на день, и оправдывая себя тем, что все-таки лучше писать поменьше. Целую тебя, ложусь спать.

Суббота Фоминой недели. Кончаю письмо утром, очень-очень прошу Юрия помочь мне в том, что я прошу, т.к. от этого, думаю, будет много зависеть мой заработок, заранее благодарю его. Передай мой привет Алекс. Николаев<ичу>, Катусе, а Соню и Юрия я целую и поздравляю с прошедшим праздником. Погода сегодня пасмурная и ветреная. Что-то

вы там делаете сейчас утром, на моих часах сейчас по-здешнему половина одиннадцатого. Целую всех вас крепко и нежно. Господь с вами. Я здоров совершенно и бодр, и верю, что все устраивается к лучшему. Если можно, все-таки пришли мне рубашки, до сих пор еще не заказал себе новых. Целую няню и Лизу и христосуюсь с ними. Буду тебе сообщать дальнейшее о квартирах.

Сегодня жду от тебя писем. Целую и благословляю.
Володя.

14

11/24.5.26

Милая моя, дорогая Варюша.

Пишу тебе сейчас утром в понедельник 11/24 мая. Месяц кончается, а я тебе и не послал ничего за этот месяц и сейчас послать нечего, и, конечно, все мои мысли и чувства вокруг этого. Представляю себе твою нужду и терзаюсь своей беспомощностью, ужасно это тяжело, и еще более тем, что приходится тебе переживать это в одиночестве, без меня. Конечно, как всегда, в покорности промыслу и воле Божией надо находить успокоение, но тут особенно тяжело терзаться за тебя и за детей вдалеке от вас. Вспоминаю, как Ф.Д.³⁶ беспокоился, довольно ли хороша в Ракше кухарка, что ты, несмотря на всю твою скромность, привыкла к хорошему столу, а сейчас, если бы он видел, как тебе приходится жить и к чему привыкать. Мысленно в молитвах обращаюсь к нему за помощью. Тебе выпала более тяжелая доля нашей разлуки, и мне это очень тяжело сознавать, тем более, что я пока ни в чем не нуждался за все это время, да и сейчас имею все, что мне нужно каждый день. Невольно мысленно ищу для тебя помощи от людей, и в этом тоже грешу, так как одна помощь может быть - от Бога, и одна надежда на Его помощь никогда не обманет. И я верю глубоко, что хотя все, что Им посылается, в том числе и нужда - для нас нужна и полезна, все же Он пошлет нам с тобой соединение и успокоение от наших горестей и нужд.

Последнее твое письмо была открытка перед отъездом из Москвы и со штемпелем Москвы, верно, ты ее захватила с собой. Сейчас, сегодня жду от тебя известий тоже из Москвы. Третьего дня я получил тоже письмо от тети Сони к празднику, оно шло почти три недели. Сейчас буду отвечать на него, а то прямо стыдно, что мне пишут, а я все не отвечаю. Сегодня третий день, что на дворе очень холодно, вчера был даже снег и сейчас шла крупа. Радуюсь этому, что это сейчас, а может быть, осень зато будет хорошая, и ты, даст Бог, к тому времени здесь будешь. Но на все воля Божья. Холодная погода задерживает летний, малярный сезон и оттого сейчас я сижу почти без работы. Но как только погода установится хорошая, я надеюсь, работы будет опять много и, надеюсь, без перерыва, т.к. осенью опять начнется работа по части вывесок и проч. Я пока все еще в своей комнате на улице Просвещения, хотя хозяйка мне и говорила, что просит меня уехать к концу мая, но я бы не хотел до сих пор перебираться иначе, как уже в квартиру, которая была бы уже для вашего приезда, но пока все еще не нашел такой, впрочем есть обещание, не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого.

Вот тебе программа моего сегодняшнего дня: сейчас, кончив это письмо, постараюсь написать тете Соне, потом пойду на регистрацию, зайду на базар, отнесу пустую бутылку из-под молока, через день я беру по полчетверти за 10

71

копеек, потом пойду наведаться в разные места о работе, потом в 3 ч. пойду с А.А. обедать в столовую, потом домой. Сегодня работы дома нет, я почитаю, вечером, может быть, соберемся у М.В., или у меня. Это почти каждый день так. Прибавь к этому постоянные мысли о тебе и о вашей там жизни, соображения, откуда ты можешь получить денег на жизнь, пока я тебе ничего не шлю, вот так однообразно, изо дня в день. Надо много терпения, но что же делать, ведь в конце концов вся жизнь в целом не лучше этого, и также однообразно и скучно, и только как светлое, живое и вечное в ней всякое чувство настоящей любви, веры и надежды на лучшую, вечную, прекрасную жизнь в свете Божьей любви, и чем жизнь однообразнее, холоднее и беспросветнее, тем надежда живее и исполнение ближе и живее. Вчера вечером я читал третью книгу Ездры, если у тебя есть под рукой Библия, прочти самый конец, т.е. главу 16-ю, «слушайте это и вразумейте, рабы Господни»... «среди бедствий будьте как пришельцы земли». Эта книга кажется, не вполне канонична, но как и вся Библия, по-моему, дышит Духом Святым и на меня такое делает впечатление - как в счастье и довольстве напрасно прилагать сердце к благу мира сего, так и в бедствиях, нужде и несчастьи будем чувствовать себя пришельцами, не прилагая сердца к нашим бедам к скорбям, а верую и надеждой будем устремляться к любви Божьей не «боясь и не сомневаясь, что вождь наш - Бог».

Вот видишь, милая моя, как я выливаю Тебе все мои печали и надежды, а ты тоже не будь так сдержана, а то в твоих открытках я чувствую, что ты обходишь все, что может меня огорчать и расстраивать, так, например, не пишешь, что сидишь без гроша денег.

Ну, Господь с тобой, благословляю тебя и детей и верю, что Господь нам поможет и мы не погибнем до конца. Целую тебя нежно и крепко.

Господь с тобой. Володя.

1927 г.

15

[Открытое письмо] На штампе: Ишим 17.1.27 - Сергиев 21.1.27.

Милая моя Варюша, получил твое письмо с детскими письмами и Лид.Мих. Очень радовался им, как раз на праздниках получил. На твои вопросы я уже ответил. Покупке машинки я чрезвычайно сочувствую и думаю, надо все сделать, продать, что можно и купить ее. Не присылай мне материи на куртку, я и в этой прохожу эту зиму, а все сосредоточь на этой цели, купить машинку и запас бумаги, если вы с Лизой будете зарабатывать третью часть того, что зарабатывает А.Л.³⁷, то и то будет счастье. О поездке к дяде тоже писал тебе, что считаю необходимым ее отложить. У меня работы совсем почти сейчас нет, на меня хватает, но присылать вам надежды, кажется, нет. Зато очень доволен своей собственной работой и возлагаю на нее надежды, если Бог даст. Так что я в хорошем настроении и ты будь спокойна. У нас тут все, можно сказать, лютые морозы с ветром, чтобы мы тут делали с Сонечкой? Все милость Божья. Целую тебя, милая моя, дорогая душенька. Господь с тобой. Сегодня 31/12 дек<а>бря, завтра нов<ый> год, меня звали к Лизочке вечером. Скажи детям, что я ужасно рад их письмам, целую и благословляю всех. Милая моя, бесценная Варюша, тебя целую много раз.

Володя.

16

72

[Открытое письмо] На штампе: Ишим 24.1.27 - Сергиев 28.1.27.

Милая, душенька моя Варя, получил твою открытку от 20-го из Москвы с почтальоном, а тут 2-го сообщали по радио из Москвы, что там 25° мороза! Беспокоюсь, как вы там попали в такой холод, и ты еще, наверно, не в шубе! У нас тут все свирепые морозы, доходило до 42° при сильном ветре, можешь себе представить, каково это. Однако я от морозов совсем не страдал, хотя по утрам в комнате было очень холодно, т.к. я купил плохих, сырых дров, но даже, слава Богу, насморка не получил. Сейчас больше 30°, но тихо. Заказной работы очень мало, думаю, что отчасти из-за сильных морозов, занят я сейчас своей работой и очень доволен. Сегодня 4-е января» понед«ельник». Завтра Крещ«енский» сочельник. Пока целую тебя, милая моя и дорогая, благословляю всех вас, и нежно, крепко целую.

Все собираюсь писать Петру Ив.³⁸ и поблагодарить.

Пиши мне о машинке для вязания.

Володя.

17

[Открытое письмо] На штампе: Ишим 31.1.27 - Сергиев [нрзб.]

Милая моя, хорошая Варюша, вчера получил твою открытку из Сергеева по возвращении из Москвы, где ты пишешь о дамарном лаке (мне казалось, что ты мне здесь говорила, что нашла), то лучше пришли мне, когда будешь в Москве, дамарной смолы 1/4 фунта, больше мне не нужно, буду очень тебе за нее благодарен. Надеюсь, что ты написала мне подробнее, как вы проводили в Москве время, и о родных. Какое впечатление произвели на детей театр и Третьяковская галерея? У меня все, слава Богу, благополучно, понемногу есть работа, и свою не оставляю. Сейчас по просьбе Алекс. Вас. Морд«енского» пишу его портрет, тот, который мне все не удавался. Целую вас всех крепко, милые мои, и благословляю. Благодарю детей за конфетки в посылке. Целую нежно. Барашек на шапке мне безразличен, да и не так плох и вообще она мне очень приятна, моя скуфья была много смешней. Милая, дорогая моя, нежно, нежно тебя целую. 27/14 января.

18

[Открытое письмо] На штампе: Ишим 10.2.27 - Сергиев 14.2.27.

Милая моя душенька, дорогая Варюша, сегодня понедельник, по традиции пишу тебе с почты, после регистрации напротив. Сейчас получил деньги за сданные диаграммы и сегодня буду занят упаковкой посылки, которую пошлю завтра. Работа есть и дальше, т«ак» ч«то», к сожалению, пока отставил свою собственную работу, которая очень поддерживает мой дух. Впрочем очень на нее рассчитываю. На душе, признаться, грустно, так хочется тебя видеть, и когда это осуществится. Очень забочусь о твоём финанс«овом» положении! Ну, на все Воля Господня, успокаиваюсь в утверждении на этой мысли. У нас здесь тепло, и у меня в комнате тоже. В будущую субботу уже начнут петь «На реках Вавилонских», буду особенно думать о тебе, моя милая, бесценная. Благословляю всех вас. Володя. 24 «января» 7 февр. 1927.

19

10/23.2.27 - 11/24.2.27

Милая моя Варюша, вчера я получил твоё очень длинное письмо и, прочтя его, ему (ужасно!) рад, как будто вроде повидался с тобой и детьми. Я рад также, что ты, несмотря на все трудности, бодра, не унываешь и надеешься на

73

милость Божью, которая, правда, не покидает нас. Все то, что ты мне пишешь про детей мне очень интересно. Общее впечатление это такое: надо благодарить Бога за то, что Алешу и Тоню удалось довести до их возраста в атмосфере и среде, которая не могла на них не оказать влияния, которая всегда, что бы не случилось, до известной степени предопределяет их развитие. Надо бы, чтобы они уже теперь это ценили. Они сейчас в нравственном смысле, как в люльке, хорошо бы, чтобы они уже начали себе отдавать в этом отчет, также и понимая то, что не всегда так будет и что может случиться, что они очень рано могут очутиться в жизни одни и в нужде и главное среди **моря соблазнов и искушений**, конечно, на все воля Божья, и он же их, я верю, сохранит, но, мне кажется, совершенно необходимо, чтобы эту возможность и опасность они себе представляли и не забывали о ней, тогда многое, что им сейчас дается пока, что они даже не замечают, они бы стали ценить и дорожить. Вот ты пишешь, что Алеша бывает с тобой то нежен, то очень груб - это было бы совершенно немыслимо, если бы он понимал, какая особенная милость Божья, что он в 13 лет имеет мать, для меня или для тебя ведь это прямо чудовищно представить себе, что мы могли бы быть грубыми с кем-нибудь из наших родителей, я и приписываю это не какой-нибудь особой его грубости, а только тому, что он не понимает, какой дар Божий он имеет, имея тебя, и что он не всегда этот дар будет иметь, конечно, он иногда это понимает и тогда ему бывает стыдно, но ведь это прямо великий грех, который прощается ему лишь по его глупости, что он только иногда это понимает и чувствует. Совершенно такая и Тоня, которая **привыкла** постоянно расстраивать и раздражать своим непослушанием. Однако, я не слишком в общем этим ужасаюсь, так как мне ясно, что это именно от их глупости происходит. Меня бы гораздо более огорчило, если бы ты написала мне, что замечаешь, что кто-нибудь из них не всегда правдив, так как это хуже, хуже всего, и даже самая маленькая ложь всегда оставляет на душе след, а повторение ее может приучить совершенно незаметно пачкать душу и не тяготиться этим. Это хуже всего и Боже избави их от этого. Я бы так хотел, чтобы дети наши постоянно имели это как идеал, как высокую цель, безупречную и абсолютную правдивость. Ты меня часто спрашиваешь, почему я тебя так люблю, когда я стараюсь в себя заглянуть с этим вопросом, я нахожу ответ - главное это, что тебе так противна всякая даже самая ничтожная ложь, конечно **не это** твое свойство, а та чистота и высота души, которой претит всякая ложь, как пятно, марающее эту чистоту. Но именно в детском возрасте легко приучиться не замечать, как ложь марает душу, а потому особенно важно обратить внимание детей на это. Если это в них будет благополучно, то все остальное сравнительно маловажно. Конечно, ты все это и сама понимаешь, но думаю, что полезношний раз им это напомнить. Ведь они читают разные книги, кн.Серебряного и другие и им, конечно, нравится очень, и они трогаются образом благородства разных лиц и героев, так это то самое, чему и они в их возрасте должны служить тем, что внимательно и постоянно в себе искоренять всякую самую малейшую ложь. Правда, правдивость - это как крылья, с которыми не страшно нигде, а чистая совесть - это такое сокровище, с которым ничто не может сравниться.

Милая моя Варюша, ты пишешь, что будешь теперь ждать денег для покупки машинки, а когда придут, то займешь у тети Маши и начнешь работать, так почему же не занять сейчас же, чем скорее начать работу, тем же

лучше! Впрочем, тебе там виднее. Целую тебя, милая моя, хорошая. Пишу в среду 10/23 февр<аля> вечером. Сейчас ложусь спать, покойной ночи, допишу завтра утром. 11/24. Сегодня не послал этого письма и дописываю его вечером в четверг. Не послал я его потому, что забыл, когда днем пошел в город покупать хлеб на базаре. Как всегда, это - моя ежедневная прогулка днем, иду покупать хлеб и, кстати, захожу в разные места, где надеюсь найти работу. Сейчас ее довольно мало, но эта неделя у меня вся была занята, так что опять я ничего не делал для себя. Сейчас вечером ко мне заходил Ст.Ив. и пил чай у меня, а днем еще был и А.А. Последнее время с М.В. выдаюсь редко, она мне надоела своими мелкими обидами. Постоянно думаю о вас, могу сказать днем и ночью, так как только проснусь сейчас и мысль о вас, как-то вы там. Иногда беспокоюсь о вас невыносимо, а потом успокаиваюсь на мысли, что Господь нас не оставляет. Очень большое успокоение и утешение мне доставляет моя работа, хотя и приходится браться за нее урывками, Впрочем я все равно никогда не мог постоянно изо дня в день работать, так что отчасти и хорошо, что мне приходится отрываться от нее. Думаю однако, что уже я более не отстану от нее на такой долгий срок, как было до этого декабря; чувствую, что только теперь я начинаю понемногу находить себя, свою форму, мой собственный портрет в Сергиеве был в этом смысле первым, но он мне дался при очень большом подъеме, вроде восторга, а теперь та же форма начинает мне даваться при спокойной зрелой работе. К сожалению, все еще мало я сделал, но думаю, что дальше пойдет лучше и очень надеюсь, что буду оценен не только маленьким кругом лиц и что моя работа будет наша материальная основа. Впрочем, может быть, все это только мечта, во всяком случае не оставляю своего ремесла, да это и невозможно, когда надо каждый день есть. Милая душенька моя Варя, ничего я тебе еще не написал про нашу милую Сонечку, я ее ношу у себя в сердце, Впрочем, конечно, и всех вас, но об ней я думаю как о милом существе без всякой опаски как об Алеше и Тоне, которыми нельзя просто любоваться, как Сонечкой, понимаю твой постоянный страх за нее, но надо правда больше думать о том, что все, и жизнь и здоровье детей, в руках Божьих. Ты вот мне ни разу не писала про свое здоровье, хуже ли ты себя чувствуешь? И нет ли каких-нибудь у тебя явлений вроде твоей походки? Советовалась ли ты с каким-нибудь доктором или все только наблюдаешь свои изъяны, и как твои зубы? После твоего отъезда отсюда я еще долго лечил тот зуб, который докторша начала при тебе, верно еще целый месяц, но уже в декабре, кажется, пломба вывалилась, и я уже решил больше к ней не ходить. Ну прощай, милая моя дорогая, сейчас хочется спать, покойной ночи. Я надеюсь, что ты исполняешь мою просьбу и стараешься рано ложиться? Целую тебя нежно, крепко, милая голубушка моя дорогая. Господь с вами. Володя.

Благословляю всех вас.

Что, на Машеньку совсем махнули рукой, или есть какие-нибудь надежды? Не забудь написать.

20

16/29.2.27

Милая душенька моя Варя, пишу в субботу 16/29, придя вечером из церкви. Вчера получил твое письмо с описанием вывиха руки Тони. Слава Богу,

75

что по-видимому благополучно кончилось и нет поломов. Воображаю, как ты перепугалась. Меня письмо твое, написанное сгоряча под впечатлением этого случая, живо перенесло к вам в Сергиево, а потому было очень приятно, хотя и сообщало о таком неприятном приключении. Милая моя душенька, как тебе хлопотливо с детьми, и как все-таки одиноко, всей душой и сердцем я с тобой, дорогая моя. У меня все, слава Богу, благополучно и опять нанесли работу, так что подумываю, что скоро буду в состоянии опять что-нибудь тебе послать. Думаю, опять масло. Меня очень пугает по газетам известие об ожидаемой весной эпидемии испанки, как пишут в газетах, она особенно опасна для тех, кто истощен плохим питанием, в особенности отсутствием масла, а потому и хочется его тебе послать. Я сейчас рисую диаграммы и это все-таки разнообразит мою работу, но вообще я сейчас радуюсь всякой работе, т.к. целый месяц ее было ужасно мало и я, хотя пользовался этим временем для своей живописи, однако последние дни начал было унывать и вот как раз пришла работа и даже много. Слава Богу! Своей живописью я тоже наслаждался и был ею доволен, пока конченного для отсылки еще нет, но проекты сидят в голове и уже начаты. Я был счастлив, что вы с детьми хорошо провели праздники и что для них они были отмечены поездкой в музей и в Третьяковскую галерею, надо благодарить Бога, что у них все-таки детство, несмотря на тяжелое такое время, похоже на настоящее, какое для тебя это утешение, что они растут все-таки в нормальной обстановке. Вообще все, что ты мне пишешь про них, меня очень радует и вижу в этом особенную милость Божью по молитвам наших родителей. И во всем остальном надо предаваться всецело воле Божьей; вот и теперь мы ведь опять накануне большой нужды, но я так всем сердцем верю, что Господь пошлет все нужное и потому по крайней мере заранее не терзаюсь. Главное, всегда иметь чистую совесть, а остальное приложится, несмотря на всякие тяжелые испытания. О себе, кажется, ничего не могу сообщить особенного. Все это время большую бодрость и утешение я черпал в своей живописи и ясно сознаю в себе родник вдохновения, удивляюсь, как это полтора года и даже больше я в этом направлении ничего не делал, впрочем, так значит, надо было, теперь чувствую, что внутри много созрело и само рвется наружу, впрочем в этом направлении страшно говорить, как бы опять не было творческого запора, а творчество ни с чем не сравнимая и мало кому ведомая радость, так вспоминаю Пушкина «быть может, вновь гармонией упоюсь» и т.д., а также Моцарта и Сальери. Ну вот, это главное, что меня занимало все это последнее время, а сейчас буду совмещать это с диаграммами и вывесками. Милая моя, дорогая душенька, целую тебя крепко и тебя и детей поручаю заступничеству Божией Матери. Благословляю всех вас. Целую няню. Кланяюсь Лизе. Сегодня в первый раз пели в катавасии Сретенский канон, так вспоминаю ежегодно Зосимову пустынь с тобой. Бог даст, еще побываем, целую тебя милая, милая нежно. На днях здесь мне рассказывали о Петре Владимировиче³⁹ кто-то, кто его видел совсем недавно, было очень приятно, расскажи это Софье Ивановне⁴⁰.

21

[Открытое письмо] На штампе: Ишим 11.2.27 - Сергиев 16.2.27.

Милая Варюша, сейчас послал на имя Лизы посылку, только 13 1/2 фунтов, т.к. сегодня мне здесь сказали, что в Москве масло есть, и дешево. На-

76

пиши **поскорее**, почем у вас масло. Завтра на базаре постараюсь купить окорока, чтобы они успели вам к Пасхе. Вчера получил от тебя открытку, где ты пишешь, что у вас Маня⁴¹, и про то, что у Тони, все-таки, в кости трещины. Какая это рука, левая или правая? Очень, очень прошу тебя сделать все, чтобы купить машинку. Насчет сбыта, я уверен, может быть можно будет посылать сюда. Наведу справки о ценах и напишу тебе. Целую вас и благословляю, получил еще работу, диаграммы, так что работы сейчас, слава Богу, много.

Целую, целую. Володя.

22

[Открытое письмо] На штампе: Ишим 16.2.27 - Сергиев 21.2.27.

Милая душенька Варя, сегодня 1-е, завтра Сретенье, я, слава Богу, благополучен. Все только пишу тебе открытки и открытки, но сейчас занят заказной работой и как-то все не могу сесть писать тебе как следует. Купил и отдал коптить еще два окорока, так что в общем - четыре, но размером они меньше, чем те, которые уже послал всего в 4-х -2 п.10 фунтов, может быть, половину пришлю почтой, чтобы ты скорее получила, однако все-таки не раньше как через месяц, два другие, надеюсь, придут к вам к Пасхе. Надеюсь на этой неделе еще послать денег. Получили ли масло? И не послать ли еще? Пишу, как всегда, в понедельник - с почты, вечером буду читать шестопсалмие, кафизмы и канон, это уже теперь всегда как бы моя обязанность, других чтецов нет. Я очень этому радуюсь.

Сегодня холодно у нас, солнце и мороз.

Целую всех вас крепко и нежно. Господь с вами.

Володя.

23

[Открытое письмо] На штампе: Ишим 21.2.27 - Сергиев 25.2.27.

Милая, душенька моя Варя, сегодня получил твою открытку 25/8 февраля. К сожалению, и я пишу тебе все это время мало. Вчера было Сретение, вот скоро уже и весна! Сейчас кончаю пока свою заказную работу, думаю, завтра примусь за свою живопись, к которой не прикасался 3 недели, а потому настроение мое не очень бодрое и на душе тревога за вас; когда же работал для себя, была уверенность, что все устроится. Надеюсь, с работой вернется она. Тебе я, надеюсь, послать завтра 25 руб., обещанные давно. Уже были деньги в руках, но как раз наставали сроки платить за квартиру, дрова, и они таяли. Работа заказная еще как будто предвидится, но я рад, что хоть несколько дней поработаю. Тебе тоже все откладывал писать из-за пустоты в голове, ты меня прости, милая моя.

Крепко тебя целую дорогая, милая. Целую и благословляю детей.

Господь с вами.

Володя. 3/16 февраля.

24

Ишим 5/18 февраля

Милая душенька моя Варя, сажусь тебе писать, сегодня пятница 5/18 февраля, утром. Сегодня у меня нет заказной работы, а свою что-то утром не хочется начинать, т.к. плохо спал ночью; а это оттого, что вчера вечером был в бане и залез на полку париться, а это, как и горячая ванна, вечером мне всегда действует на сон. С А.А. я хожу через две недели в общую, это стоит всего 25 копе-

ек и мыться очень хорошо. Обыкновенно ходит с нами и С.И., в таких случаях возит меня на лошади, которую берет у своего хозяина. Баня находится на Карасули⁴², т.е. в ту сторону, противоположную от того, где мы живем. Среди недели это главное, кажется, мое развлечение, время у меня течет, слава Богу, однообразно и быстро, я не скучаю. Сейчас меня всего поглощает мысль о моей работе, все-таки досадно, что я (раньше) за нее не принимался, это главное досадно в отношении материальном, т.к. у меня есть внутренняя уверенность, что рано или поздно я буду оценен по достоинству и это даст нам основание (нашей сравнительной) обеспеченности, впрочем на все воля Божья.

Сегодня чудный солнечный день и не холодно, сейчас я пойду в амбулаторию привить себе оспу по примеру А.А., который очень мнителен, а в городе были случаи черной оспы и всем прививают бесплатно. Кстати, по поводу болезней, я очень беспокоюсь газетными известиями о неизбежной эпидемии испанки и прошу тебя беречься. Говорят, что она особенно опасна и почти **всегда** смертельна, если бросается на легкие. В этом случае называют ее прямо легочной чумой. **Поэтому прошу** тебя запастись всем нужным, чтобы в случае заболевания сразу принять меры, чтобы оттянуть от легких, т.е. иметь **всегда наготове горчичники и компрессы**, очень прошу, ради меня позаботиться об этом, говорят, что у детей испанки не бывает, впрочем спроси это еще у доктора. - Ну, что тебе еще написать, так скудны события моей жизни. Ты интересовалась моим питанием - я ем очень хорошо и часто угрызаюсь совестью за свое обжорство, стараюсь варить на всю неделю суп с говядиной, в постные дни - кашу (сейчас сплошная неделя). Кроме того сейчас беру в день бутылку молока. Кроме того у меня всегда чай, сахар и полубелый или серый хлеб, который здесь так вкусен. Непременно хочу исполнить строго пост, не перестану мучиться совестью тем обетом, который дал о.Алексею⁴³ и который до сих пор всегда нарушал, а потому решил начать строго его исполнять. После рождественского разговенья у знакомых и дома у меня опять были желудочные нелады, и я долго принимал бензонавтол. Сейчас все наладилось, даю себе слово быть осторожным впредь. Милая моя душенька, вот как Господь судил нам с тобой жить врозь, также Он и устроит, верю в наше соединение, а впрочем, за все слава, слава Богу. Я так верю, что Господь и детей наших сохранит и опечет, лишь бы они всегда с молитвой к нему прибегали. Я постоянно радуюсь, что ты побывала в Сарове, то, что тебе удалось это сделать (независимо от твоего настроения), я вижу милость к нам и внимание преподобного Серафима и его помощи всегда прошу. Сейчас на столе, где я тебе пишу, у меня лежит толстая Библия и Писания мужей апостольских, прикладываюсь к ним, как к источнику чистой воды и радуюсь, что это как чистый свежий воздух, как свет солнца. Ну, милая моя, пока до свидания, целую тебя нежно, нежно и благословляю. Господь с вами. Володя.

С М.В. мы сейчас в ссоре, так как она на меня за что-то обижена, как всегда, и уже более двух недель я не был у нее, впрочем, кажется, в воскресенье увидимся, так как мы званы в тот же дом.

25

[Открытое письмо] На штампе: Ишим 11.3.27 - Сергиев 15.3.27

Милая моя душенька, хорошая Варя, беспокоюсь, не имея давно, больше недели писем. Дай Бог, чтобы вы все были здоровы. Сейчас иду в церковь, сегодня четверг, 4 часа. Сегодня хлопотал по поводу окороков, пошлю их багажом

на днях. Пишу только два слова, очень тороплюсь. Целую тебя ми.., мне на пол-слове принесли твое письмо, которым очень утешен, от 18/2 марта. Слава Богу, а то только что помолился о вас Б<ожией> М<атери>. Целую крепко, нежно, будь бодра и не унывай.

Володя. Благословляю вас.

26

Милая моя, дорогая Варя, пишу в пятницу на масленице. Вчера я принимал у себя вечером гостей с угощением, был А.А., Ст.Ив. и еще один московский старичок с дочерью, товарищ по несчастью. Мне давно надо было позвать на такое угощение, т.к. все хожу в гости и надо было устроить у себя. Я рад, что исполнил этот обряд, хотя и стоило это мне, к сожалению, дороговато - 6 рублей. - Были сладкие пирожки, печение, лимон, молоко, масло, кета, шпроты и полбутылки вина, играли в преферанс и беседовали. Я рад, что справил свою обязанность, но к сожалению, на эту сумму меньше пошлю тебе. Но никак было нельзя. Сегодня чудная солнечная погода, но очень холодно, думаю, не меньше 25°, верно это последние морозы. Сейчас я в очень бодром настроении, моя работа крепнет и расширяется. Сейчас пишу четыре портрета параллельно: Юрия⁴⁴, Пазухина, автопортрет и - Пушкина! Всеми четырьмя очень доволен, хотя они окончательно еще не вылились. Каждый из них уже написан раз по 5, но чувствую твердость в работе и постепенное вхождение в огромную, если можно так выразиться, сферу лирическо-идеалистического вдохновения. Это и раньше у меня бывало, но сейчас шире, тверже и постояннее, впрочем, как всегда бывает в этой области, три шага вперед и два назад, и этот затор бывает очень мучителен. Думаю, что пропущенные мной почти два года не пропали даром в смысле созревания. По мере писания портретов просятся на свет и другие образы, и я чувствую что, если Бог даст, все сложится так, что я буду в состоянии работать, то скоро выйду на большую творческую дорогу. Всего больше меня беспокоит и мучит ваша нужда. Эта забота неотступная, но верю, что Господь все устраивает к лучшему. И мое теперешнее изгнание способствует к тому, чтобы все устроить через мое дарование, которое тоже прямо от Бога. Я так верю в это. Моя работа ремесленная мне не мешает, а наоборот способствует созреванию вдохновения, потому что нет ничего пагубнее для вдохновения, как сидеть над ним и ждать и смотреть в себя, когда оно придет, а тут оно само приходит, когда и не думаешь. Будь ты только бодра, не унывай, верь, что все устроится. Если можно, купи непременно машинку, хотя бы занять деньги, потом отдадим. Заказная работа у меня сейчас есть и я ни в чем не нуждаюсь, здоровье мое прекрасно, слава Богу. Тяжела разлука с тобой, но принимаю ее как от Бога и благодарю Его за все, все. Милая моя душенька, хорошая Варюша, целую тебя крепко и нежно. Я написал тебе два письма, которые не послал за нетрезвостью, т.к. они писаны были ночью в приподнятом настроении, но на днях их перечитывал и все-таки пошлю как-нибудь. Еще такое нетрезвое письмо я послал тете Соне⁴⁵, думаю, что оно может вызвать только недоумение и осуждение. Но все-таки решился потом его отослать, т.к. подумал, что Бог знает, увижусь ли я с ней когда-нибудь. Целую тебя нежно, нежно. Господь с тобой. Володя.

Пятница, масленица.

Благословляю тебя и детей.

27

79

[Открытое письмо] На штампе: Ишим 9.3.27 - Сергиев 14.3.27

Дорогая, милая моя Варюша, сегодня чистый понедельник, пишу с почты. Говеть буду ли на этой неделе, еще не знаю. Вчера справляли с А.А. масленицу, ели блины в столовой. На дворе опять очень холодно, градусов 25-30, как-то у вас? От тебя давно нет писем, пока не тревожусь. Сейчас иду домой, сегодня буду кончать заказную работу, а с завтрашнего дня опять примусь за свою работу. Вчера провели почти весь день с одним молодым священником, который проездом здесь, очень приятно беседовал о всяких духовных предметах. Милая, душенька моя, как-то ты сейчас справляешься. Я бодр и не унываю и ты будь бодра. Вот увидишь, Господь все устроит. Лишь бы ты и дети были здоровы. Много думаю о нашей Сонечке и все ее стараюсь представить себе. Господь с вами. Володя.

28

[Открытое письмо] На штампе: Ишим 24.3.27 - Сергиев 28.3.27

Милая моя, хорошая Варя, как-то ты там живешь, налаживается ли работа на машинке? Болею душой за тебя и не могу сейчас ничем помочь, как только усиленно работая своей живописью, в надежде, что она выручит. Верю, что Господь поможет, а заказной работы страшно мало стало. Никак все не могу отправить окороки. Временно прекращен прием частных грузов малой скоростью, а почтой пока не хочу отправить - дорого.

Думаю о тебе и молюсь постоянно, милая моя, дорогая, будь бодра, не смущайся запутанности долгов, что делать, бывают такие минуты, а там, вот увидишь, устроится все, я твердо верю!

Господь с вами. Володя.

29

30/17 марта 1927 г.

Милая моя душенька Варюша, посылаю тебе накладную на ящик, посланный малой скоростью. Боюсь, что к празднику, однако, ты его не получишь, а потому часть пошлю по почте. Хотелось бы еще послать вам к празднику запас масла, но не знаю, удастся ли. От тебя не имею уже писем десять дней и, как всегда в этих случаях, на душе очень тяжело и мысли мрачные, одно успокоение нахожу в молитве за вас. Вы, думаю, теперь купили машинку, но еще не научились и не наладилось это дело у вас еще. Вот если бы мы жили вместе, то и я, когда у меня не бывает работы, стал работать на машинке. Но Бог даст, это и осуществится, ведь остается мне моей ссылки только почти один год, да может быть, еще попаду под действие следующей октябрьской амнистии. Бог даст, у тебя теперь, также как и у меня, мысли, когда-то мы с тобой увидимся и как удастся тебе приехать ко мне теперь, когда совсем нет у нас денег. Если Богу угодно будет, то и это устроится, а нет, так будем теперь надеяться и ждать моего возвращения. На д.Б<орю>, я думаю, тоже можно надеяться, что в конце концов и он поможет. Сейчас у нас второй только день тепло, тает, а то все были сильные морозы градусов до 20. Как-то у вас? И хватило ли тебе дров? Дни мои проходят по-прежнему так однообразно, что не стоит тебе описывать, бодрость и свежесть духа моего поддерживает моя связь с моей работой, которая, верю, теперь не прервется. Весь вопрос, конечно, останутся ли понятия мои произведения только небольшим кругом лиц или они получают признание. В таком случае устроится и вся наша жизнь. Но надеяться можно, конечно, только на Бога и рассчитывать на Его милость. Все последнее время я почитывал пись-

80

ма уткинского сборника, письма Жуковского – Мейер⁴⁶ в своем одиночестве так сжился с этими людьми, что теперь жаль кончать эту книгу. Я был бы очень доволен получить здесь, если может быть, есть у тети Сони и у Сережи⁴⁷, письма Киреевских⁴⁸, а может быть Воейковой, рожд. Протасовой⁴⁹, они тоже изда ны. Вот это вообще письма не то, что письма Сони О.⁵⁰, жены Сережи⁵¹! Прочтя их, невольно начинаешь любить писавших. Сейчас иду посылать заказным дубликат с этим письмом, потому кончаю. Ящик по накладной с домашними вещами я отправил через О-во Транспорт и там не уплатил за провоз, так что опять придется тебе его выкупать. Надеюсь, что это будет не больше 2 рублей. Ящик фанерный, опутан проволокой. Надеюсь, что Сонечка и вы все опять насладитесь ветчиной. Целую тебя крепко, милая моя, родная Варя, я не перестаю ежедневно поручать тебя и детей заступлению Б<ожией> М<атери> и верю в Ее к нам милость. Господь с вами. Володя.

30

[первые числа апреля 1927 г.]

Христос Воскресе! Милая моя Варюша, думаю, что письмо только и поспеет к празднику. Сегодня пятница шестой недели. Вчера переехал я на новую квартиру, адрес мой теперь Большая Садовая, д. □ 31. Это совсем рядом с базарной площадью и Троицкой церковью, в этом отношении хорошо, но комната хуже, чем моя прошлая – меньше и не так чисто в доме. Ну, что Бог даст. Переезд в новую комнату это как бы опять повторение, напоминание старого, расставание с тобой, поэтому сегодня мне очень грустно, тем более что последние две недели не брался за свою работу за всякими делами, вывесками и это всегда понижает мой дух. Сегодня надеюсь опять начать, т.к. все заказные работы пока кончены, а на первой неделе, если Господь даст, поговеею с тем, чтобы приобщиться в четверг. В прошлом году все откладывал с приобщением и так не удалось на Святой поговеть, если помнишь, как раз я был болен в ночь на Пасху.

Вот список портретов, акварели и миниатюр, которые предложи купить музеям. Они, конечно ты помнишь, находятся в чемодане у Поли, надо их разобрать. Верно на святки ты поедешь на 17-ю версту и вот тебе деловая цель. Надеюсь, что акварели у Поли были в сухом месте и не попортились.

В Румянцевский музей надо предложить все относящееся до Д.В.Веневитинова, а именно:

- 1) аквар<ельный> портр<ет> - Д.В.Веневитинова.
- 2) его брата - А.В.Венев<итинова> - раб<оты> Соколова.
- 3) его сестры -С.В.Венев<итиновой> - тоже.
- 4) и 5) его матери А.Н.Венев<итиновой>, рожд. Оболенской два портрета в чепцах раб<оты> Соколова.
- 6) его отца Влад<имира> Петр<овича> Веневитинова миниатюра, в синем камзоле.
- 7) миниатюра А.Н.Веневитиновой с детьми Дмитрием, Алексеем и Софьей⁵².

В Исторический музей предложить портреты моего прадеда, автора записок и I-го генер.-адъют. имп.Алекс<андра> I⁵³.

- 1) работы Соколова⁵⁴ 2) миниатюра без подписи, но очень хорошая.

В Румянцевский музей предложи портрет кн. Н.П.Горчаковой, рожд. Боборыкиной, жены сатирика XVIII века кн.Д.П.Горчакова и матери главноком<андую-

щего» в Севастополе и наместника Царства Польского – кн. Мих.Дм., акварель Хампельна, в желтой шали⁵⁵.

В Пушкинский дом при Академии наук – портрет гр.Анны Евгр<афовны> Комаровской, в замужестве Шиповой, альбом автографов которой находится там, в Пуш<инском> доме. Ей посвящено послание Жуковского, написанное в альбоме. Альбом издан Академией наук⁵⁶. Портрет Соколова.

Я думаю, что все эти вещи охотно купят, весь вопрос в цене. Самая дорогая по цене, думаю, миниатюра моего прадеда, думаю рублей 100 она во всяком случае стоит. В Румянцевский музей надо предложить через Г.П.Георгиевского⁵⁷, который был очень предан дяде М.А.Веневитинову, и постарается это дело устроить. Просить за Веневитиновские портреты надо рубл. 300, а может быть и все 500, посоветуйся в Москве. В Истор<ический> музей через М.Петровск<о>го и, может быть, туда же предложить и Веневит<иновские> портреты, можно сунуться и туда и сюда. О портрете Шиповой я напишу П<етру> Иван<овичу> с просьбой сообщить тебе, если Пуш<инский> дом согласится купить этот портрет, для отсылки его по почте. Я был бы рад, если бы все это устроилось. Портреты были бы прекрасно устроены и дети мои не стали бы их жалеть. Пока, милая моя душенька, крепко, нежно тебя целую крещу и благословляю. Храни тебя Господь. На днях напишу еще, милая моя. Я люблю тебя не только за твою прямую и правдивую душу, но и за все. Тоже за твою милую и кроткую человечность – фраза в духе дяди П.Б.⁵⁸ Но и вообще за то, что ты – ты. Целую тебя и детей.

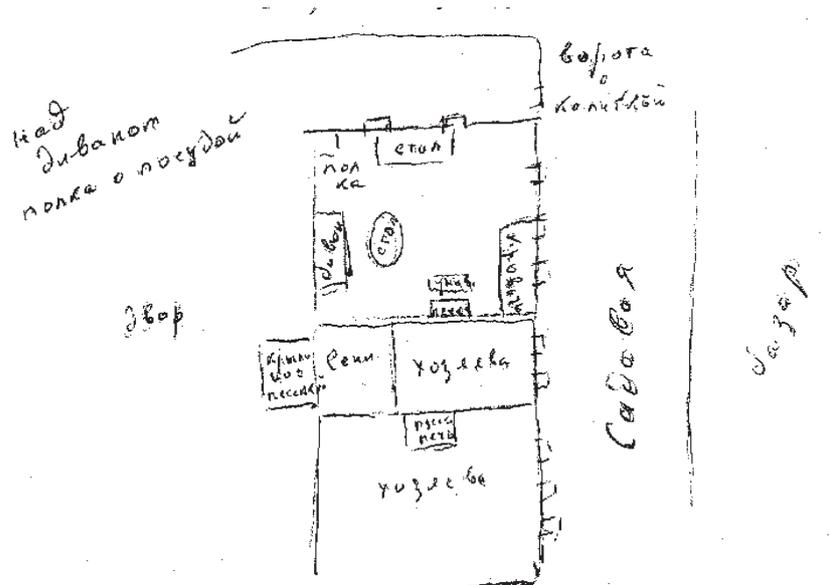
Может быть, я преувеличил надежды на цену, которую могут дать за портреты музея, но надо начинать с большого.

31

6/19.4.27

Христос Воскресе

Милая моя душенька, дорогая Варя, пишу тебе в велик<ий> понедельник, придя из церкви в 12 ч. дня. Поставил кипятить воду для чая и сел писать, а сейчас пойду регистрироваться и на почте опустить это письмо. Вот вторую страстную, что мы врозь с тобой, милая моя, но сейчас мне не так грустно, за все, все, слава Богу! Я очень доволен своей новой комнатой. Как я тебе писал, я в среду, 14-го переехал на Б.Садовую, д. □ 31 и сперва казалось, что новая комната хуже старой, а теперь я убедился, что она гораздо уютнее и веселее. Она на втором этаже, три окна на улицу, на юг и два – на восток, во двор. Ставень нет, чему я очень рад, с раннего утра у меня солнце, из окон на улицу широкий вид на город, слева совсем близко видна Троицкая церковь, правее – каланча, посередине – весь базар, а вдали прямо крыши и на высоте старый собор, в комнате больше света, чем в старой, т.к. окна больше и как-то лучше поставлены. Мебель тоже уютнее, чем там было. Старинный диван, обитый хоть грязным, но приятным кретоном синим, перед диваном овальный березовый стол на ножке урной, а внизу – квадрат на четырех лапах. Затем еще очень большой стол для работы, два стула и моя мебель, угловая полка, полка на столе с посудой и стол для умывальника. Кроме того толстая кровать, на которой я сплю, я ее поставил к окнам вдоль улицы, т.к. боюсь клопов, которые, кажется, водятся. Вот план комнаты и дома:

Конечно, все не так криво, как я нарисовал. Теперь жду писем от тебя на новый адрес. Недостаток главный это то, что ворота очень рано запираются и приходится будить хозяев, когда возвращаюсь после 8 ч. И еще клопы, против них я сыплю всюду нафталин - в матрас главное, говорят, тогда они не заводятся. Всю эту неделю, главное, буду в церкви, если Бог даст, то приобщусь в четверг. Народа ходит в церковь мало, по сегодняшнему дню судя, может быть, после будет больше. Погода стоит пасмурная и сырая, тает скоро, но грязи меньше, чем в прошлом году. Я писал тебе, что уже вот больше двух недель почти ничего для себя не делал, только вот третьего дня работал для себя целый день и восстановил равновесие духа. Это мне совершенно необходимо, чтобы не унывать. Работа заказная тоже понемногу есть и мне для моей жизни вполне довольно. Целую тебя, милая моя, дорогая, нежно и люблю. Целую нежно детей, поздравляю их с праздником, христосуюсь с ними всеми по три раза с няней и Лизой тоже. Целую тебя. Господь с вами. Володя.

32

Среда. Святая неделя [1927].

Милая Варюша, дорогая моя, почти целую неделю я тебе не писал и боюсь, ты будешь обо мне беспокоиться. Сейчас вечер среды на святой. Праздник я провел и встретил очень хорошо, как уже писал тебе, приобщался в четверг на страстной. На страстной был у всех служб, кроме часов в пятницу и все время читал все, и паремии, которые я так люблю. Все службы вообще были лучше, чем в прошлом году, на заутрени масса народу и торжественно. Единственно, что было неприятно, внутри церкви жгли во все время заутрени и обедни бенгальский огонь разных цветов в алтаре и в приделах, и еще хор пел ирмосы канона концертно, зато клирос, и я на нем - все остальное канона - I гл<асом>. Когда вышли из церкви, вставало солнце, было очень хорошо. Мы с А.А. пошли ко мне разговляться, но нас пригласил мой хозяин, и мы пошли к нему. Как здесь водится, главной частью разговенья было вино, но, тем не менее, настроение было самое лучшее. Хозяева мои очень хорошие люди, у хозяина очень больна жена, совсем умирает даже, тем не менее он говорил, что за всю жизнь он не помнит, чтобы так было радостно на душе, при этом плакал действительно от умиления. На разговенье он пригласил кроме нас еще трех нищих, из них

83

двух слепых, это все-таки очень редко, такое чистое, духовное чувство. Я встретил Праздник очень мирно, как раз перед Пасхой получил от тебя два открытых письма с извещением о продаже стипо и увидел в этом милость Божью к празднику нам. В первый же день получил твоё и детей письма, и буду им отвечать. Боюсь, что это письмо уже тебя не застанет в Сергиеве. Завтра напишу открытки в Сергиево и в Новгород на имя дяди, хотя и не помню его адреса, но думаю, что письмо ему доставят, а то, как бы ты не стала беспокоиться. До сегодняшнего я еще не принимался за работу и все хожу по знакомым. Слава Богу, в этом году разговорен для желудка прошел благополучно, я был очень осторожен. У нас здесь со вчерашнего дня совсем тепло, я хожу в летнем. Завтра примусь за заказную или свою работу, для себя не работал опять очень давно и у меня на этот счет сейчас голод. Но надо исполнить и заказы, которые сейчас есть, потому что казна истощилась за праздники. Но, слава Богу, долгов нет, и вот сегодня получил заказ писать громадную надпись на крыше, проработаю дня четыре. Это около станции, погода такая хорошая, что работа эта приятная. Такую же надпись я делал на том же здании с другой стороны осенью, в октябре при страшном ветре, тогда это было очень трудно.

Милая моя, дорогая моя Варя, что-то за последнее время впервые за эти два года стал очень скучать по детям, всем трем. Слава Богу, третьего дня минуло два года, а год как-нибудь потерпим. Господь поможет во всем. Получила ли благополучно все окорока? Целую нежно тебя, моя милая. 28/12 IV 1927. Володя.

33

Милые мои дети, Алеша, Тоня, Сонечка, Христос Воскрес!

Целую каждого из вас по три раза крепко, надеюсь, что вам весело будет на праздниках и что и мама вместе с вами будет радоваться и не грустить. Вчера я получил от нее длинное письмо, в котором она описывает, как вместе с тобой, Алеша, вы стараетесь наладить машинку для вязанья и мне это очень было приятно, что ты такой молодец и стараешься помочь мама, я уверен, что совсем серьезно ты сумеешь вязать чулки и облегчить ей эту работу, и я радуюсь за тебя и благодарю Бога, что у тебя есть желание и сознание необходимости мама помогать. Я тебе ни разу не писал о том, как я рад тому, что пишет мама о твоём учении и о том, как ты сам понимаешь, как это для тебя важно и как стараешься, чтобы эти уроки, которые с таким трудом тебе устраивает мама, для тебя бы шли впрок. Я тебя, милый Алешенька, за это ужасно благодарю и нежно тебя целую.

Тонечка тоже, я знаю, старается всем утешить мама и слушаться ее, учение тебе дается так легко, что в этом тебе не приходится прилагать особенного старания, а вот когда ты стараешься слушаться мама с первого же слова, хоть это иногда и трудно тебе, вот в этом, правда, ты проявляешь любовь к ней. Милой нашей Сонечке, кажется, пока не требуется нравоучения, поэтому я ее только, миленькую, целую, пока только в письме, а вот, Бог даст, скоро приеду из Ишима и тогда по-настоящему.

А я рад все-таки за вас, что мы с мама решили не переезжать вам в Ишим, вам было бы очень скоро здесь очень скучно без всех ваших знакомых и московских родных, я вот тоже обо всех скучаю и с удовольствием сейчас бы перенесся в Сергиево на какую-нибудь Красюковку или Валовую. Здесь и дети ваших лет ужасные озорники и вам совсем бы не с кем было играть, особенно Алеше. Девочки хорошие еще есть. Кстати, я очень надеюсь, Алеша, что ты хо-

рошо выбираешь своих товарищей и сам разбираешься, от каких мальчиков надо сторониться. Конечно, мама старается, чтобы ты не попадал в общество мальчиков, от которых ты можешь научиться дурному, но самому тебе уже пора в этом разбираться, ты не только в этом отношении уже отвечаешь за себя, но и должен охранять всеми силами Тонечку. Я очень рад, что она дружит теперь с Олечкой Ф.⁵⁹, пусть Тонечка передаст мой поклон всей их семье. Милые Алешенька и Тонечка, я так желаю, чтобы вы были хорошими детьми и молюсь об этом постоянно Богу, а скоро вы уже будете и не детьми, да и на вашей заботе и уже сейчас должны быть мама с Сонечкой, поэтому я особенно радуюсь, когда мама пишет, что вы проявляете эту заботу о ней. Целую вас крепко еще раз, также и душку Сонечку, и благословляю вас всех троих вместе и каждого в отдельности, еще часто думаю о том, как вы оба, Алеша и Тонечка, должны быть между собой дружны и любить друг друга, а вот мама рассказывала, что вы не дружно живете вдвоем, и я огорчился. Ну, Господь с вами. Целую еще и еще всех троих, а теперь пишу мама.

Милая моя душенька Варя, вчера получил твое длинное письмо, в котором ты уже второй раз спрашиваешь о поездке к дяде⁶⁰. Мне трудно отсюда все взвесить, но я думаю, правда, что это будет для него, бедного, такое утешение, что надо решиться, несмотря на неблагоприятные расходы. Что Бог даст. Но согласен с тобой, что лучше, когда кончатся уроки Алеши, предварительно списавшись с дядей, чтобы оставить его там подольше. Таким образом, это Алеше будет как бы наградой за хорошее ученье зимой, а пребывание в Новгороде оставит большое впечатление, а если ты поедешь сейчас же после праздников, то, как ты пишешь, пропадает целый месяц и все-таки все будет скомкано. Для тебя самой поездка в Новгород будет освежением и, надеюсь, отдыхом, и ты поезжай туда с легким сердцем. Хорошо бы наладить до этого продажу акварелей. Об иконах в Ракшу⁶¹ я напишу, а ты со своей стороны пошли туда этот список, думаю, на всякий случай можно написать об этом обоим священникам о.Алексею Казанскому и о.Иоанну Данилову⁶², я не знаю, живы ли оба. Сперва, конечно, надо только списаться, спросить, существуют ли эти образа. Вероятно, конечно, они никому не понадобились и существуют до сих пор. Целую тебя, милая моя, нежно, сегодня вторник страстной, надеюсь, если Бог даст, в четверг приобщиться.

Целую и благословляю тебя, милая моя.

Володя.

Поздравляю и христосуюсь с няней и Лизой.

Я получил вчера очень милое письмо от Бори, скажи ему при свидании, что я очень, очень им был тронут и нежно его целую также, как Нину и Вареньку.

Скажи ему, что непременно по возвращении моему, обучу Вареньку писать вывески, о чем он меня просит!

Адреса его я не знаю.

34

Среда Фоминой недели [1927]

Милая моя Варюша, совсем не знаю, где ты и пишу все-таки в Сергиево. Последняя открытка от Тебя была от четверга на страстной. Пишу сейчас на почте, т.к. думал купить открытые письма, а их все нет уже давно. Сейчас спросил здесь, нет ли в сегодняшней почте мне письма, и мне дали твое длинное - от третьего дня Пасхи, я ужасно рад, моя миленькая, а то было грустно. Получил

85

сейчас тоже открытку от дяди Миши и очень тронут ею, напишу им, когда будут открытки. Очень грустно за бедную Софью Ивановну⁶³, особенно, что ведь она так скоро унывает. А за тебя предложению Анночки Г.⁶⁴ я, конечно, очень рад, может быть, Бог даст, у тебя пойдет дело. Ты мне все не пишешь, получен ли ящик с домашними вещами, который я послал малой скоростью, и вкусна ли ветчина, я ее давал коптить другому мастеру, чем первый раз и мне надо знать, хорошо ли он сделал? У меня все, слава Богу, благополучно, я ни в чем не нуждаюсь. К сожаленью, давно ничего для себя не работал, а потому дух не очень высок. Святую всю и до сих пор проводил светски, почти каждый день бываем друг у друга и все играем в преферанс. Это занятие глупейшее, но очень вечером приятно не сидеть одному, а когда соберемся, то невольно надо чем-нибудь заняться. Я вроде как оправдываюсь, потому что сознаю ничтожность этого времяпрепровождения и потому, что это отзывается на времени, которое отнимается от своей работы. Комнатой и хозяевами продолжаю быть доволен. Мысли мои теперь чаще обращаются к окончанию моего срока, время идет скоро, а сейчас мне остается ведь меньше 12 месяцев, к тому же еще надежда на октябрьскую амнистию. Думаю на всякий случай о Ростове, привлекает близость Волги и Москвы, а также кремль и святыни. Что ты думаешь, или может быть все-таки Владимир? Как живет о.Серг. С.⁶⁵? И как вообще жизнь во Владимире? Думаю, что ты получишь это письмо по возвращении из Новгорода. Я бы хотел, чтобы ты там оставалась подольше.

Целую и благословляю, милая моя душка. Господь с тобой, благословляю детей.

Володя.

35

Милая душенька моя Варя, сегодня понедельник 26 апр. / 9 мая, ты, наверное, сегодня в Новгороде, я очень надеюсь, что ты там проведешь спокойно и приятно несколько дней, но пишу тебе все-таки в Сергиево, т.к. думаю, в Новгороде это письмо тебя бы уже не застало. На имя дяди я написал туда два письма, надеюсь, вы их получили. Все здесь, вот уже **второй месяц** нет в городе открытых писем! Это большое неудобство и я тебе поэтому пишу так часто. Вчера я был обрадован получить от тебя открытку из Москвы, с Ярославского вокзала, в которой ты пишешь, что только что опустила письмо на Николовском вокзале, его я еще не получил. Радуюсь, что, как ты пишешь, привезла первые чулки в Москву и что первую партию бумаги всю связали. Следовательно, понемногу это дело у тебя двинулось, хоть надо ожидать еще много неудач, но все же что-то налаживается. Теперь, конечно, как сбыв! Предложение Алеши Л.⁶⁶, конечно, тебя должно успокоить в этом отношении.

У меня все, слава Богу, благополучно, погода здесь летняя и только очень нужен дождь, земля уже трескается от сухости. У меня в комнате очень уютно и я очень доволен ей. Одно большое неудобство, ворота запираются в 8 ч. вечера и приходится будить, стучать в окно, чтобы попасть домой, конечно, это стеснительно. Я опять начал свою работу и, как всегда, это очень бодрит и поднимает мой дух.

Недавно ты писала мне о хлопотах Софьи Львовны⁶⁷ у Екнукидзе, я несколько опасаюсь так часто напоминать о себе, как бы это только не повредило. Одному тут прибавили два года, он все часто писал просьбы, впрочем, тут может быть другая причина. Но думаю, что все-таки лишнее - надоедать часты-

ми просьбами, особенно если успех их сомнителен. Впрочем о д.Б<оре> я думаю иначе. Времяпрепровождение мое здесь обычное, впрочем решил играть в карты по воскресеньям только, а то уж очень много времени пропадает даром. Видаюсь по-прежнему с А.А. и Ст.Ив. главное и еще с одним старичком, товарищем по несчастью, из Москвы, хотя совсем другого круга и интересов, но главное в вере единодушного. У него очень приятный, веселый характер и мне он очень приятен. Он бывает у меня ежедневно. М<арию> Вл<адимировну>⁶⁸ выдаю редко, она все молодится и этим довольно противна и глупа по-прежнему, а кроме того ужасная сплетница, впрочем все ее качества, доброту, вполне признаю. В общем все по-прежнему однообразно, время идет страшно скоро. Сейчас настроение мое очень хорошее. Если не ошибаюсь, опять творческий прилив, и я в это время всегда как на крыльях. Целую тебя, милая моя, и благословляю тебя и детей. Получили ли наконец, окороки? И благополучно ли?

Целую тебя, милая моя радость. Господь с вами.

Володя.

36

На штампе: Ишим 1.7.27 - Сергиев 7.7.27

Милая моя Варюша, жду от тебя известий о продаже акварелей. У меня все это время очень мало работы и сейчас уже есть долги, думаю, что к концу июля я, пожалуй, буду должен рублей 25. Если бы продажа состоялась, то если бы ты не решилась приехать сразу, хорошо бы, если бы ты мне прислала эту сумму. С огорчением приходится отрывать от вас эти деньги, но ничего не поделаешь, кажется. Я пробовал красить крыши, но вижу, как в прошлом году, это мне совершенно не по силам и после такого переутомления у меня делается вроде лихорадки. Сейчас, слава Богу, я совсем здоров и почти нет заказной работы, хочу заняться своей работой. Сегодня жара, но вот только что пошел дождь и освежило. Как-то ты там крутишься? Если бы продались акварели, хорошо бы, если бы ты мне эти деньги прислала сразу, а то очень неловко быть в долгу. У А.А. тоже денег нет, а я и ему должен. Целую крепко, за все слава Богу. Главное все мы пока еще здоровы. Нежно, крепко тебя целую, моя милая.

Господь с вами. Володя.

37

На штампе: Ишим 3.7.27 - Сергиев 7.7.27

Милая моя, хорошая душенька Варюша,

Я, слава Богу, жив, здоров и бодр. В последней открытке писал тебе, что к концу июля, думаю, у меня будет 25 р. долга. Ты об этом особенно не тревожься, может быть, я ошибусь и без присылки денег обойдусь, если Бог даст, будет работа. Но если продадутся акварели, то хорошо бы во всяком случае мне получить рублей 25, тогда, если не придется платить долги, сшил бы себе белье, оно у меня совсем износилось. Эти дни работаю для себя успешно и поэтому на душе весело. Дай Бог и у тебя все благополучно, о будущем же предоставим заботу Господу, и Он несомненно устроит нашу жизнь. Я рад, что ты была на поминовении о.Алексея⁶⁹. Вспоминаю, как он всегда подбадривал, помню, как он мне внушительно сказал, что ничего дурного с нами не будет, и верю ему. Сегодня воскресенье, по традиции иду вечером играть в преферанс. Это уже у нас укрепили обычай, а сейчас пойду к Шараповым по делу, надо попросить сделать его махровую кисть. Завтра, кажется, получу небольшой заказ.

Пока крепко, нежно тебя целую и благословляю. Сейчас жара, я кисну, оживляюсь только вечером. Господь с тобой. Володя.

38

Душенька моя милая Варюша,

У меня все слава Богу и я здоров и благополучен. Сильная жара, и я в расслаблении, работаю только главное по вечерам, когда прохладно. Продолжаю эту открытку в воскресенье вечером, сейчас, наоборот, прохладно, так что надо закрывать окна, я наслаждаюсь. Слава Богу, у меня прибавилось работы, и я надеюсь на этой неделе уплатить все мои долги. Так что, если ты продашь акварели, то рублей 25 отложи на возобновление моего гардероба, а самому мне сейчас деньги не требуются. Если продашь акварели, то непременно купи большой запас бумаги. Мне говорили здесь, что тут тоже в «Уралторге» была все время бумага и очень недорого. Если ты мне напишешь, какие тебе нужны, то я справлюсь, может быть, было бы расчет купить здесь. Сегодня я получил твою открытку с Ярославского вокзала от четверга, а сегодня воскресенье - она пришла на 4-й день. А третьего дня получил открытку от воскресенья с описанием, как вы были с Алешей и Сонечкой в поле и собирали цветы. Мне было очень приятно, я живо себе все представил по твоему письму. Вчера получил открытку от дяди Саши, она шла ровно месяц, получил также открытое письмо от Тони, с припиской Мани. Удастся ли тебе теперь собраться ко мне, моя милая дорогая голубушка. Сейчас ложусь спать. Господь с вами, допишу завтра. Понедельник 28 июня / 11 июля. Слава Богу, все благополучно, сегодня с утра красил крышу у своего хозяина в счет квартирной платы. Теперь это занятие кажется мне гораздо легче. В прошлом году мы красили не такими кистями, как нужно, и потому было особенно трудно, теперь достал, какую нужно, и дело идет у меня прекрасно. Целую и благословляю тебя и детей, моя милая, хорошая, жду от тебя письма из Москвы.

39

26 / 13.7.27

Милая моя душенька Варюша,

Сознаюсь, что я напрасно написал Щус<еву>⁷⁰. И поставил тебя в глупое положение. Прости, моя милая, меня, как и всегда - это плод поспешного решения, теперь, если выйдет из этого клякса, то я буду, конечно, в этом виноват. Но надеюсь, что может быть все уладится и Трет<ьяковская> гал<ерея> немного прибавит. В Пушк<инский> дом надо было предложить не Соколовский портрет моего прадеда⁷¹, а портрет моего деда с французск. надписью, рисованный гр.С.М.Виельгорской⁷². Он был знаком с Пушкиным и в родстве через Веневитиновых, известен его разговор с Пушкиным. Так что если теперь Пушк<инский> дом купит портрет прадеда, то это только оттого, что не разберется, что это его сын - знакомый Пушкина. Впрочем, это можно исправить в будущем. Пишу тебе в воскресенье, вчера, в субботу, слава Богу, приобщился и очень этому рад. Получил от тебя третьего дня две открытки от 18 и 20, а длинное письмо не получил и сегодня (!). Жду теперь известий из Москвы, может быть, с окончательным решением дела акварелей, а вместе с тем и перспективой твоего сюда приезда. Дай Бог! Привези мне кроме сухих красок и одной кисти еще фитили для керосинки, мои испортились. Чулки для М.В. и Лизочки привозить не стоит, последнюю я совсем не вижу в этом году. Сознаюсь, еще раз, что я некрасиво

поступил с письмом Щ. и теперь очень в этом раскаиваюсь. Прости, милая моя. Целую тебя нежно и крепко и благословляю тебя и детей. Господь с вами.

Володя. Воскресенье 26/13 июля 1927 г.

40

На штампе: Ишим 18.7.27 - Сергиев 21.7.27

Милая моя Варюша, пишу тебе последнее время редко, потому что теперь жду твоего приезда. Привези, пожалуйста, фитили для керосинки и слюду. Затем кисти, одну, как я тебе уже писал, широкую с белой ручкой серого волоса, или две таких же, и штуки две щетинных, тоже пошире. Затем сухие краски, кинноварь 1/4 фунта, остальные, которые я писал, пожалуй не нужно, кроме тех красок, которые были у меня в сером мешке, их, если найдешь, привези все. Я жалею, что П.Ив. собирается показывать Щ. те четыре вещи мои, которые были отобраны для выставки, они случайны и их можно выставлять и показывать только с теми, которые я пришлю, а то, боюсь, они будут непонятны. Хотя ни от П.Ив., ни от Щ я не жду ничего, т.к. обоим они будут непонятны. Сейчас был у обедни, сегодня 5 июля, понедельник. Пишу с почты после регистрации. Привези мне кальсоны, у меня совсем их нет. Целую и благословляю. Господь с тобой. Когда приедешь, напиши и телеграфируй, я вышлю тебя встретить. Господь с вами.

Володя.

41

На штампе: Ишим 22.7.27 - Сергиев 25.7.27

Милая моя Варя, посылаю тебе в Москву такое же письмо. Только что получил твои две открытки от 5-го и от 3-го. Радуюсь, что по-видимому, дело продажи акварелей благополучно движется к концу и что это даст возможность тебе съездить ко мне. Что касается срока, когда приехать, то я думаю, что не следует откладывать, но если складывается так, что тебе удобно приехать после Успенского поста, то сделай так или спроси о.Порфирия⁷³. Что касается Алеши, то он совсем здесь истомится за 6 недель и кроме того расход очень велик, так что я не сочувствую его приезду. Что касается вашего переезда сюда, то об этом совсем нечего думать. Рад, что ты расплатишься с долгами, это очень приятно. Акварели все-таки продались очень удачно. Поблагодари Щус. от меня. Так - или собирайся сразу, или уж отложи, а то получится ни то ни се. Целую крепко и благословляю. Володя. 9/22 июля.

42

На штампе: Ишим 25.7.27 - Сергиев 28.7.27

Моя милая душенька Варюша, сейчас получил твое письмо от 2/15, где ты пишешь о подарке на платье. Я теперь жду тебя поскорее и думаю, что тебе не нужно откладывать свой приезд ко мне. Я, слава Богу, здоров и работа есть. Сегодня Казанская Божья Матерь, я был у обедни, сейчас 5 ч., я иду в гости и по дороге опущу эту открытку. Жду тебя, чтобы начать делать себе белье. У меня все кальсоны и рубашки теперь рваные, больше их чинить не стоит, так их донашиваю. Не забудь взять с собой бутылочку дамарного лака и привези кисти, о которых я тебе писал. Целую и благословляю всех вас. Господь с вами. Целую тебя крепко. Володя.

43

На штампе: Ишим 28.7.27 - Сергиев 2.8.27

Милая душенька Варя, я телеграфировал тебе, что лучше, чтобы ты приехала

в августе, а то по твоим расчетам времени, как я вижу, ничего не получится. Так что лучше приезжай как тебе удобнее, не торопясь. К тому же сейчас уже очень жарко и душно, и ехать, и здесь тоже. О приезде Алеши видно будет, но думаю, лучше тебе его не привозить, так как, что он будет тут делать 6 недель, только томиться и скучать и висеть у тебя над душой. Кроме того и главное - это расход рублей 50-60 лишних, а это ведь тоже не шутка в наших обстоятельствах. Очень советую тебе сейчас купить бумаги для чулок рублей на 200, чтобы после уже не заботиться об этом и отложить деньги для поездки. У меня все, слава Богу, благополучно и есть достаточно работы. Конечно, приятно было бы тебя здесь видеть на днях, но все же лучше, как видно, не торопиться. Слава Богу, что с акварелями дело так хорошо кончилось. Теперь я бы советовал тебе собрать портреты для Румянцевского музея, а именно: портрет Д.В.Венев<итинова> в профиль, миниатюру его отца и портретики его брата и сестры, а также соколовскую акварель его матери, которую ты оставила себе, жаль, что в Третьяковскую галерею ты отдала круглую миниатюру. Не торопись, сделай, как я тебе пишу. Также портрет его бабушки, Оболенской, рожд. Мусиной-Пушкиной, карандашом⁷⁴. Целую и благословляю вас. Господь с тобой. Володя. Понедельник 25/12 июля.

44

На штампе: Ишим 21.12.27 - Сергиев 25.12.27

Моя душенька, милая Варя, сегодня 4-е, день твоего Ангела, я был в церкви и помянул и тебя со всеми нами, и твою бабушку, и сестру моей бабушки, Варв<ару> Петр<овну> Шерем<етеву>, рожд. Горч<акову>, не знаю, знаешь ли ты, что такая существовала, ее портрет висел всегда в Ялте⁷⁵ и очень мне нравился, особенно любил его Вася⁷⁶. Пишу тебе поздно вечером после всенощной под воскресенье. Сейчас долго работал. Скажу тебе откровенно о своих работах. Последние вещи так разительны, что если они будут куплены в Третьяковскую галерею, то вся она совершенно поблекнет. Совершенно ясно я себя чувствую самым большим русским художником за последние три века. Это не самообольщение, а ясная уверенность, думаю, что и другие это скоро признают. По этому случаю (!) я завтра заказываю еще две доски самого большого размера. Шесть первых почти готовы, надеюсь отослать их на этой неделе. Ввиду всего этого, во-первых, я ничего не могу тебе послать теперь денег, во-вторых, если даже на днях получу амнистию, я пока останусь здесь, чтобы кончить новые доски, как-нибудь ты уж выворачивайся. Вчера получили освобождение экономические, большей частью - 6, так что я уверен, что и мне дадут тоже самое в лучшем случае.

Целую и благословляю.

Господь с вами.

4/17 декабря.

45

На штампе: Ишим 22.12.27 - Сергиев 27.12.27

Моя милая Варя, завтра или послезавтра пошлю свои вещи специальной скоростью, они придут, верно, через неделю - 10 дней. Имей в виду, что не надо вносить их **с мороза в теплое помещение сразу**, т.к. яичн<ные> краски незаолифенные, могут испортиться, надо дать им постоять не в морозном, но холодном помещении, напр. сперва в сенях, а потом в нетопленной передней. Целую крепко и благословляю, надеюсь, ты уже поправилась от простуды. Целую. Володя. 9/21 декабря.

1928 г.

46

На штампе: Ишим 4.1.28 - Сергиев 9.1.28

Моя милая душенька Варя, сегодня получил твою открытку от 10-го. Беспокоюсь о твоём голосе, как бы тебе его не потерять безвозвратно, не запусти это. Я благополучен. Сейчас много работы, так что скоро отложу деньги на случай отъезда. Но напрасно ждёшь меня так скоро, сегодня понедельник, я уверен, что и сегодня ничего не объявят. Как только узнаю что-то, тебе буду телеграфировать. Я не в особенно хорошем расположении духа, хотя и есть заказная работа, т.к. считаю необходимым все более нажимать на свою собственную и сейчас приходится подавлять свою творческую энергию, что очень неприятно. Ну, Бог даст, ненадолго. Ты спрашиваешь, как я питаюсь, весь пост ел, главным образом, гречневую кашу, каждый день, полторы бутылки молока и много хлеба и чай. Иногда рыба и клюквенный кисель, так что можешь быть на этот счет покойна, чувствую себя, слава Богу, прекрасно. Целую тебя и детей нежно и крепко, Господь с вами. Как только получишь посланные доски и ящик с провизией, напиши. Конечно, интересуюсь всякими замечаниями на счет моих произведений. Володя.

47

На штампе: Ишим 12.1.28 - Сергиев 15.1.28

Моя душенька, милая Варя, сегодня третий день праздника, как-то вы его провели? Получили ли мою посылку? Я купил для тети Лизы⁷⁷ 10 метр. белой бязи и завтра пошлю ей почтой, больше купить не мог. Для себя купил 13 м тр.желтой бязи, очень этому рад, и здесь с трудом можно достать мануфактуру. Я, как уже писал, тебе, перешел в старую комнату к Павле Евг. и, признаюсь, взвиздел свет, так было плохо последнее время у Колыб^{иных} внизу - грязно, сыро и холодно, а тут я в комнате, которая блещет чистотой. Все это время очень мало работал, думаю приняться на этих днях. Сегодня понедельник, кто знает, может быть, сегодня что-нибудь объявят! Во всяком случае скоро наверняка будет известно, но если будет - б, то я, как тебе писал, задержусь еще здесь раньше, чем решить куда ехать. Ростов, Александров, Переяславль или Владимир. Узнавала ли ты что-нибудь. С нетерпением жду известий о получении моих картин. Пока Господь с вами, крепко, нежно целую. Володя.

48

На штампе: 10.1.28

Милая моя, дорогая, хорошая Варюша,

Неожиданно для самого себя я переехал опять на свою старую квартиру к Павле Евг. и водворился в прежнюю комнату, которая сейчас очень мила, выбелена и покрашена. Я очень рад, а уже было дал задаток в том доме, о котором писал тебе, на Садовой, но задаток вернули и я решил переехать сюда, т.к. все-таки предпочитаю быть в знакомом доме. Пишу тебе сейчас от М.В., сейчас 7 ч. вечера, я весь переезд устроил в один день и решил это только сегодня. Завтра сочельник, так что буду отдыхать три дня. Мне приятно быть на старом месте и я рад соседству с И.М. Жаль только, что буду далеко от А.А., он, бедный, последние дни очень плохо себя чувствовал. Вчера был сердечный припадок, я очень испугался за него, сегодня ему лучше. Из Москвы ему сообщили об очень серьезной болезни дочери, не знаю уж, жива ли она даже! Кроме того, он запостился.

91

Очень его жаль, сегодня я ночевал у него, т.к. боялся другого припадка, но сегодня он уже гуляет. Получил твое длинное письмо с вложением писем Л.С.⁷⁸ и П.И.⁷⁹ Очень, очень был обрадован им, что у вас все слава Богу благополучно. Все Господь устраивает. Вернется ли теперь дядя П.Б.⁸⁰? В Сергиеве ему не надо жить? Может быть, он устроится в Пушкине? Что дядя С.⁸¹? Давно не знаю ничего о нем и о Лизе⁸². Целую и благословляю всех вас и поздравляю с Рождеством Христовым. Целую тебя нежно, нежно, милая моя, милая.

49

На штампе: 12.1.28

Сейчас поневоле я тебе пишу закрытое письмо, на почте опять нет открыток. Но сейчас тороплюсь, чтобы скорее опустить письмо и сходить на базар, надо купить меда для левкаса моих досок и фитиль для лампы. Часто теперь выдаюсь с обеими М.В.⁸³, которые обе живут совсем близко, и с И.М.⁸⁴ Зато далеко от А.А., впрочем, все равно выдаюсь с ним часто. Он очень плохо сейчас себя чувствует, сердце не в порядке, не знаю, что это у него - нервное или серьезное. Он беспокоится о дочери, у нее брюшной тиф. Все знакомые живут по-прежнему благополучно. Еще здесь прибавились товарищи по несчастью, недавно приехали муж с женой, очень-очень милые, жена только временно.

Ну вот, милая моя, прощай, Господь с тобой. Крепко, крепко тебя целую. Пишу тебе это письмо только, чтобы не оставить тебя без писем, а скоро напишу от души. Все-таки очень жду отзывов Юрия⁸⁵ и о.П.⁸⁶ о других моих работах. Мне они очень нравились. Сейчас забыл, какие они, и нет той уверенности, когда они были перед глазами.

Господь с тобой.

Поздравляю с Новым годом няню и Лизу и целую их.

Господь со всеми вами.

ул.Просвещения,2.

50

На штампе: Ишим 19.1.28 – Сергиев 23.1.28

Моя милая Варя, получил твою открытку о картинах и, конечно, очень удовлетворен и благодарен о.П. за его план и буду ждать его осуществления с нетерпением. Заолифить картины придется (неразб.) не знаю, как вы там с этим справитесь. Хотел бы, чтобы заолифить как можно меньше, чтобы по возможности сохранить матовость, может быть, только протереть олифой, но, пожалуй, выйдет пятнами, так что тогда уже придется олифить обычным способом, но кто это сделает? Названия следующих моих картин приблизительно следующие: «Группа у шахматов», «Семейная группа», «Рай», «Певцы» или «Спевка», может быть, «Карусель», «Портрет», «Благословление Исаака» и еще две без названия, вообще, они только начаты, Бог даст, окончу, всего пока 9 шт. Если нужно назвать посланные, то, может быть, назвать «Реквием» для приличия, или, как там хотите, группу около кровати можно назвать «По книге сына Сирахова», затем что-то вроде «Брачного пира», затем, с русской печкой, тоже вроде «Сына Сирахова», надо придумать, портрет – просто «портрет» и «автопортрет». Целую, жду еще писем. Господь с вами.

Володя.

51

На штампе: Ишим 24.1.28 – Сергиев 27.1.28

Моя милая, хорошая Варюша,

92

Получил вчера твою открытку от 2-го янв., но письма твоего длинного еще не получил, так что продолжаю все-таки волноваться по поводу смотра моих картин в Сергиеве. Однако, несмотря на то, что это нарушает мое спокойное настроение духа, я уверен в себе гораздо больше, чем раньше и буду во что бы то ни стало продолжать добиваться своего признания, но сейчас все-таки это отражается на моей работе. Я рад, что ты поправляешься и голос возвращается, но как вы живете без денег, не могу себе представить. Впрочем, на все воля Божья и Его милость. Пишу утром в понедельник, что-то сегодняшний день скажет, верно снова ничего, но вот М.В. уже вернулся, впрочем, дело его отдали, как ты писала, рассматривать в первую очередь, но я и не тороплюсь непременно сейчас же возвращаться, в особенности, т.к. в Сергиеве мне жить невозможно. У нас солнечно, но очень холодно, все окна замерзли, но очень яркий день. Сейчас иду на почту относить дощечки, вроде тех, как я писал при тебе. Работы заказной мало, но для меня хватает. Может быть, опять будут диаграммы, тогда заработаю на отъезд. Ты можешь предложить для Петра Ив. для мурзеев еще 2 акварели Петрова⁸⁷. Но купят ли их, спроси непременно. Целую и благословляю всех вас, Господь с вами. Я живу с Павлой очень хорошо и мирно, она очень любезна и услужлива. Целую тебя, милая, милая моя душенька, Господь с тобой. Целую Алешеньку, Тонечку и Сонечку и няню. Кланяюсь Лизе. Благословляю тебя и детей.

52

Ишим: 30.1.28

Моя милая, дорогая Варя, прости, что редко пишу тебе и доставляю мало этой радости. Сейчас посылаю одновременно закрытое письмо с общими рассуждениями насчет моих картин и вообще моего творчества. Задержка его потому, что хотел вообще не то писать, но все же посылаю. Я бодр и меня несколько не огорчило мнение молодого художника, иначе и быть не могло. Более огорчает малая возможность сейчас иметь практические результаты. Однако очень, очень буду ждать обещанного Ф.⁸⁸ и думаю, это будет иметь последствия. Сейчас моя работа стоит по внутренним и внешним причинам. Внешне - работаю сейчас заказную работу и ищу ее, т.к. хочется послать вам что-нибудь. Если будут деньги, в первую очередь пошлю опять сало. Внутренние - мои образы перебраживают и надо подождать немного. Живу, слава Богу, в тепле и сытости, здоров, но сердце болит за вас, мои милые. Я ужасно все-таки счастлив, что Алеша будет продолжать занятия с Е.М.⁸⁹. Ей передай, как я сердечно ценю ее отношение к нам и Алеше, а Алеше - мое благословение. Крепко, нежно вас целую.

Моя милая дорогая душенька Варя⁹⁰,

Сейчас получил твое длинное письмо и очень тебе за него благодарен, что ты так подробно мне описала все разговоры по поводу моих картин. Впечатление, сделанное на молодого художника, и все его выражения - это как по-писанному, есть и будет мнение независимо от степени талантливости и чутья всех тех, с которыми нас разделяет пропасть - художников и нехудожников, а ценителей сгущенного художественно-сконцентрированного анекдота, периферии жизни спрессованного и /неразб./, хотя бы гениально, как у Фаворского⁹¹ в одну запятую, но тем не менее, всегда только анекдота. Замечательно верно и хорошо понимают меня Ф. и Ю., собственно, их мнение мне дорого и ценно. Необыкновенно верно замечание Ф. о типовости моих картин (что я по-

нимаю по общему смыслу), а художник хотел бы видеть и ложно видит их анекдотичность, отсюда для него невозможность и нехудожественность иконописной формы, иначе художественная ложь. Однако неверна предпосылка, т.е. нет верного первоначального восприятия, так сказать интуитивного восприятия неанекдотичности, а как говорит Ф., типовойности моих картин, откуда неверный вывод о художественной лжи, ее то как раз и нет, мне это внутренне ясно и проверено строго и много раз. Но сознаюсь, что это трудно понять, т.к. стихия моих тем на границе анекдота, но только лишь на границе, но все же по эту сторону; а по ту сторону «анекдот», хотя бы он и включал в себе прекраснейшие и занимательнейшие стороны жизни до ума и грации включительно; но все же только анекдот, т.е. тупик в квадрате, как нечто висящее в воздухе, не привязанное к вечной и **единственно** живой стороне*) человека и вообще всего вечно сущаго, отсюда бесплотность мнимой формы плоти, бесформенность мнимой формы. А моя форма и моя плоть, как бы она ни была убога - жива, имеет внутри себя как некий жизненный зародыш, который имеет жизненную силу развиваться и развивается, а это то самое, что мне дает право пользоваться иконописной формой по существу и не право, это неверное слово, т.к. она мне **свойственна органически** и есть единственное выражение той жизни, которая просится на свет Божий - жизни и формы по существу. Так называемая иконописная форма ведь не случайно иконописна, а она есть **единственная** форма, которая не может быть заменена никакой другой, выражающей тоже самое, единственная плоть жизни по существу. Но плоть эта, как лестница сна Иакова, воздвигается от земли к небесам, так что одним концом упирается в небо и таким является иконопись на высших ступенях развития, а на другом конце ступени еще лежат на земле и я глубоко уверен, что таким является мое творчество. Я **не пользуюсь** иконописными формами, как я не живу своим телом, а мое тело и есть моя земная жизнь, так и эта форма есть моя творческая форма. Я счастлив, что есть несколько человек, которые воспринимают эту форму так, как она есть, т.е. как форму творческую, художественную и не ложную, какою она и есть. Это люди-свидетели, которые необходимы, чтобы другие хоть на веру приняли это. А принять мою форму могут эти другие только на веру и особенно художники и самые талантливые, т.к. иначе они бы не были сами собой. Еще возвращаюсь к упреку, что иконопись символична, это верно, но не в символичности ее жизненность; символичность ей свойственна почти всегда, но мы знаем что например, в XVII веке иконопись мертва, а символичность процветает и передается по наследству «итальянской иконописи», а в ранние, самые живые времена иконописи, элемент реальности подавляет символику. С другой стороны думаю, что в моем творчестве есть элемент символики, несмотря на «русскую печку» и панталоны, но если этого элемента и не было бы вовсе, то не этим определяется правдивость этой формы с присутствием элемента жизни по существу, если он есть, то этим определяется правдивость и значительность и даже великость. Но какой же градусник, чтобы определить, есть это или нет - только непосредственно ощущение присутствия этого элемента; а чтобы это ощутить надо самому его в себе носить, а если его нет, то никакое самое блестящее критическое исследование его не обнаружит. Я очень-очень ухватываюсь за статью Ф., в которой, я уверен, он блистательно и гени-

*) собственно не стороны, а субстанции. Умею плохо выразить свою мысль.

ально поставит точку над «и». Мне же это необходимо в особенно трудных условиях моей работы без сочувствия. Кроме немногих и без всяких практических результатов при нашей теперешней скудости и трудности жизни. Кроме этого морального эффекта, может быть и практический. К голосу Ф. ответственно запечатленного в печати не могут у нас не прислушаться и если не вполне поверят, то по крайней мере, усомнятся, а это уже будет очень много. Но надо, чтобы сам Ф. очень верил, а как это обстоит? Как ты пишешь, как будто это остается у него пока? Кроме того может быть и неожиданное сочувствие, ведь кроме Дм. Сем.⁹² я знал таких, которые также воспринимали мое творчество как Ю. и Ф. Все же я очень-очень удовлетворен всем, что ты написала и чувствую внутреннюю точку опоры для продолжения работы. Кстати, я написал тебе названия задуманных картин. Думаю, что я не напишу «У шахматной доски», а «Карусель», последняя, что-то слишком беспокойна по содержанию и «около шахмат» по моим рисункам верно не будет кончена как раз по причине, кажется, присутствия анекдотичности, что мне все время претит и противоречит тому легкому «дуновению» символики, полулирическому стилю, который помимо моей воли занимает мое воображение. Ну, вот тебе, милая моя, целое (некоторое?) сочинение, прочти это все-таки Юрию. Зато будет, почти наверное, «Блудный сын»⁹³. Между прочим, красный фон на портрете Ю., конечно, случаен по отношению к Ю., но он не случаен для меня, но это все тоже самое. Пока Господь с вами, целую и благословляю всех вас. Володя. Пришли мне, если можно, немного бензонафтола на всякий случай, здесь его нет.

53

На штампе: Ишим 28.2.28 – Сергиев 2.3.28

Моя милая, душенька Варя, я беспокоюсь о твоём здоровье, т.к. в последней открытке ты писала, что у тебя болит нога. Что такое? Конечно, представляю самое худшее, вспоминаю, что у тебя на ногах раздувались жилы. Не закупорка ли какой-нибудь вены? Вообще, ненадежное у тебя здоровье! Я, слава Богу, благополучен. Всю эту неделю писал с натуры портреты со своих знакомых, т.к. заказной работы сейчас нет; стал очень хорошо писать с натуры - похоже, и в смысле техники очень закончено, никаких мазков, что, конечно, требуется. Не знаю, как себя в этом смысле рекламировать, чтобы иметь заказы. Кроме того, продолжаю учиться делать рамы. Сейчас иду в одно место, где, кажется, будет порядочная работа. Вчера в понедельник снова никто не получил извещения об амнистии, верно, из политических никто и не получит! Сегодня 21 февр. До моего срока остается всего 2 месяца. Дай Бог вовремя получить бумаги. День идет за днем, вот скоро три года, как я уехал из дома! За все слава Богу. Конечно, часто приходят унылые мысли, но не поддаюсь им. Вчера утром встал с мыслями тяжелыми, и удивительно, взял Евангелие и сразу открыл гл.18 от Луки, увидел в этом прямой ответ своим мыслям. Целую тебя, милая, крепко, нежно и благословляю. Я написал Алеше, чтобы он мне писал каждую неделю, т.к. из твоих писем я редко буду знать что-нибудь о нем. Пожалуйста, при свидании подтверди ему это. Господь с вами. Целую и благословляю всех вас. Тебя целую нежно. Конечно, не нужно напоминать Ф. о статье. Володя.

54

На штампе: Ишим 6.3.28 – Сергиев (нрзб.)

Моя милая душенька Варя, спасибо тебе за большое, очень интересное пись-

мо. Особенно интересное о Тоне. Радуюсь ее способностям, думаю все-таки, что не живопись и скульптура, а скорее литература и поэзия более ей свойственна! Впрочем, конечно, надо развивать и то и другое. А я всю эту неделю тебе не писал, потому, что был очень занят работой к сроку, чертежи, работа для меня совсем новая и потому трудная, я очень волновался, но, кажется, слава Богу, справлюсь с ней. И еще, может быть, будет работа, и в этом же духе, дал бы Бог, тогда будет возможность послать тебе! Сегодня суббота, вечером иду в церковь. В послании Игнатия Богоносца я нашел ответ на то, что меня смутило, ввиду неясности этого вопроса у апостола Павла в послании к Тимофею. Сейчас пишу тебе утром, с почты. Погода теплая, идет снег. Верно мне опять придется переменять комнату, т.к. Павла мне сегодня объявила, что в апреле приедет ее старший сын с женой и комната будет нужна. Сейчас пойду справиться о тех комнатах, которые мне предлагали на Рождество, кажется, они свободны. Вот до конца срока осталось меньше 2 месяцев, однако не жду так скоро по примеру прочих. Впрочем на все воля Божья. Думаю говеть на 4-й неделе. Я, конечно, огорчен неудачей с нашими акварелями, но, конечно, их продать можно и в будущем. Можно и в частные руки, причем постараться только узнать, где они будут находиться. Целую и благословляю всех вас, еще тебя крепко, крепко целую. Господь с вами. Володя. 29 февраля / 3 марта.

55

На штампе: Ишим 8.3.28 – Сергиев 11.3.28

Дорогая, милая моя Варюша, все пишу тебе мало. Вчера во вторник 7 марта кончил работу чертежную, очень доволен, что вполне справился с этой работой и заработал, так что заплатил свои долги, которых было у меня 28 руб., т.к. недели три сидел без работы, и еще осталось у меня, так что, если завтра получу обещанную работу, то пошлю тебе. Сейчас опять пока принимаюсь за портреты с натуры. Сейчас жду к себе М.В.К., которую обещал написать для отсылки мужу в С. Портреты у меня удаются с **очень** большим сходством и по законченной технике вполне удовлетворяют требование. Кроме того, как писал тебе, они меня **страшно** интересуют художественно, т.к. преследуют подобные же цели, как и моя плоскостная живопись. Так что в этой области, я убежден, могу достигнуть очень больших результатов (а именно) стать лучшим портретистом в России. Лишь бы была в этой области работа, пока, к сожалению, меня здесь знают в этом отношении скорее с плохой стороны, т.к. судят по моим ужасным портретам с фотографий. Однако портреты эти (я их написал за все время здесь, верно около 12-15) принесли мне громадную пользу, т.к. приучили к технике, легко усвояющей самые мелкие детали, что необходимо для вполне законченного портрета, как, напр<имер>, у Левицкого⁹⁴. Те, которых я писал, именно А.А., А.И., дочь И.М., и еще двое, кот<орых> ты не знаешь, портретами своими **очень** довольны. Правда, кроме большого сходства, все еще, невольно от меня, выходят красивее, чем на самом деле. Если Бог даст, мне будет возможно переехать ближе к вам, надо будет выбрать большой город, где может быть такая работа. При случае справься о Нижнем Новгороде у матери М.А.С., как там жизнь. Целую и благословляю всех вас. Володя.

56

На штампе: Ишим 8.3.28 – Сергиев 11.3.28

Милая душенька моя Варя, продолжаю на другой открытке тоже самое пись-

96

мо. Я ужасно поражен был известием о таком горе Бори и уже написал ему письмо, но не знаю, куда послать его, адреса его не знаю. Очень думаю о дяде, он так любил Вареньку. Напишу ему откр^ытое письмо, хотя тоже не знаю адреса. – Дай Бог, чтобы удалась продажа акварелей Петрова. За «Зал», лучший, я заплатил в свое время 500 руб., а за другую, кажется, 300. Конечно, я не думаю, что могут дать столько, но сколько бы ни дали – все слава Богу. Я признаться, не рассчитывал на них нисколько, а теперь, впрочем, понимаю, что они представляют интерес. Ведь это из самых лучших вещей Петрова и очень, очень хороши. Продолжаю о своих портретах, вчера один тут знакомый, видел мои портреты, сказал, что хочет заказать мне целую серию всей семьи, но т.к. у него мало денег, то просит позволить выкупать их понемногу, еще вчера мне говорили, что одна дама, молодая и хорошенькая, хочет заказать портрет, так что надеюсь, что это дело у меня разовьется. При выборе города поэтому непременно надо выбирать оживленный центр. Надо сказать, что портреты я пишу не более, как в два сеанса, так что могу за них брать рублей по 20, это пока, конечно, надежды, но правда - большие для этого данные, неожиданные для меня самого. Помнишь, я написал Петра Влад., так похоже, и тебя, и все по одному дню, теперь же это при законченной технике. Правда у меня часто бывает, что называется, не в ударе. Но все же мне даются они с большой легкостью. Помнишь, в Бут^ове, в 22 году, я рисовал карандашные портреты, они там всем нравились. Пока целую крепко и нежно, милая моя. На днях ночью здесь в Ишиме видели все необыкновенное явление - полная луна была красная и на ней совершенно ясно четырехконечный крест, концами выходивший из круга светлыми лучами. Я, к сожалению, не видел, но многие видели и будили, чтобы показать, своих знакомых.

57

На штампе: Ишим 17.3.28 – Сергиев 20.3.28

Милая моя, хорошая Варюша, мало тебе все пишу, пропустил дни, когда всегда пишу тебе. Потому что последние дни был, признаться, в бурном настроении и расстроен тем, что не получил той работы диаграмм, на которую рассчитывал, чтобы послать тебе, а сейчас ничего не могу послать и думаю, что ты очень в плохом положении! Тем более бы хотел, чтобы продались скорее акварели Петрова и портреты в Пушк^инский дом. А сегодня Алеша в открытке мне пишет, что ты была в Москве, но о продаже акварелей ни слова. Ну, дай Бог, чтобы что-нибудь устроилось, все-таки есть надежды. Когда ты получишь эту открытку, останется уже меньше месяца моему сроку, впрочем, должен сказать, что-то мало об этом думаю, т.к. уверен, что будут еще задержки. На днях кончился срок М.В.П. и, конечно, ее бумаг еще нет. А на днях кончается срок А.А. Представь себе, что мне опять верно скоро предстоит менять комнату, т.к. Павла мне сказала, что на Пасхе приедет ее женатый сын и что понадобится моя комната. Д.Е., старый хозяин, опять зовет к себе в комнату наверх и, несмотря на все отрицательные стороны, пожалуй, все-таки меня больше всего привлекает переехать туда, уж очень неприятно привыкать к новым людям. Впрочем, надо надеяться, что если и перееду, то на короткий срок. Третьего дня получил твою открытку, где ты пишешь, что о.П. благословляет ходить в церковь, и очень, очень рад и отложу свои сомнения. Особенно тяжело было бы без служб на Страстную и Пасху. Милая, милая моя Варюша, так хочется скорее с тобой соединиться. Как то, Бог даст, все устроится? Собираюсь лечить свои зубы, т.к.

97

все хожу с дырой в тех зубах, откуда вывалилась пломба, которую поставила Чернова. Буду ходить в амбулаторию, где лечит даром все та же Чернова. А как твои зубы? Целую тебя, моя милая, дорогая, хорошая. Если получишь деньги за Петр<овские> акварели, покупай скорей материал для вязания. Целую тебя, моя хорошая, нежно. Господь с вами, благословляю всех. Володя. 17 марта н.ст.

58

На штампе: Сергиев 7.03.28

Моя дорогая, милая Варя, всю эту неделю не было писем от тебя и я, как всегда в таких случаях, беспокоюсь. Сегодня пятница, завтра писем не разнесут. Дай Бог получить письмо в воскресенье. Я всю эту неделю не делал почти ничего, т.е. для себя, только сегодня начал и как раз сегодня получил, кажется, заказ. Очень беспокоюсь о твоих денежных делах. Как удаются продажи? И на что ты сейчас живешь? Часто просыпаюсь ночью с этой тревожной мыслью, а сам пока не могу ничего послать тебе. Верю и надеюсь на помощь Божью, которая никогда не оставляет. Милая моя душенька, послезавтра останется всего один месяц моего срока, будем надеяться скоро увидеться. Сегодня ходил на Садовую к старым хозяевам и условился, что если не уеду в срок, то перееду к ним после Пасхи, т.к. Павле нужна моя комната и мне всего приятнее опять переехать к знакомым хорошим людям. Сегодня первый день сильно тает и погода была солнечная, чудная. Весна запоздала, может быть, будет дружная. Я не забываю, что тебе необходимы будут твои башмаки, пришлю их при первой возможности. Целую тебя нежно, крепко, милая, дорогая, соскучился по тебе ужасно. Господь с тобой, целую и благословляю тебя и детей. Володя. Пятница 18/23 марта.

59

2/16 апреля 1928

Моя милая душенька Варюша, пишу в воскресенье, третьего дня получил твою открытку от пятницы на святой: в ней ты ничего не пишешь о продаже Петр<овских> акварелей, не значит ли это, что продажа не удалась? В таком случае ты сейчас очень нуждаешься во всем, а потому необходимо постараться продать эти вещи в частные руки. Вообще мне кажется необходимым постараться в ближайшие месяцы выручить от продажи акварелей такую сумму, чтобы можно было бы вам собраться и переехать ко мне, где бы я ни был, здесь – или в другом месте, чтобы ни в каком случае не пришлось нам жить еще год врозь, во всех отношениях это необходимо и жить на два дома нам не по силам, и вообще это же нестерпимо – такая долгая разлука; поэтому не надо забывать, что времени для переезда с детьми остается не так много – с мая по сентябрь всего пять месяцев, и необходимо этими месяцами воспользоваться для переезда. Надо заготовить для этого по возможности большую сумму денег и поэтому надо одновременно продать и Петровские акварели, и Соколовские, и миниатюру моего прадеда. Кстати, как ее оценил П.Ив.? Не стоит ли мне писать ему с просьбой ускорить продажу в Пушк<инский> дом? Он и без того знает, как мы в этом нуждаемся? Но мне кажется, что не мешает, чтобы ты написала сама ему открытку, чтобы он постарался одновременно продавать Соколовскую акварель моего прадеда и акварель прабабки Веневитин<овой>, которая у тебя, а также надо как-нибудь пустить в ход миниатюру, можно это сделать в Москве. У меня сейчас, слава Богу, есть работа, надеюсь что-нибудь вскоре тебе послать, думаю, продовольственного. В свободные дни я все вре-

98

мя пишу портреты с натуры и должен сказать, что очень в этом отношении совершенствуюсь. Они удаются мне с очень большим сходством и манера моя вполне законченная, портрет я кончаю в два сеанса. Но заказов на такие портреты у меня пока нет. Правда в этом отношении я себя не рекламировал, и мало кто видел мои портреты, т.к. все писал ближайших моих знакомых. Жизнь моя по-прежнему тягуче однообразна и все время полна мыслей о тебе и заботой о вас. Денег трачу по-прежнему слишком много, но главное – от неустойчивости своей жизни.

Вчера и сегодня здесь ожидаем наводнения и была объявлена трудовая повинность, рыли вокруг города в некоторых местах заграждения. Я тоже был обязан явиться и вчера ночью работал. Кажется однако, что тревога эта напрасна, по крайней мере незаметно, чтобы вода поднималась настолько, чтобы угрожать низким местам в городе. От тебя писем не получал уже порядочно. Как-то, как-то Бог нам даст теперь устроиться, все в Его воле! Завтра неделя, что кончился мой срок, и я хочу пойти справиться, неизвестно ли что-нибудь. На регистрации ничего не знают. Ты мне пишешь о Твери, но я думаю, что выбирая город, нужно сообразоваться главное с дешевизной квартир и продовольствия, а как это в Твери? Думаю, что города на юг от Москвы желательнее. Я кончаю это письмо только во вторник, надеюсь, что не будет слишком долгого перерыва в письмах. Завтра буду писать две заказных иконы Божией Матери и Спасителя в итальянской манере. Целую, милая, дорогая моя тебя нежно, скучаю о тебе ужасно и непрестанно думаю и болею душой за тебя. Господь с тобой, целую нежно и благословляю тебя и детей. Володя.

Моя душенька, близкая Варюша, посылаю дубликат на отправленный ящик с двумя окороками, надеюсь, что они окажутся хорошими, что придут в срок. Впрочем, не беда, если и не успеют к Пасхе, вы их все-таки начнете на Святой неделе. Ужасно радуюсь, что вы досыта поедите все, и надеюсь, что они будут вкусны. Напиши мне теперь поскорее, почему у вас русское масло, я бы тогда, когда будут деньги, послал его в запаянной банке, если только есть расчет. Кто-то мне говорил, что оно стоит 70 к. фунт в Москве, тогда не стоит его посылать. Я особенно рад, что удалось послать окороки, т.к. не надеялся, что у меня будет эта возможность, а потом подвернулась работа вывесок. Сегодня я переехал на Садовую и водворился опять к Колыбиным в комнату, где мы с тобой жили. Я уехал от Павлы Евг. сегодня спешно потому, что вчера ее сын мне страшно грубо предъявил требование, чтобы до Пасхи я уехал, и я не хотел остаться ни одного часа лишнего; по этому случаю вспоминал сегодня весь прошедший год, т.к. прошло ровно почти год, как в прошлом году я переехал сюда, это было тоже на 6-й неделе. Нужно сказать, что как ни грустна и тяжела постоянно и каждый день эта разлука наша с тобой, все-таки милость Божья нас не покидала, подумай, дети наши здоровы и растут, слава Богу, почти в нормальных условиях и среде, и мы с тобой все-таки, слава Богу, здоровы. Правда здоров больше я, чем ты, со слов видевшей тебя моей знакомой, у тебя вид хороший, но и она заметила твой тик головы и нетвердую походку. О последнем, конечно, мне очень тяжело думать, но я верю на милость Божью, что это не есть какая-нибудь серьезная болезнь. Что касается моего здоровья, то оно превосходно, слава Богу, и Бог даст, если будет здоровье, то как-нибудь проживем. При выборе города, если дадут «-6», надо будет руководствоваться тем, чтобы это

был оживленный город, не умирающий и чтобы в нем не было художественного училища или техникума, как теперь называют, иначе вся работа по моей части в таких городах исполняется учениками этих училищ. В этом смысле Ярославль, пожалуй, неподходящий город, а Ростов Великий - слишком тихий, мертвый город. Будут большие затруднения, если придется скоро решать этот вопрос. Последнее время все пишу портреты со знакомых и, к сожалению, убежден, что это все-таки не по моей части, т.е. что художественно для меня это не представляется целью, а для заработка писать, конечно, буду, т.к. могу писать с большим сходством. Ты верно из моих писем поняла, что я давно, с самого Рождества почти не пишу ничего для себя, т.е. в свойственной мне иконописной форме. Все это время я оставался совершенно холоден к этому и совершенно не мог себя даже заставить приняться, хотя первое время казалось, что еще заряд не исчерпан и что следует целая серия того же рода, как те картины, что я послал, но вскоре убедился, что вдохновение быстро идет на убыль и оставил пока, буду ждать опять прилива. Хотел ответить на заметки дяди Сережи⁹⁵ по пунктам, возрадивши, т.к. совершенно не согласен с его взглядом на иконописную форму. Главное его заблуждение, что есть бесконечное множество как бы равноценных форм; на самом деле можно считать, что иконописная форма есть один из двух полюсов и совершенно не случайна иконописно - православная ее роль. Это так же верно, как то, что православие не есть своеобразное только понимание истины, а есть сама истина. Если возможно какое-либо другое выражение этой истины в живописной форме, то это и будет только ее «выражением», т.е. в этом случае форма будет только чем-то «посредствующим», форма будет тут только случайна, истина будет выражаться, так сказать, несмотря на форму, и только так называемая «иконаписная форма» - есть образ и подобие Божие по самому существу, т.е. она ничего не «выражает», являясь сама по себе частицей жизни вечной. Элемент этой жизни во всяком произведении, но только как элемент, а иконописная форма и есть (неразб. три слова). (На полях мысли эти необходимо мне развить, для меня это так ясно). Сейчас уже поздно и буду ложиться, а допишу завтра, впрочем надо будет с утра уже отослать это письмо, так что допишу завтра только два слова. Мысли по поводу заметки дяди С. об искусстве меня очень занимают, т.к. чувствую пропасть, отделяющую мое понимание от его, которое является отражением совсем другого мира и искусствовопонимания: это очень интересно выразить и поставить точки над «и», впрочем Ф. делает это, конечно, лучше меня, но в этой области я имею еще опыт собственного дара, который требует объясниться. Хочу повторить последнюю фразу того листка, т.к. там, кажется, нечитаемо. Элементы этой жизни во всяком почти произведении искусства, но только в иконописи это не элемент, а сама сущность, полнота. Современное искусство расценивается **не** на основании этого элемента, так что это **не тоже самое**, что имеет в виду дядя Сережа. Для современной критической художественной мысли этот элемент, думаю, даже может быть совсем незаметен, я думаю, даже больше, что может быть даже такое в некотором смысле «произведение искусства» совсем **лишенное** этого элемента - и это и будет другой полюс. Но полюс адский, полюс отрицания, нереальности, неконкретности. Современная художественная критическая мысль находится под гипнозом, навязываемым этой мнимой, иллюзорной,

неконкретной жизни. И это, конечно, не со вчерашнего дня, мы все выросли с этим уродством и, например, дядя С. принимает это за самую суть искусства, (часто) готов признать за божественное то, что совершенно противоположной природы. Правда дядя С. любит восхищаться и, я не сомневаюсь, вполне искренне может находиться под впечатлением иконописи, но в этом случае он совершенно ошибается, думая, что прилагает ту же мерку к иконописи, как и к другому произведению искусства. Сходство обоих впечатлений это то, что и тут и там «тайна». Но сама тайна эта совсем другого порядка (обыкновенно). (Обыкновенно потому, что, напр., тайна, скажем, Беноццо-Гоццоли⁹⁶ или Беато Анжелико⁹⁷ близка к тайне иконописной школы). Какая же это тайна, которая заставляет быть под впечатлением, чувствовать, что тут не пусто, заставляет почувствовать, что тут-то и есть «жизнь» (на самом деле тут ее нет); тайна эта так убедительна, такое налагает на душу впечатление, что остается сказать, что это божественно, что это и есть жизнь. На самом деле это «тайна беззакония», тут нет жизни, а есть только мечта, «мираж», обман (конечно, не со стороны художника, у которого есть дарование эту ложь воплощать). Могут быть даже **великие** художники, творчество которых ложь, и маленькие художники, творчество которых правда. Беноццо-Гоццоли меньше, но правдивее Микеланджело. Брейгель правдивее Рембрандта. **Стеллецкий правдивее Серова**. Все французы правдивее всех русских, которые пролгались вконец (художники независимо от дарования). Ну, пока довольноно.

60

На штампе: Ишим 30.4.28 – 6.5.28.

Моя милая Варюша, вчера кончился мой срок! Колеблюсь теперь, пойти ли самому справиться, есть ли для меня бумаги, или ждать, пока на регистрации мне скажут. Прошлый раз я спрашивал, мне сказали, что больших задержек последнее время не было (больше месяца). Ну что-то будет. Как я писал тебе, у меня мысли являются, не следует ли все-таки вам просто приехать сюда, в таком случае мы скоро бы соединились. Во всяком же новом месте придется, первое время во всяком случае быть без работы и найду ли скоро квартиру? И так может дело затянуться до осени, когда уже поздно будет переезжать и вам придется опять остаться в Сергиеве. Как бы так не случилось! Но против Ишима так много, что конечно для меня это только сомнение, но такое сильное, что хотелось бы в решении помощи о.Порф⁹⁸. Если переезжать, то, конечно, в такое место, где хоть было дешево продовольствие, и это только не севернее Воронежа, Саратова, Курска. Последний из всех меня больше привлекает. В Ишима же, думаю, надо остаться в том случае, если у меня будет возможность работать не только в городе, но и в округе, т.к. в этом случае в летний срок у меня будет настолько хороший заработок, что он обеспечит жизнь зимой и искупит дальность от родных. Так сейчас уже мне предлагают красить в двух церквах. Сейчас есть работа. Как у тебя с деньгами? Жду писем.

26 апр. 1928.

Из писем В.Ф.Комаровской - В.А.Комаровскому

1

[Без даты]

Дорогой мой Володя,

Раньше чем писать тебе длинное письмо, спешу сказать, что вчера мы открыли твои картины и вчера их видели Юрий и один молодой художник, а сегодня о.Павел и его две сестры. Юрию больше всего нравится твой автопортрет, сестрам о.Павла портрет Юрия, а самому о.Павлу другие вещи. Он предлагает написать о них статью; сфотографировать эти картины плюс его прежний портрет и послать для помещения в какой-нибудь художественный журнал к Дм.Сем. (Стеллецкому); тогда и здесь художники больше обратят внимание. Я очень, очень удовлетворена таким предложением, надеюсь, что и ты будешь доволен и, судя по тому, что мне передавали из его слов, он скажет много интересного. Он просит тебя прислать перечень твоих произведений этой серии; по-моему и к этим скажи, как их назвать, а может быть, лучше не надо. Напиши также разрешение заолифить эти картины, а то очень страшно их попортить, но и негде держать, потому что нельзя прислонить одну к другой...

(Дальше о другом, благодарит за посылку продуктовую к Рождеству)

2

26.1 - 8.2.28

Милый, дорогой Володя, вчера я пережила разочарование, кот^{орое} давно надо было ожидать, что ты не получил амнистии, также и д.Саша, Ваня П. «Попов Кирилл», Матв^{еев}. Это сказали в Кр^{асном} Кр^{есте} Ане «Преображенской», кот^{орая} ходила за меня, потому что я в это время была у д.Бори. Он был, как всегда, любезен, но говорил со мной очень мало; я ему сказала, что подала на днях заявление в Комиссию по амнистии при ВЦИК и просила походатайствовать, поддержать; он обещал это сделать, хотя сказал, что это не всегда удастся, спрашивал, почему я раньше не подавала заявление, говорил, что надо, главное, хлопотать теперь, чтобы в срок ты вернулся начисто без других ограничений. [Дальше о другом]

3

[Откр. письмо] 28.4 - 11.5.28

Слава Богу! Милый, дорогой мой хороший Володенька, дождались мы радости. Передо мной лежит телеграмма: «Папа совершенно свободен, он извещен. Алеша». Знаешь ли ты об этом в эту минуту? Наверное, еще нет, может быть тебя разбудят ночью или принесут телеграмму утром. Представляю себе, как ты будешь рад и взволнован, первым хозяевам своим сообщишь,

Наверное, пойдешь завтра к обедне, что и я собираюсь сделать, и потому пишу так мало. Я знала, что сегодня Соф.Ив. должна была получить ответ в Кр.Кр. «Красном Кресте», но забыла об этом думать и не очень рассчитывала, так всегда задерживаются справки, так что телеграмма эта меня ошеломила и я не могу еще опомниться. Теперь вопрос, когда в Ишим придут бумаги и когда ты выедешь? Дай Бог, чтобы все было благополучно. Кланяйся от меня всем. Не забудь, отдай хорошую глубокую тарелку хозяевам.

Целую крепко, нежно и благословляю. Господь с тобой. Варя.

Примечания:

1. Анна Дмитриевна Самарина (1872 - 1953) - тетья В.Ф.Комаровской.
2. Варвара Федоровна Комаровская (1886-1942).
3. Владимир Александрович Михалков (1883-1932) - ученый-птицевод, отец поэта и драматурга Сергея Владимировича Михалкова.
4. Александр Дмитриевич Самарин (1869 - 1932) - дядя В.Ф.Комаровской.
5. В 1925 г. у Владимира Алексеевича и Варвары Федоровны Комаровских было трое детей - Алексей (11 лет), Антонина (9 лет), Софья (2 года). Самый младший - Федор родился в 1929 г. после возвращения В.А.из Ишима.
6. Пелагея Степановна Седова. Жила у Комаровских с момента их свадьбы, всегда помогала семье.
7. Речь идет об одном из портретов деда Владимира Алексеевича - Егора Евграфовича Комаровского (1803 - 1875). Е.Е. - конногвардеец, надворный советник, поэт-любитель. Муж Софьи Владимировны Комаровской, урожд. Веневитиновой (1808 - 1877), сестры поэта Д.В.Веневитинова (1805-1827). Е.Е. был знаком с А.С.Пушкиным, во время службы в конном полку сдружился с кн.А.И.Одоевским (1802 - 1839), с которым сохранил лучшие отношения и после восстания 14 декабря. Е.Е. снабжал Одоевского книгами в период его сибирской ссылки. Известны портреты Е.Е. работы О.А.Кипренского (в настоящее время хранится в Третьяковской галерее) и П.Ф.Соколова (хранится в музее А.С.Пушкина).
8. Мария Юрьевна Авинова - знакомая В.А.и В.Ф.Комаровских.
9. После упразднения Тюменской губернии (1917 - 1923 гг.) ее территория вошла в состав гигантской Уральской области вместе с Тюменским, Ишимским и Тобольским округами.
10. Вера Васильевна Кузьмина - знаковая Комаровских.
11. Княгиня Ольга Николаевна Трубецкая (1867 - 1947) - тетья В.Ф.Комаровской. В 1925 г. уехала за границу. Умерла во Франции, в Кламаре, предместье Парижа.
12. Алексей Александрович Пазухин (1883 - 1942) - граф, семья его находилась в родстве с Карамзиными, Бутурлиными, Нащокиными. Отец Алексея Александровича служил в Московской управе. А.А. был его единственным сыном. А.А. окончил Александровский лицей, связанный с памятью Пушкина. Был женат на княгине Елизавете Львовне Голицыной, умершей в 1918 г. от испанки. Оставшихся после нее маленьких детей - сына Алексея и дочь Надежду, взяли на воспитание сестры А.А., жившие в Москве. В первые годы после революции А.А. работал научным сотрудником в Русском музее, где в это время служил и друг Владимира Алексеевича Комаровского - Петр Иванович Нерадовский. В 1925 г. А.А. был арестован по сфабрикованному ГПУ «делу лицейстов», обвинявшихся в антисоветской деятельности, осужден на трехгодичную ссылку в Ишим. Здесь и состоялось знакомство и дружба с В.А.Комаровским. По возвращении из ссылки А.А.Пазухин жил в Калуге, а затем во Владимире вместе с сестрами, высланными из Москвы по доносу дворника, желавшего завладеть их квартирой. В 1934 г. А.А. был арестован вторично и отправлен в ссылку в Медвежьегорские лагеря, откуда вернулся незадолго до начала войны 1941 г. С трудом устроился работать регистратором в больнице г.Владимира и вскоре умер. Похоронен во Владимире, могила сохранилась. Имя А.А. Пазухина (А.А.) будет неоднократно упоминаться и во всех последующих письмах В.А.-Комаровского.
13. Мария Владимировна Пургольд - ишимская ссыльная. Биография неизвестна. В письмах будет фигурировать под инициалами М.В.
14. Елизавета Ксенофонтовна Балашова - дочь няни детей Комаровских.

15. Мария Николаевна Ермолова - двоюродная тетка Варвары Федоровны.
16. Софья Ивановна Истомина. Ее муж был в это время в заключении.
17. Жена о.Сергия Сидорова, находившегося в заключении.
18. Борис Давидович Рязанов, хлопотавший о В.А.Комаровском.
19. Павел Борисович Мансуров (1860 - 1932) - муж родной тети В.А.Комаровского - Софьи Васильевны, урожд. Безобразовой. Дипломат, знаток Ближнего Востока, долгое время служил секретарем Русского Посольства в Константинополе. Отец его, также дипломат, был послан в Святую Землю, где занимался делами Русской Миссии в Иерусалиме. Судьба семьи оказалась с тех давних лет близкой к судьбам Русской церкви. Сестры П.Б., родившиеся после него, в молодости отказались от света и приняли монашество, основав в Риге женскую обитель. По своему складу и стремлениям П.Б. был близок к своим сестрам. Оставшись без жены, умершей в нач.1923 г. в Сергиевом Посаде, он стал жить в семье Комаровских, уделяя много времени образованию и воспитанию их детей. В 1926 г. был арестован и после заключения отправлен в Новгород по ограничению «-6». Вернулся из ссылки в Москву в нач. 30-х гг. В письмах упоминается как «дядя» и «дядя в Новгороде». См. фотогр. П.Б.Мансурова с Антониной и Алексеем Комаровскими на вкладыше альманаха.
20. М.В. - приятель В.А.Комаровского по ишимской ссылке, личность не установлена.
21. Софья Ивановна Истомина; Татьяна Петровна - жена о.Сергия Сидорова; Наталья Дмитриевна - жена о.Михаила Шика. Их мужья в то время были в заключении.
22. Мария Александровна (1875 - 1942) и Ольга Александровна (1877 - 1942?) Пазухины. Сестры А.А.Пазухина.
23. Петр Иванович Нерадовский (1875 - 1962) - художник-портретист, один из организаторов Нового Общества Художников (НОХ) в Петербурге, историк искусства. С 1909 по 1912 г. - хранитель, с 1912 по 1929 - заведующий художественным отделом Русского музея. Друг Вл.А.Комаровского. Помогал Варваре Федоровне в продаже семейных портретов Комаровских в музеи Петрограда. В дальнейшем часто упоминается, как П.Ив. и П.И.
24. См. прим. 7 к письму 2.
25. По-видимому, Федор Антонович Бруни (1799 - 1875) - русский живописец и рисовальщик.
26. Александра Константиновна Оболенская, подруга В.Ф.Комаровской.
27. См. прим.7 к письму 2.
28. Анна и София Дмитриевна Самарины, тети В.Ф.Комаровской.
29. Николай Николаевич Врангель (1880 - 1915) - историк искусства, автор критических статей и многочисленных каталогов выставок. Опубликовал двухтомный каталог «Русский музей императора Алаксандра III: живопись и скульптура». СПб,1904.
30. Елена Федоровна Соллогуб, троюродная сестра В.Ф.Комаровской. В то время была выслана в Зырянский край.
31. Бывший управляющий имения Безобразовых Ракша в Тамбовской губернии.
32. Юрий Александрович Олсуфьев (1878 - 1938) - историк искусства, реставратор, коллекционер. Многолетняя и плодотворная дружба связывала Ю.А. с В.А.Комаровским. В 1904 и 1906 гг. они путешествовали по Италии, осматривали памятники архитектуры и искусства. Впоследствии Вл.Алексеевич неоднократно посещает имение Ю.А. Красные Буйцы под Тулой, усилиями Олсуфьева и его жены Софьи Владимировны превращенное в сокровищницу произведений искусства.

После женитьбы Владимира Алексеевича на В.Ф.Самариной, двоюродной сестре Олсуфьева, дружба с ним Комаровских приобретает родственный характер. Будучи председателем строительного комитета по возведению храма во имя Преп. Сергия Радонежского на Куликовом поле Ю.А. в конце 1913 г. привлекает В.А.Комаровского для украшения церкви. В 1915 г. стараниями Ю.А. и Софьи Владимировны была восстановлена древняя грузинская церковь Успения Богородицы в русском монастыре равноапостольной Ольги (Мцхета), для этого храма Владимир Алексеевич написал две иконы: Спасителя и Божьей Матери. С нач.20-х гг. Ю.А. и В.А.Комаровский работают в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. В Сергиевом Посаде семья Комаровских проживала в доме Олсуфьевых. См.: Г.И.Вздорнов Забытое имя // Памятники Отечества. – 1987. – □ 2. – с.83-89.

33. Баранов и Брагин - реставраторы древних икон.

34. Екатерина Алексеевна Челищева. Знакомая Комаровских по Сергееву Посаду.

35. Вера Тимофеевна и ее дочь Наталия Александровна Верховцевы. Знакомые по Сергееву Посаду.

36. Федор Дмитриевич Самарин (1858 - 1916) - отец В.Ф.Комаровской, урожд. Самариной.

37. Алексей Сергеевич Лопухин, двоюродный дядя В.Ф.Комаровской, жил в Сергиевом Посаде и помогал ей осваивать чулочную машину. Был арестован весной 1928 г. и выслан в Тверь.

38. П.И.Нерадовский - см. прим. 23 к письму 10.

39. Петр Владимирович Истомина (1879 - 1937) - друг Комаровских по Тифлису, где служил начальником Канцелярии Наместника Кавказа. В 1927 г. находился в ссылке в Соловецком лагере. В 1937 г. будет расстрелян в Казахстане.

40. Софья Ивановна Истомина - жена П. В. Истомина, в те годы была арестована, после освобождения поселилась в Твери.

41. Мария Федоровна Мансурова (1894-1976) - младшая сестра В.Ф.Комаровской, жена С.П.Мансурова.

42. Карасуль - небольшая река, опоясывающая Ишим с северной стороны.

43. Отец Алексей Мечев (1860 - 1922)- московский пастырь и проповедник, настоятель храма Св.Николая в Клениках, на Маросейке. В нач. 20-х гг. был духовником В.А. и В.Ф. Комаровских. Канонизирован русской православной церковью.

44. Ю.А.Олсуфьев - см. прим. 32 к письму 13.

45. Софья Дмитриевна Самарина (1860 - 1934) - тетя В.Ф.Комаровской.

46. Письма поэта Василия Андреевича Жуковского (1783 - 1852) к Марии Андреевне Мойер, урожд. Протасовой (1793 - 1823). Имеется в виду издание: Уткинский сборник 1. Письма В.А.Жуковского, М.А.Мойер и Е.А.Протасовой. - М.,1904.

47. Сергей Павлович Мансуров (1890 - 1929) - двоюродный брат В.А. Комаровского, сын Софьи Васильевны Безобразовой и Павла Борисовича Мансурова. Был женат на Марии Федоровне Самариной, младшей сестре В.Ф.Комаровской. С конца 1917 г. жил в Сергиевом Посаде, участвовал в работе Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Историк церкви. В 1926 г. стал священником, умер от туберкулеза в Верее.

48. Письма братьев Киреевских. Иван Васильевич Киреевский (1806 - 1856) - философ, критик. Петр Васильевич Киреевский (1808 - 1856) - фольклорист, археограф. С Иваном Киреевским был дружен Егор Евграфович Комаровский (1803 - 1875) - дед Владимира Алексеевича.

49. Александра Андреевна Воейкова, урожд. Протасова - младшая сестра Марии Андреевны Протасовой (Мойер).

50. Софья Николаевна Осоргина (1896 - 1970) - урожд. кн.Гагарина, двоюродная сестра В.Ф.Комаровской. Находилась в эмиграции во Франции, затем в США.

51. Сергей Михайлович Осоргин (1888 - 1957) - муж С.Н.Осоргиной.

52. Владимир Алексеевич являлся внучатым племянником поэта Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805 - 1827). Его бабушка - С.В. Комаровская (1808 - 1877) приходилась родной сестрой поэту. В семье Владимира Алексеевича до 1933 г. сохранялись портреты и документы, имеющие отношение к роду Веневитиновых.

53. Евграф Федотович Комаровский (1769 - 1843) - прадед Владимира Алексеевича, переводчик, мемуарист. Создатель «Записок», в основе которых служебная биография автора, его дипломатическая деятельность в царствование Екатерины II, адъютантская служба при вел. кн. Константине, а затем генерал-адъютантская - при Александре I. Существуют разные издания «Записок» в извлечениях и полном виде. См.: Записки В.Ф.Комаровского. - СПб, 1914, а также Записки Е.Ф.Комаровского. - М., 1990.

54. Петр Федорович Соколов (1791 - 1848) - замечательный мастер камерного акварельного портрета, отличавшегося тонкостью характеристики, безукоризненной композицией, прозрачностью и воздушностью колорита. С. создал целую портретную галерею известных людей первой пол. XIX столетия. В числе лучших работ С. портрет Евграфа Федотовича Комаровского, переданный семьей Комаровских в 1927 г. в Государственный Исторический Музей (Москва), а также портрет деда - Егора Евграфовича Комаровского, который хранится в музее изобразительных искусств А.С.Пушкина (Москва).

55. Речь идет о женском портрете известного художника-акварелиста первой трети XIX столетия К.К.Гампельна.

56. Анна Евграфовна Шипова (1806 - 1872) - урожд. Комаровская, дочь Евграфа Федотовича, прадеда Владимира Алексеевича. Сохранился альбом Шиповой с вписанным Пушкиным стихотворением «Муза» (около 1828), а также автографами Г.Р.Державина, Н.М.Карамзина, Н.В.Гоголя, мадам де Сталь, Бальзака и т.д. Последним владельцем альбома был Владимир Алексеевич Комаровский. В 1918 г. альбом был куплен у него А.М.Горьким и передан в Пушкинский Дом.

57. Георгий Петрович Георгиевский - директор Румянцевского музея.

58. Павел Борисович Мансуров - см. прим.19 к письму 8.

59. Дочь П.А.Флоренского.

60. П.Б.Мансуров - см. прим.19 к письму 8.

61. Имение в селе Ракша Тамбовской губернии. Принадлежало Василию Григорьевичу Безобразову (1833 - 1918) - деду В.А.Комаровского со стороны матери. В.А.-Комаровский и его братья любили проводить здесь летние каникулы. К этому времени усадьба была уже разрушена, дом сгорел в начале революции, а церковь разобрали на школу.

62. Священники, служившие в церкви с.Ракша.

63. См. прим. 40 к письму 20.

64. Анна Сергеевна, кн. Голицына, урожд. Лопухина, двоюродная тетка В.Ф.Комаровской. В то время помогала ей в сбыте вязаных чулок.

65. О.Сергий Сидоров, священник, высланный из Сергиева Посада в лагерь, в то время был освобожден, получил ограничение «-6» и уехал с семьей во Владимир. Впоследствии был расстрелян - 27.9.37 г. Похоронен в Бутове.

66. См. прим.37 к письму 15.

67. Софья Львовна Уиттер, урожд. гр.Бобринская. Знакомая Комаровских, хлопотавшая за ссыльных и заключенных.

68. См. прим.13 к письму 7.

69. См. прим.43 к письму 24.

70. Алексей Викторович Щусев (1873-1949) - архитектор, разработчик национального стиля русской архитектуры (Марфо-Мариинская обитель, церковь Сергия Радонежского на Куликовом поле, Казанский вокзал). 24 июня 1925 г. Щ. обращался в Коллегию ОГПУ с просьбой о пересмотре дела Владимира Алексеевича Комаровского «как талантливейшего художника-декоратора, который может быть благодаря своему таланту чрезвычайно полезным Республике...» Оказывал помощь В.Ф.Комаровской в продаже акварелей. Его фамилия (Щ.) будет неоднократно упоминаться во всех последующих ишимских письмах.

71. См. прим.53 к письму 30.

72. Речь идет о портрете Е.Е.Комаровского, созданном Софьей Михайловной Вильгорской.

73. Старец Гефсиманского скита, высокочтимого монастыря, находившегося в 3-х км от Сергиева Посада. Духовник В.Ф.Комаровской.

74. См. прим.52 к письму 30.

75. Там находилась дача В.Г.Безобразова, деда В.А.Комаровского по материнской линии.

76. Василий Алексеевич Комаровский (1881 – 1914) - старший брат Владимира Алексеевича, замечательный поэт «серебряного века» (сб. «Первая пристань». Спб., 1913). С жизнью и творчеством Василия Алексеевича Комаровского можно познакомиться, обратившись к книге: Комаровский В.А. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии / Сост. И.В.Булатовского, И.Г.Кравцовой, А.Б.Устинова; коммент. И.В.Булатовского, М.Л.Гаспарова, А.Б.Устинова. - СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2000. - 536 с.

77. Елизавета Николаевна Осоргина, урожд. Трубецкая, тетья В.Ф.Комаровской.

78. Елена Федоровна Соллогуб. См. прим.30 к письму 10.

79. Петр Иванович Нерадовский. См. прим.23 к письму 10.

80. Павел Борисович Мансуров.

81. Александр Дмитриевич Самарин (1868 – 1932), дядя В.Ф.Комаровской. Б. обер-прокурор синода, губернский предводитель московского дворянства. В январе 1918 г. принимал участие в работе Всероссийского церковного Собора. В этом же году избран председателем «Совета объединенных приходов г.Москвы». Был несколько раз арестован. 21 мая 1926 г. постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ приговорен к высылке в Сибирь (Якутск) на 3 года «За участие в черносотенно-монархической группировке «Даниловский синод».

82. Дочь А.Д.Самарина, разделившая с отцом годы ссылки.

83. Под этими инициалами в письмах фигурируют три лица. Установлено только одно - Мария Владимировна Пургольд.

84. Ишимский знакомый В.А. Неустановленное лицо.

85. Юрий Александрович Олсуфьев - см. прим.32 к письму 13.

86. О.П., также «Ф» - Павел Александрович Флоренский, о.Павел (1882 - 1937) - богослов, философ, ученый, искусствовед, священник. После октябрьского переворота входил в состав комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры и вместе с Владимиром Алексеевичем сохранял реликвии русской православной церкви от поругания и гибели. Отец Павел понимал и высоко ценил живопись В.Комаровского. В свою очередь и Владимиру Алексеевичу

были близки взгляды Флоренского на иконопись, ее духовную сущность. В Сергиевом Посаде Комаровским было создано несколько портретов о.Павла.

87. Николай Филиппович Петров (1872 – 1941) - художник-график, один из учредителей Нового Общества художников (НОХ) в Петербурге. Гостил в Ракше, писал интерьеры усадебного дома.

88. П.А.Флоренский намеревался написать работу о Комаровском-художнике. Замысел не был осуществлен из-за ареста о.Павла и его ссылки в Нижний Новгород летом 1928 г.

89. Елена Митрофановна Григорова, учительница В.Ф.Комаровской и большой ее друг. У Е.М. в Москве занимался Алеша, старший сын В.А.Комаровского.

90. Это письмо отослано одновременно с письмом от 30.1.28. Значится под тем же номером – 52.

91. Владимир Андреевич Фаворский (1886 – 1964) - график, основатель школы ксилографии, иллюстратор, живописец, теоретик искусства, профессор Высших государств, худож. мастерских. 4 июля 1925 г. ходатайствовал об отмене для В.Комаровского решения о высылке. Наряду с В.Фаворским - ректором ВХУТемаса, свои подписи под прошением поставила П.Нерадовский - художник; А.Щусев - академик архитектуры; Д.Богословский - художник; И.Остроухов - художник; И.Андреев - скульптор.

92. Дмитрий Семенович Стеллецкий (1875 - 1947)- художник, один из основоположников «русского стиля» в искусстве. С 1911 по 1913 гг. вместе с В.А.Комаровским создает трехъярусный иконостас для церкви во имя равноапостольных Константина и Елены в имении Александрия графа Александра Оттоновича Медема под Хвалынском. Второй большой работой художников явился иконостас для церкви Сергия Радонежского на Куликовом поле, построенной в 1913-1919 гг. по проекту А.В.Щусева.

93. «Блудный сын» - единственная сохранившаяся работа ишимского времени. Находится в Церковно-историческом музее Свято-Данилова монастыря (Москва).

94. Дмитрий Григорьевич Левицкий (1735 - 1822) , русский живописец, портретист.

95. Сергей Дмитриевич Самарин (дядя Сережа; д.С.) - дядя В.Ф.Комаровской. В своем письме, высланном Владимиру Алексеевичу через Варвару Федоровну, утверждает значение иных форм в искусстве, выражающих тоже, что и иконопись. В.А. полемизирует с ним, отстаивая сущность и полноту именно иконописи.

96. Гоццоли (собств. ди Лезе ди Сандро) Беноццо (1420 – 1497), живописец эпохи Раннего Возрождения, представитель флорентийской школы.

97. Анджелико (собств. Фра Джованни да Фьезоле, прозв. Беато Анджелико) (ок. 1400 – 1455) - живописец эпохи Раннего Возрождения, представитель флорентийской школы.

98. См. прим.73 к письму 41.

К статьям о В.А.Комаровском

В.А.Комаровский и В.Ф.Комаровская (Самарина). 1912.

**Антонина Комаровская.
Сергиев Посад. 1926.**

**П.Б.Мансуров с Алешей
и Тоней. 1926.**

П.Б.Мансуров с Тоней и Алешей. 1926.

К статье о В.А.Комаровском.
Ишим. Дом на ул.Просвещения, 2
Совр. фотография.

В.Ф.Комаровская с дочерью
Соней. Сергиев Посад. 1926.

ЖИВОПИСЕЦ

принимает
заказы на **ВЫВЕСКИ,**

увеличение **ПОРТРЕТОВ** и проч.

АДРЕС: *Ишим, ул. Просвещения,*
Угол Молодой Р. А. Комаровский.
Ишим, тип. Окрисполкома, Окзалит № 322, Зак. 320, 2000 экз.

К статье Н.И.Лебедевой "Православные храмы Ишима"
Троицкая церковь. Фотография XIX века.

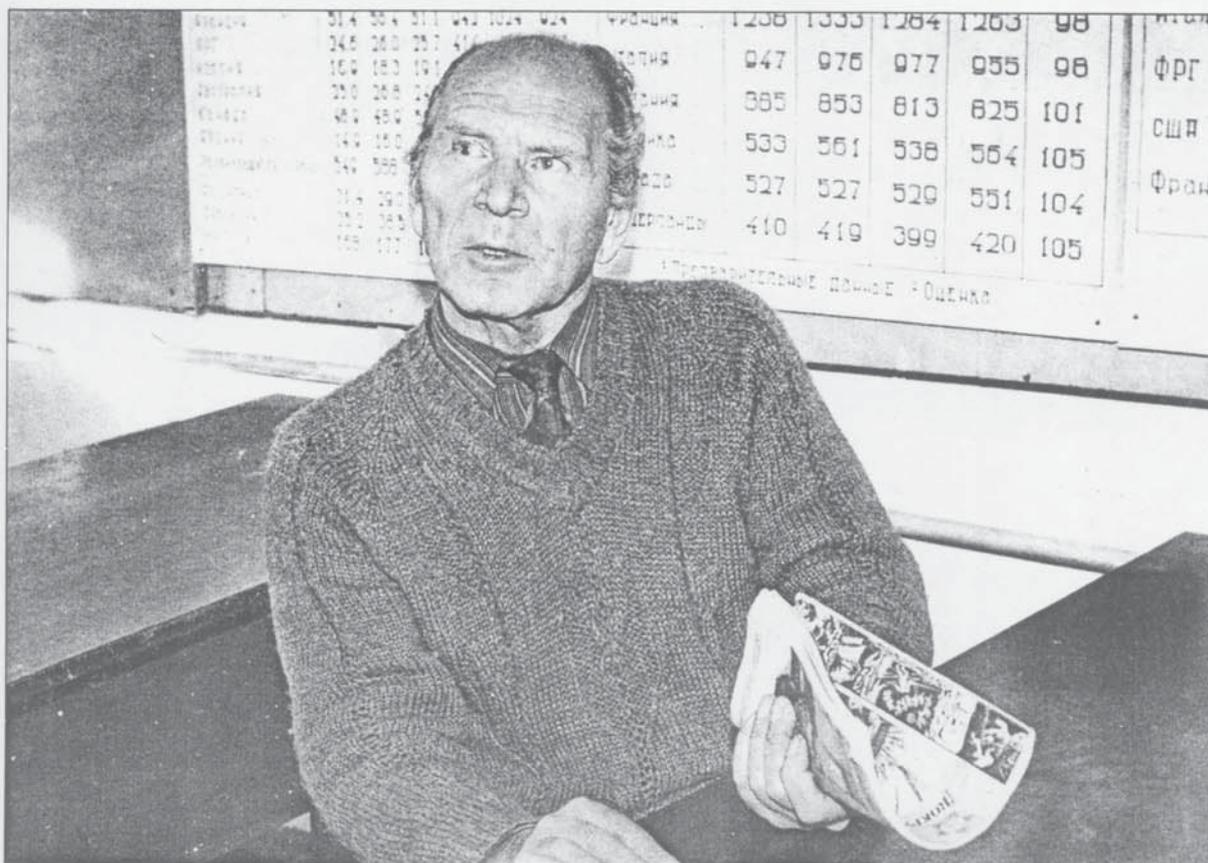

А в Ишиме
 где в Ишиме
 где мой Дом,
 Рожденья.
 А в Ишиме, где
 в Ишиме
 где мой День
 Рожденья?
 Натинался где
 в Ишиме и
 мой Дом
 Рожденья?

Валерий
 Медведов
 19 Ишиме 95

К статье О.Н.Романюты
 "Новые штрихи к биографии
 писателя В.В.Медведева".
**Автограф Медведева на
 книге, подаренной музею.**

К статье С.Г.Филя "Витольд Игнатьевич Шадурский".
В.И.Шадурский. 1999.

К статье
М.Ф.Калининой
“Времена.
Люди и судьбы”.
**М.Ф.Калинина и
С.Н.Белецкая.
1958.**

К статье
Г.А.Крамора
“Равнецкий
школьный музей”.
**Михаил Георгиевич
Усольцев. 2000.
Фото автора.**

К статье Г.А.Крамора “У таежных робинзонов”.
Агафья Лыкова. Фотография В.И.Шадурского. 1987.

ЛИКИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

О.Н.РОМАНЮТА.

Новые штрихи к биографии писателя В.В.Медведева

С творчеством детского писателя Валерия Владимировича Медведева (1923 - 1997) знаком весь мир. Он автор таких известных произведений как «Свадебный марш», «Капитан «Соври-голова», «Фантазии Баранкина». Наиболее читаема его повесть «Баранкин, будь человеком!». Она переведена на двадцать языков мира. Только в Японии вышло одиннадцать изданий этой книги. «Баранкина» инсценировали, экранизировали, превратили в оперетту. Книга стала событием в детской литературе.

Учился Валерий Владимирович на режиссерском факультете ГИТИСА, работал в театре им.Моссовета, снимался в фильмах «Парень из нашего города» и «Она защищает Родину». Будучи студентом и позже писал интермедии для Аркадия Райкина, веселые песенки и комические миниатюры для Леонида Утесова, Клавдии Шульженко, Мирова и Новицкого.

Первым его литературным произведением стала сказка «Голоса», опубликованная в журнале «Мурзилка» в 1957 г. Валерий Медведев был лауреатом Государственной премии РСФСР им.Крупской, в 1980 г. награжден почетным дипломом Международного конкурса им.Г.Х.Андерсена, член Союза писателей СССР с 1965г. А родился известный детский писатель в Ишиме 16 марта 1923г. (1).

Его ранние годы не получили отражения ни в одном из биографических справочников или словарей, посвященных литературе. И сам Валерий Владимирович не любил рассказывать о своем детстве. Известно только, что он воспитывался в детском доме г.Бийска и был усыновлен Владимиром Ивановичем Медведевым - режиссером Челябинского драматического театра. Ишимский музей начал поиск неизвестных страниц биографии писателя. Мы попросили нашего давнего друга - москвича Федора Максимовича Пашкова встретиться с Валерием Владимировичем.

Встреча состоялась в 1995 г., тогда писателю исполнилось 72 года. Медведев передал для музея многие книги с личным автографом и неопубликованный рассказ о своем детстве под названием «Грустная биография веселого человека». Из рассказа мы узнали, что настоящая фамилия Валерия Владимировича не Медведев, а Маринин и называл он себя в рассказе «по-домашнему» Валентином.

Мы обратились в Государственный архив г.Ишима и обнаружили, что отец Валерия (Валентина) Маринина - Иван Павлович Маринин уроженец г.Белева Тульской губернии, в Ишиме служил помощником уездного военного комиссара по политчасти.

В архиве хранится личное дело Ивана Маринина с его автобиографией, написанное рукой самого Ивана Павловича, где он указывает, что рос в большой семье, в которой было пятеро сестер и пятеро братьев. «Отец был штукатуром

и зарабатывал нищенскую сумму, большую часть которой пропивал; а мать Елизавета Ивановна прирабатывала стиркой белья по господам, за что получала 10 копеек в день» (2). В девять лет Иван был отдан в школу, но часто пропускал ее «за отсутствием одежды и обуви». Это отразилось на результатах учебы. Изгнанный из приходской школы священником за незнание Закона Божьего («за четыре года учения я знал только «Сотворение мира»), устроился позже на шахту, где и трудился до 1917 года.

В 17-м участвовал в революционном перевороте в городе Архангельске, там же вступил в отряд особого назначения ВЦИК, переброшенный для подавления эсеров в Петроград. Затем восточный фронт под городом Глазовым и ранение в левую руку. По выздоровлении попал в Екатеринбург, в штаб 3-й армии, откуда был назначен во вновь формирующийся 5-й крепостной Екатеринбургский полк. Первого сентября 1919 г. полк выступил в поход против Колчака.

10 октября Иван Павлович Маринин становится коммунистом и с этого времени исполняет обязанности комиссара.

Заразившись сыпным тифом в декабре 1919 г., комиссар Маринин попадает в 18-й госпиталь Ишима. После выздоровления остается в Ишиме и служит в военном комиссариате города до декабря 1923 г. Здесь он женится (13 апреля 1920 г.) на Эмилии Ивановне Шевченко (уроженке Харьковской губернии), служившей сестрой милосердия в госпитале Ишима (3). У Марининых было трое сыновей: Леонид - 21 года рождения, Валентин - 23-го года и Владимир - 27-го года. Жили Маринины по ул. Луначарского, 52. Дом сохранился до настоящего времени, сейчас здесь находится филиал Дома детского творчества.

А вот что вспоминает о своем детстве Валерий Медведев в «Грустной биографии веселого человека»: «Детство мое прошло в Ишиме, где я родился, Троицке, Кургане, Свердловске». Первые впечатления детства - страшный голод: «У Леонида на почве голода отнимались ноги, и он по дому передвигался при помощи брючных ремней, привязанных к ногам, поднимал ремни руками и ноги двигались. Я передвигался по квартире с помощью своих ног, но голод дал осложнение на нервную систему. По ночам меня мучил один и тот же сон: по дорожке катился мяч, пока мяч катился по гладкой дорожке - я засыпал нормально, но как только мячик начинал подпрыгивать, то я тут же просыпался и начинал плакать...».

После Гражданской войны Эмилия Ивановна продолжала работать по медицинской линии, а Иван Павлович занимался коневодством. Для семьи наступили относительно благополучные времена. Дети выправились. Валя превратился в жизнерадостного мальчика, выдумщика и остроумца. В семье его называли «артистом», так как он живо реагировал на все замечания взрослых. Однажды, когда бабушка, одевая внука в школу, заметила: «Какой у нас сыночек нарядный, девчонки за ним в школе не иначе целой очередью будут бегать», - Валентин незамедлительно поинтересовался: «А что я им буду продавать?» А когда у него спросили: «Что бы сказал Робинзон Крузо, если бы на необитаемом острове увидел отпечатки не ступней человеческих, а рук?» Валя в ответ закричал изо всех сил: «Ура! Цирк приехал!»

В доме Марининых бывал клоун Челябинского цирка. Услышав рассказы о проказах Вали, клоун сказал: «Я покупаю все эти репризы и исполню их на первом же цирковом утреннике!.. Убеден, что будет взрыв смеха! Взрыв смеха - самый прекрасный взрыв на свете!»

На этом веселая часть биографии заканчивалась. О Челябинске, куда семья Марининых переехала в 1935 г., Медведев писал как о злосчастном городе, кото-

рый принес им много горя. Осенью 1935 г. был арестован как враг народа отец Леонида, Валерия и Владимира. «Не прошло и полгода, как с тем же тяжким обвинением была арестована мать». Так пишет Медведев в биографии, а в одном из интервью московской газете он называет годом ареста отца – 1938-й.

Мы обратились в управление ФСБ Челябинской области и получили следующую информацию: «Маринин Иван Павлович был арестован 2 июня 1937 г. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьей 58 - 10,11 УК РСФСР (якобы являлся участником контрреволюционной организации и проводил вредительскую работу в сельском хозяйстве). По приговору суда Челябинской области осужден к высшей мере наказания - расстрелу. Не прошло и полгода, как с тем же тяжким обвинением была арестована Эмилия Ивановна.

Дети, оставшись сиротами, попали в детский дом г.Бийска. Вскоре Валерия усыновил друг отца - Владимир Иванович Медведев, работавший в 30-е, 40-е годы режиссером Челябинского драматического театра. Четырнадцатилетний мальчик взял фамилию и отчество приемного отца. Валентин Иванович Маринин стал Валерием Владимировичем Медведевым и никому никогда не рассказывал о своей настоящей семье. Только в 1995 г. писатель решился поведать о своем детстве в «Грустной биографии веселого человека».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ИФ ГАТО, ф.812, оп.1, д.53
2. ИФ ГАТО, ф.126, оп.3, д.31
3. ИФ ГАТО, ф.812, оп.1, д.38.

С.Г.ФИЛЬ

Витольд Игнатьевич Шадурский

Мое знакомство с Витольдом Игнатьевичем Шадурским относится к 1993 г., когда после создания областного общества польской культуры и просвещения «Лятарник» возникла потребность в установлении контактов с поляками Ишима. Встрече предшествовали телефонные звонки и переписка. И вот в феврале 1994 г. она состоялась.

Мы сидим за столом. Сразу установившееся взаимопонимание способствует доверительной беседе. Хозяин дома, подтянутый, с гордо посаженной головой и манерами аристократа, создает атмосферу гостеприимства и радушия. Возникает ощущение давнего знакомства. Оно объясняется общей обеспокоенностью судьбой поляков, почти полной их ассимиляцией, выражающейся в забвении языка, традиций, веры.

Говорили много и горячо: о прошлом польской диаспоры в Ишиме, ее настоящем и возможном будущем. Прослеживали жизненные пути конкретных лиц, горевали о разрушенном костеле, склонялись над документами и фотографиями. Я исписывал страницу за страницей, но вопросы оставались. Ночь я провел на металлической кровати Шадурских, привезенной в Сибирь в начале века, под иконой Матки Боскей Остробрамской (покровительницы поляков-католиков территорий бывшего Великого княжества Литовского).

На следующий день беседа продолжилась. Вечером я уезжал в Тюмень, чтобы не раз еще сюда вернуться, увозя с собой для музея истории поляков в Тюменской крае документы, настенные часы, фотографии, домашний алтарь - семейные реликвии Шадурских, судьба которых при всей яркости биографии моего доброго знакомого типична для поляков, обретших в Сибири вторую Родину. Это иллюстрация того, как они вращались в эту землю, что и дает нам повод поговорить как о его близких, так и о нем самом и деле всей его жизни.

С 1861 г., а особенно во время аграрной реформы П.А.Столыпина, в Сибири осело: в 1885-1906 гг. – ок. 1 млн. 700 тыс., в 1907-1909 гг. – еще ок. 1,5 млн., в 1910-1914 гг. – примерно 1 млн. 250 тыс. крестьян-переселенцев. В 1907-1915 гг. только в Тобольскую губернию «водворилось» почти 170 тыс. крестьян. Сколько среди них было выходцев из Царства Польского и т.н. западных губерний? Таких данных до сих пор не выявлено. Хотя некоторые польские исследователи, например, проф. В.Масяж, считают, что в период второй половины XIX – начала XX вв. в Сибири осталось до 20 тыс. поляков-осадников. Если с этим согласиться, то на Тобольскую губернию пришлось в этом случае несколько тысяч переселенцев польского происхождения.

В переселенческом управлении Ишима служили в основном поляки. Среди них – А.Ф.Жечицкий, уроженец Сморгони и выпускник Могилевской школы землемеров. Его сын Всеволод принес для Тюменского музея поляков визитки отца и его сослуживцев тех лет. На них фамилии Витковских, Малаховских, Вырвичей, Ядвиньских, Вежбицких, Кшижановских.

Из документов, переданных мне В.И.Шадурским, наибольший интерес вызывают два, записи в которых датируются 1909 и 1911 гг. Оба имеют отношение к отцу Витольда Игнатьевича. Привожу текст первого из них, как позднее и второго, сохраняя присущие им орфографию и пунктуацию:

«Метрическая выписка

о рождении и крещении Игнатия Игнатьевича Шадурского из подлинной книги о родившихся Себежского римско-католического приходского костела, в коей находится статья под □ 12 следующего содержания:

«Тысяча восемьсот девяноста первого года февраля десятого дня в Себежском р.к. приходском костеле окрещен младенец по имени Игнатий ксендзом Станиславом Цыбулевичем, администратором одного костела, с совершением всех обрядов Таинства Дрисянского уезда Игнатия и Людвики, урожденной Парадни, Шадурских законных супругов сын, родившийся 1 февраля 1891 г. в деревне Гребельцы Себежского прихода. Восприемниками были мещане: Александр Юревич с Йозефиною Анкудович девицею».

Что сия метрическая выписка верна с подлинною статьею метрической книги о родившихся Себежского римско-католического приходского костела, в том подписью и приложением костельной печати удостоверяю.

г.Себеж, 1909 года марта 12 дня.

Настоятель Себежского р.к. костела:

(Печать)

кс.Далецкий (подпись).»

«Метрическая выписка», выполненная чернилами на русском языке, снабжена гербовой маркой достоинством в 75 копеек, с проставленной на ней теми же чернилами датой «12 марта 1909 г.».

На оборотной стороне метрики имеется отпечаток печати с текстом на русском языке за □ 1085, в который вписаны конкретные сведения: даты, имена, фамилии, должности, звание:

«По указу Его Императорского Величества Могилевская Римско-Католическая Духовная Консисто́рия, согласно журнальному постановлению своему 24 января 1911 года состоявшемуся свидетельствует, что статья метрики о рождении и крещении Игнатия сына Игнатия Шадурского в метрической книге Себежского римско-католического костела состоит в записи и сомнению не подлежит, и, что настоящая выписка с оною статьею есть во всем сходною, в том подписом и приложением казенкой печати удостоверяет. С.-Петербург. Января 26 дня 1911 г.

Визитатор монастырей кан. [оник - С.Ф.] Ф. Островский».

Данное свидетельство скреплено круглой печатью с двуглавым орлом в центре и текстом по кругу, указывающим на принадлежность Могилевской Римско-Католической Духовной Консистории, а также двумя неразборчивыми подписями «исправляющих» должности секретаря и столоначальника.

Второй документ, «Свидетельство о приписке к призывному участку», представляет собой следующего содержания бланк, заполненный по форме □ 26: «СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРИПИСКЕ К ПРИЗЫВНОМУ УЧАСТКУ

Сын дворянина Игнатий Игнатьев Шадурский, родившийся 10 февраля тысяча восемьсот девяносто первого (1891) года, приписан по отбыванию воинской повинности к 1-му призывному участку Ишимского уезда. Вероисповедания римско-католического; малограмотный; живет при родителях. Вышепоименованный Игнатий Игнатьевич Шадурский, подлежащий исполнению воинской повинности, в тысяча девятьсот двенадцатом году обязуется доставить в Ишимское уездное по воинской повинности присутствие, не позже первого марта означенного года (1912 г.) сведения о семейном его составе, согласно ст. 146 Устава о воинской повинности издания 1897 года.

Выдано Ишимским уездным по воинской повинности присутствием декабря 8 дня 1911 г. за □ 6342

Председатель присутствия (подпись не разборчива)

Делопроизводитель (подпись не разборчива)».

На оборотной стороне «свидетельства» располагается типографским способом напечатанное «Извлечение из Устава о воинской повинности издания 1897 года»:

Ст. 113. Лица, изъятые от внесения в де... [текст испорчен - С.Ф.] народную перепись, а также вышедшие после ревизии из состояния сельских обывателей разных наименований, мещан, ремесленников и рабочих людей, обязаны приписаться, по отбыванию воинской повинности, или к одному из призывных участков того уезда, в коем находится недвижимая собственность, лично им или их родителям принадлежащая, или к тому участку, в коем на жительстве находятся или же находились в последнее перед выселением их время (ст.4).

Ст.146. Лица, означенные в статье 113, должны при заявлении о праве своем на льготу по семейному положению (ст.48) представить в надлежащее присутствие по воинской повинности о составе их семейства сведения, удостоверенные полицией по месту жительства семейства призываемого, или же начальством того ведомства, в коем находится отец, дед или брат лица, подлежащего призыву. Сведения о составе семейств дворян потомственных и личных могут быть по их желанию удостоверены вместо полиции или служебного начальства предводителем дворянства того уезда, где приписан призываемый. Удостоверения эти выдаются лишь по представлении призываемым несомненных доказательств о своем семейном положении».

Итак, первый из документов, составленный 12 марта 1909 г. в Себеже, был засвидетельствован Консисторией 24 января 1911 г. и удостоверен печатью и подписью 26 января 1911 г. Вероятнее всего, он был подготовлен с соблюдением всех формальностей перед отправкой в путь в Сибирь, коль скоро второй документ появился уже в Ишиме в декабре все того же 1911 г., как нам кажется, в связи с прибытием на место в Ишимский уезд.

Указание на дворянское происхождение И.И. Шадурского, встретившееся в «Свидетельстве», почему-то отсутствует в «Метрической выписи». Хотя сравнительный анализ текста этого метрического документа с текстами других мет-

рик, находящихся в фондах музея «Поляки в Тюменском крае», приводит к однозначному выводу: информация о происхождении младенца в тексте документа должна быть, причем в строго определенном месте. И, выясняется, что она там была, но оказалась стертой. Сделано это было столь аккуратно и умело, что не сразу заметишь. С помощью лупы прочитываем в конце соответствующей строки «Метрической выписи» казалось бы безвозвратно уничтоженное слово «Дворян». Теперь восстановленная фраза документа звучит традиционно: «Дворян Дрисянского уезда Игнатия и Людвики, урожденной Парадни, Шадурских законных супругов сын...»

Таким образом, дворянин Игнатий Викентьевич Шадурский, дед Витольда Игнатьевича, с супругой, пятью братьями и сестрой, а также членами их семей, прибывали в Ишимский уезд, по словам В.И.Шадурского и на основании содержания вышеуказанных документов, в течение 1911 г. Все Шадурские были уроженцами деревень Горбачево и Гребельцы Себежского уезда Витебской губернии. Покинув голодную пахотную землю в густо населенной Витебщине, в Сибири они оказались в надежде на лучшую долю.

У Игнатия Игнатьевича (1891-1974), отца пана Витольда, был брат Доминик и три сестры. Вначале все Шадурские обосновались в Малиновке, где еще и в 1930-е гг. помнили «пашню Доминика». Земельным наделом в 100 десятин, не считая леса, распоряжалась только семья И.В. Шадурского.

В отличие от остальных Шадурских-землепашцев, Игнатий-младший почти два года работал на строительстве железной дороги Тюмень - Омск. Все виды работ приходилось выполнять вручную. По его рассказам, переданным В.И.-Шадурским, землю возили на тачках, котлованы выкапывали лопатами, но наиболее трудоемкой была корчевка пней. Оплата здесь шла от выработки: за корень платили 5 копеек. Особенно памятни были для И.И.Шадурского возведение моста на Шаблыкино через р.Ишим и встреча идущих навстречу друг другу строителей в Мангуте.

В конце 1913 г. он вернулся в Малиновку, а в 1920 г. женился на Розалии из дома Патерек (1902-1978), дочери Михала и Катажины Патерек, поляков-переселенцев из деревни Бутусово, для которых она была десятым ребенком в семье.

В 1921 г., после подписания возрожденной Польшей и Советской Россией Рижского трактата о мире, Игнатий Викентьевич и Доминик репатриировались в Польшу. Оставшись в Сибири, сделала свой выбор и семья И.И.Шадурского.

В 1920-е гг. приходилось нелегко. За корыто матери Витольда как-то пришлось отдать 11 пудов ржи. Пуд муки стоил 20-50 копеек, 7 кулей картофеля - 3 рубля, пуд крупчатки - 1 рубль. В 1929 г. Игнатия Шадурского принудили вступить в колхоз. Произошло это уже в Бутусово, куда он перебрался с семьей в том же году с рожденными в Малиновке детьми: Элеонорой (род. в 1921 г.), Франтишкой (род. в 1923 г.), Михалом (1925-1985), Витольдом (род. в 1927 г.). Последний ребенок Игнатия и Розалии Шадурских, Адольф, родился в 1936 г. уже в Ишиме. Покидая Малиновку, они расставались с мечтой о лучшей доле и могилами братьев Игнатия Викентьевича: Антона, Иосифа, Феликса, Владимира (Станислава похоронят уже в Ишиме). Не прожив в Бутусово и года, в 1930 г. И.И.Шадурский с женой и детьми в связи с начавшимся раскулачиванием переехал в Ишим, продав скот и сельхозинвентарь.

Все 45 км до города вместе с остальными детьми маленький Витольд проехал на телеге «без штанов». На деньги, вырученные от продажи имущества в Бутусово, в Ишиме купили дом на ул. Ново-Больничной (теперь - ул.Плеханова),

недалеко от римско-католического храма. А чтобы содержать семью, отец стал весовым мастером, разъезжая от Вагая до Омска. В это непростое время Шадурские часто находили спасение в вере. Все они были католиками, причем своих детей пани Розалия крестила в Ишимском костеле. Но в 1930 г. его закрыли. С тех пор молились дома. Из брошенного здания костела Р.М.Шадурской удалось вынести икону, ныне бережно сохраняемую сыном. Она является единственным дошедшим до нас элементом интерьера этого храма, разрушенного незадолго до Великой Отечественной войны.

В 1937 г. Ишимский приход (на 1924 г. - 500 католиков), превосходивший тюменский и тобольский приходы по численности верующих в два с половиной раза, потрясли аресты. По сфабрикованному НКВД делу «Польской Организации Войсковой» в бывшей Тобольской губернии расстреляли десятки человек, в том числе и рабочего промартеля п.Кирпичный, ныне Ханты-Мансийского автономного округа, Иосифа Антоновича Шадурского (1891-1938), ровесника и двоюродного брата И.И.Шадурского. В 1937-1938 гг. несколько раз арестовывали и Игнатия Игнатьевича. Вероятно, именно в период сталинских репрессий из его «Метрической выписи» исчезло слово «Дворян». А, может, это случилось и в 1920-е гг. И.И.Шадурский, как и все Шадурские по мужской линии, был потомственным дворянином, что подтверждается польскими гербовниками. А значиться дворянином в Стране Советов рабочих и крестьян всегда было делом небезопасным. На вопрос И. И. Шадурского: «За что забираете?» следователь отвечал: «Тебя за одну фамилию посадить надо!» После одной из таких бесед в Ишимском КПЗ он уехал на Север, что, возможно, его и спасло.

Позднее детям сменили национальность на украинскую, белорусскую и русскую. Только у Витольда в паспортной графе значится «Поляк». Чтобы не создавать детям проблем, взрослые перестали говорить по-польски, вспоминать о костеле и молиться дома. В семье не было недостатка, но всегда чувствовалось согласие. Именно здоровый микроклимат семьи позволил родителям дать всем детям высшее образование. Сестры стали заслуженными врачами РСФСР: Элеонора работала терапевтом (живет в Новосибирске), Франтишка - педиатром (живет в Первоуральске); брат Михал жил и трудился инженером-электриком в Первоуральске (второй брат Адольф умер в 1955 г. от порока сердца).

В 1941 г., окончив «семилетку» в Ишиме, В.Шадурский в 1944-1945 гг. начал профессиональную деятельность прокатчиком в трудармии: катал трансформаторы на Верх-Исетском заводе. В 1947-1949 гг. оставил за плечами Ишимскую школу садоводов, затем - Тюменский сельхозтехникум и в 1962 г. агрофак Свердловского института, поступив в заочную аспирантуру.

В какой степени интересы В.И. Шадурского были продиктованы его происхождением? Кажется бесспорным, что любовь и бережное отношение к земле-кормилице и уважение к умению хозяйствовать на ней были заложены в его сознание еще в детстве родными. Ранние впечатления трансформировались в стремление изучить и осмыслить то, что было основой жизни не одного поколения Шадурских. Он хорошо запомнил уроки детства в Малиновке, как и тополиную рощу у католического храма и голубей костельного сторожа. Работая агрономом-семеноводом в совхозе Мироновском, в 1972 г. в Свердловске В.И.Шадурский защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Из истории земледелия юго-восточной части Тюменской области». Занимаясь учебой и любимым делом, не забывал и о воспитании дочери (женился в 1950 г., дочь Маргарита родилась в 1952-м; сейчас врач-кардиолог М.В.Мошкина живет и работает в Тюмени).

В 1991 г. в международном ежегоднике «Наука и человечество», опубликованном издательством «Знание» в Москве и распространяемом в 52-х странах, В.И.Шадурский так оценил эти годы: «Когда в 1972 г. открылась Ишимская опытная станция по земледелию НИИСХ Северного Зауралья, пришел работать туда в надежде еще серьезней заняться исследованием народного опыта сибирского земледелия. Но не тут-то было. Первый директор ИОС заявил: «Заниматься историей крестьянского опыта негоже. Вот опыт ученических бригад это да!» С тех пор в течение 12 лет приходилось работать над любимой темой вечерами, в праздничные и выходные дни. Очередные отпуска проводил в архивах, библиотеках Сибири, столицы и Ленинграда. Собрал огромную библиографию и другой материал».

В 1990 г. для защиты докторской диссертации В.И. Шадурского «Народный опыт земледелия Зауралья XVII - начала XX вв.» президенту ВАСХНИЛ А.А.Николу пришлось просить ВАК о создании специализированного Ученого Совета для разовой защиты. Успешно защитившись, Витольд Игнатьевич решением Министерства образования Российской Федерации от 28 января 1993 г. за № 51 стал профессором, причем первым в Ишиме.

С первым профессором Ишима зимой мы гуляем по городу. Он хороший экскурсовод. То и дело показывает то в одну, то в другую сторону, называя даты, фамилии... В небольшом городке его знают все. Сам же он признается, что не мог бы отсюда уехать. Здесь все знакомо ему и дорого. В своем необычного покроя пальто и папаше он чувствует себя по-царски, задирая голову и смотря только вперед. Со стороны может показаться, что он заносчив, но это первое впечатление.

В 1993 г. в Тюмени была зарегистрирована римско-католическая община. Я сообщил настоятелю адрес В.И.Шадурского как члена «Лятарника». И уже о. Казимир Юзьвик возродил с ним приход Ишима. А 13 мая 1997 г. ишимские поляки и католики других национальностей получили от ксендза подарок - типовое строение костела из Германии. Теперь у них есть замена неоготическому храму, разрушенному в 1930-е гг. Новая святыня возведена под протекторатом Божьего Милосердия, и В.И.Шадурский часто приходит сюда для участия в мессе.

* * *

Старый Полоний так напутствовал Лаэрта перед его отплытием во Францию:
«Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим ...»

В.И.Шадурский не изменил памяти предков-земледельцев и остался верным себе поляком и католиком. С 1985 г. он преподает в Ишимском пединституте «Основы сельского хозяйства», продолжая научные исследования. К печати им подготовлены две монографии: «Культура земледелия российских крестьян Сибири XVII- начала XX вв.» и «Культура земледелия коренных народов Азиатской России с момента возникновения земледелия до XVII в.». Человек широких интересов, сотрудничает он и с Ишимским краеведческим музеем, бывал в гостях и у Агафьи Лыковой в «таежном тупике», навещался и к родственникам в Щетин, а в июне 1997 г. паломником устремился во Вроцлав на встречу с Римским Папой. В свои 73 года он полон сил и энергии. А свыше 200 его работ - несомненно, весомый вклад в научное освоение Сибирского края.

Сто лят! Сто лят! Нех жие, жие нам!

МУЗЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ

Г.А.КРАМОР

Равнецкий школьный музей

Село Равнец отделяет от Ишима около двадцати километров. Расстояние по нынешним временам небольшое, однако насыщенное следами прежних эпох. Миновал мост через речку Карасуль - границу слившегося с городом села Стрехнина, широкая магистраль взбирается вверх, к необъятным, сияющим колосащейся пшеницей полям ишимской лесостепи. Лазоревый простор бескрайнего неба отражается золотом земных просторов, и где-то у горизонта два цвета по всем законам оптики сливаются в зелень курчавых берёзовых лесов.

Снова блеснула под высоким обрывистым берегом Карасуль, «чёрная река». Это - по правую руку. По левую, за белыми берёзовыми стволами, мерцает неподвижная гладь «Чёртова озера», по преданию, принявшего в себя не одну погубленную разбойниками ямщицкую душу. А между этими водными глубинами и над ними - возрождающийся Боровской храм Казанской иконы Божией Матери, напутствующий всех проезжающих мимо по старинному Сибирскому тракту.

Перед поворотом на Равнец рядом с дорогой в поле виднеется древний, изрядно осевший со временем и наверняка уже разграбленный в прошлые века могильный курган - память о былых племенах кочевников. Само село стоит у небольшого степного озера. В каждом палисаднике - деревья; за листвою почти не видно домов. Одноэтажное здание школы тоже стоит словно в лесу. Во дворе шум, звон пилы, стук молотков - вовсю идёт ремонт.

Цель нашего (нашего - с Надеждой Сюткиной, молодой сотрудницей Ишимского краеведческого музея) путешествия - находящийся здесь легендарный школьный историко-краеведческий музей (таково официальное наименование). Туда ведёт крайняя дверь в правом крыле здания. Прохлада, полумрак... а под красными знаменами, выстроившимися в ряд, нас встречает директор и основатель - Михаил Григорьевич Усольцев. Кисть левой руки перебинтована, как напоминание о далёкой войне. Что-то неуловимо знакомое чувствуется в его облике. Приветствуем друг друга, представляемся. Первые же минуты разговора всё проясняют: похож на Михаила Ульянова, нашего знаменитого актёра, которого довелось видеть в Тюмени. Примерно тот же возраст, та же верность своим идеалам, твёрдая жизненная позиция и то, что называется «жилистостью». Как и известный тезка, Михаил Григорьевич - яркий представитель своего поколения. Красные знамена позади его рабочего стола - не просто экспонаты музея, свидетельства ударного труда колхозников, едва не выброшенные на улицу, - но и свидетельство личности директора: «Приезжал как-то корреспондент с радиостанции «Маяк», спрашивал иронично: а что это у вас много так красной материи? Так ведь я сам пятьдесят с лишним лет в партии был, работал и вторым секретарём райкома комсомола, и в райкоме партии инструктором. Я, например, понимаю религиозных людей, никогда не переубеждаю их, потому что у меня - свои убеждения. И, потом, ведь в этой красной материи - вся

история страны. О каждом этом знамени, в котором пот и кровь труженников, сколько угодно можно говорить».

Музей появился в 1965 году, и он тоже - отражение личности своего создателя. Здесь Михаил Григорьевич - в своей стихии, он - его душа, оживлявшая эмоциями и чувствами сухие строчки и безмолвные фотографии на стендах, которыми увешаны стены до самого потолка. Но что подвигло его на эту трудную работу - создание музея - объяснить так же трудно. Родился Михаил Григорьевич не здесь, а в селе Плешково, что расположилось вдоль Транссибирского стального пути в десяти километрах от Ишима, в 1923 году. Поступил в Ишимское педагогическое училище, но закончил только три курса: началась война. Воевать пришлось под Москвой, на Калининском фронте, до 1943 года, когда после ранения в руку демобилизовался и вернулся домой. Работал военруком, а после окончания войны заочно обучался в Тюменском пединституте, получив по его окончании специальность учителя истории. В 1952 году предложили поехать в Равнец, где в средней школе, преобразованной тремя годами раньше из начальной, была соответствующая вакансия. Посоветовался Михаил Григорьевич с женой - а семья была уже большая, семь человек - и решился на переезд. Три года мыкались без жилья, а потом отстроил-таки дом. Тогда же, в 1955-м, стал директором школы. И проработал в этой должности 17 лет, без отпусков, невзирая на ненадлежащее здоровье. Три года райком партии не подписывал заявление об уходе, пока не пошло в ход врачебное предписание, требовавшее щадящий режим. Но оставил директорский кабинет Михаил Григорьевич только после того, как убедился, что передает свое дело в надежные руки.

Изматывала же больше не учебная работа, а стройки. Сначала школа, потом школьные мастерские, интернат... Новую кирпичную школу начали строить в 1960 году. Стройка была внеплановой: просто решили, что хватит ребятишкам ютиться в тесном деревянном доме. Михаил Григорьевич писал ходатайства - и в правительство, и в Верховный Совет; к каждому прилагались листы родительских подписей. Заложили здание, потом несколько раз стройку «замораживали». Наконец осенью 1964 года в новой школе прозвучал первый звонок. В ее стенах и открылся на следующий год музей.

Те два зала, где он сейчас находится, музей занял не сразу. «Здесь, где мы сидим, был туалет, самый настоящий, без канализационной системы. От него была бы вонь не то что по всей школе, а по всему селу. Поэтому я закрыл его сразу же, никто им ни разу не пользовался. Потом открыл буфет в другой половине. А после уже, когда материала накопилось достаточно, помещения переделали под музей». Поддержало тогда районное руководство: надо было приготовить достойную встречу земляка, Героя Советского Союза генерала Васильева. Семьдесят квадратных метров цементного пола перестелили досками, устроили стенды, витрины.

Основой музея стала коллекция старинных денег, потом к ней прибавились геологические находки, воспоминания фронтовиков, фотографии, вырезки из газет... Сейчас в музее восемь отделов, повествующих о природе края и его прошлом, о боевой славе земляков, крестьянском быте, истории школы, села и колхоза. Визуально эти отделы не легко отличить друг от друга из-за обилия экспонатов, к тому же множество материала хранится в альбомах. Разбираться во всем этом разнообразии лучше с экскурсоводами. Их роль охотно играют школьники, входящие в краеведческий кружок. В основном это ученики 8-11 классов. Каждым отделом заведуют два экскурсовода, поочередно работаю-

щие с посетителями. Между всеми членами кружка распределены обязанности, смотря по склонности каждого к какому-либо делу: кто занимается сбором сведений по отделу, экспонатов, кто фотографирует или рисует, а кто выполняет простую техническую работу. Возглавляет всю деятельность совет музея с председателем, избираемым тоже из учеников.

Главная задача музея, от которой Михаил Григорьевич не отказывается не смотря на все политические коллизии, - учебно-воспитательная. И тут оказывается, что все стенды и экспонаты - лишь малая видимая часть того айсберга деятельности, которую вбирает в себя то, что называется «музей». На основе материалов каждого отдела проводятся учебные занятия, в основном - по истории. На одной из стен живописно воспроизведена из книги неких чешских ученых «лента времени», представляющая этапы развития человека согласно эволюционной теории. Это - к уроку о доисторическом прошлом. Рядом, в стеклянной витрине - микролиты, каменные рубила, бронзовый топор - тоже «наглядное пособие». Неподалеку - древнегреческая амфора, поднятая с морского дна, которую Михаил Григорьевич привез из Одессы (жена долго его потом отчитывала: дескать, другие платья и кофточки домой привозят, а ты - горшок какой-то). Настоящая Древняя Греция в далеком сибирском селе - как это способно поразить детское воображение при умелом комментарии! Но больше всего учебного времени занимает, наверное, тема «Великая Отечественная война». Рассказ о военных годах, о воевавших земляках продолжается три-четыре урока.

Музей не дал умереть доброй традиции заботы о ветеранах войны. Была, например, составлена анкета «Как живешь, фронтовик» из двенадцати вопросов, в основном о «жизне-бытье». Данные в анкеты ребята собирали сами, а по результатам их обработки Михаил Григорьевич как председатель Равнецкого совета ветеранов отчитывался перед сельским руководством: где хорошо относятся к бывшим воинам, а где они обделены вниманием. Возобновили со школьниками шефскую работу - изготовили в музее новые звездочки из жести, выкрасили в алый цвет, прикрепили на воротах. «Для ветерана такая звездочка что орден Красной Звезды, значит, помнят его, почитают». Правда, в живых фронтовиков осталось уже 18 человек. Помнят и о тех, кто не был на полях битв, но пережил те годы сполна: для них проводят вечера : «Солдатки», «Дети войны». Патриотическое воспитание подкрепляется выступлениями служивых из ишимской воинской части; три раза приезжал сюда тот же генерал Васильев; прошла беседа с другим Героем, Гурьевым. Эти встречи приносят в музей новые материалы, поэтому экспозиция постоянно пополняется и обновляется, растут стопка альбомов, в которых собрано много сведений и о формировавшейся под Ишимом 229-й дивизии.

Однако самый обширный отдел - отдел природы. В стенах музея он представлен скромно, «уголком леса» с чучелами птиц и животных. А за его пределами - это 870 гектаров школьного лесничества, теперь едва ли не единственного во всей Тюменской области. Работа на этих землях идет совместно с бывшим колхозом (ныне СХПК «Русь») и Ишимским мехлесхозом, когда-то передавшими их школе. Гектары эти силами краеведческого кружка, конечно, не осилить, поэтому задействованы здесь все ученики. Их руками были посажены саженцы на шестистах гектарах, а каждый гектар - это 4-5 тысяч молодых деревьев. Нынешний зеленый наряд Равнеца, как и цветы перед каждым домом, - тоже их заслуга. По территории лесничества проложена учебная «экологичес-

кая тропа», цель которой - знакомить юных сельчан с природой, полезными растениями, влиянием человека на окружающий мир. На маршруте построена веранда, где можно отдохнуть с корзинами грибов и ягод, растущих здесь в изобилии.

Уже упомянутые каменные и бронзовые орудия труда - один из предметов гордости музея. Найдены они были случайно. В середине 60-х, когда открывался музей, Тюменская центральная поисково-геологическая партия дала задание равнецким школьникам организовать поиск гравия и песка для строительства предприятий в Ишиме и районе. Собрал тогда Михаил Григорьевич ребяташек, взяли ручной бур - и «айда» в походы, на восемь-десять дней. Научились пользоваться этим буром, заодно - и горным компасом, чтобы ходить по азимуту. Под деревней Кош-Карагай нашли залежи песка. Стали копать - и вдруг на метровой глубине обнаружили эти странные камни, обработанные когда-то человеческой рукой. Потом еще и бронзовый топор. Впоследствии откопали две металлические статуэтки, попавшие в наш край из Индии. Приезжали после в Равнец ученые из Свердловска, изучили микролиты, рубила, расспросили о месте находки - и вот, как с удовольствием говорит теперь Михаил Григорьевич, «на карте области появился еще один кружок с надписью: место стоянки первобытного человека».

Закончились походы, камни и статуэтки заняли свое место в витринах, а семь юных исследователей земных глубин, подучившись, поступили в вузы и стали профессиональными геологами. Так определило их жизнь участие в музейных делах. Практически все ставшие «большими людьми» выпускники равнецкой школы открывали для себя окно в мир здесь, в музее. Экскурсоводами работали нынешний полковник и кандидат военных наук Киселёв, главы равнецких сельхозпредприятия и администрации Соловейко и Рубан. Трое юных лесничих закончили впоследствии факультет лесоводства Иркутского сельхозинститута. Здесь делала свои «первые шаги» председатель комитета культуры г.Ишима Нина Петровна Кузовкова. Другая ученица - Нелли Садыкова - стала учителем истории в родной школе. Поступить в вуз ей мешал плохой «выговор» с казахским акцентом. Тогда пришла она к Михаилу Григорьевичу с просьбой взять её экскурсоводом, чтобы на практике исправить речь. Не всё получилось сразу, приглашал директор музея и учителей-словесников на помощь, но в итоге вышел из Нелли «отменный экскурсовод и прекрасный учитель истории». А не так давно побывал в музее полковник Исаченко и, увидев макет крестьянской избы с подписью «изготовил ученик 7 класса Вася Исаченко», безо всякого смущения прослезился: «Неужели это еще хранится? Двадцать лет прошло!» «Так это ж музей!» - развел руками Михаил Григорьевич.

Пользуется музеем славой и у взрослых сельчан. Родители учеников, приходя сюда, неожиданно открывают для себя заново то место, где они родились, выросли, возмужали. «Всё ведь забыто!» - сокрушается директор. В музее хранятся пожелтевшие акты приёмки-сдачи имущества вступавших в колхоз крестьян. Когда-то их почти выбросили - но благо, что секретаршей в правлении работала бывшая ученица Михаила Григорьевича. Акты эти пригодились потом, при реабилитации «раскулаченных» тружеников. Но апофеозом деятельности музея стало празднование в 1995 году столетия Равнеца. Вот где пригодились все собранные материалы! На «Вечере истории села» в местном Доме культуры, надолго запомнившимся равнецким жителям, яблоку было негде упасть. Тогда

же установили стенд в центре Равнеца с рассказом о его прошлом; много вышло статей в районной и областных газетах.

Музей хорошо известен в округе. Прежде, до «ельцинских времён» (характеристика директора), в нём побывали делегации из всех школ города, Ишимского и прилегающих районов, а также с ишимских предприятий, руководство которых охотно шло навстречу просьбам предоставить материалы по их истории. Сейчас поток городских школьников почти иссяк, к удивлению Михаила Григорьевича: «Да, в Ишиме есть теперь прекрасный музей. Но ведь сельский музей - это нечто совсем иное, у него своя специфика!»

Действительно, создать музей в селе непросто, а поддерживать его работу - тем более. Когда-то, вспоминает директор, благодаря заведующей районо Валдаевой, почти в каждой школе были открыты музеи. Где они сейчас? Без сильной личности руководителя, увлечённого своим делом и способного при этом ходить по разным кабинетам «выбивать» деньги на шторы и линолеум (а равнецкий музей, несмотря на огромную учебно-воспитательную работу, практически не финансируется), невозможно представить музей, особенно сельский. Поэтому тревожит будущее этого очага культуры: кто станет продолжателем славного дела? «Есть кое-кто на примете, - признаётся Михаил Григорьевич, - хотя те, кто мог бы возглавить музей, не берутся за это, а кто берётся - от того толку мало, прощелыги, можно сказать».

Увы, музейные собрания бывают интересны и людям корыстолюбивым. Хотя таким в равнецком музее делать уже и нечего: за последние полтора десятка лет его обворовывали трижды, не считая мелких краж. Первый раз - ещё в советские времена. Летом директор уехал в Кош-Карагай возглавлять пионерские лагеря, а ключи по традиции оставил девочкам из совета, чтобы они проводили экскурсии, если понадобится. По возвращении осмотрел экспозицию и ахнул: нет в коллекции монет самых ценных, петровской эпохи. «Тогда у меня сразу пропал весь интерес к нумизматике, ведь я же сам собирал эту коллекцию», - заметил он печально при рассказе. Оказалось, посетил музей некий рижанин, в процессе осмотра попросил девчат принести воды. А пока те бежали за нею на другой конец школы - приподнял стекло витрины (сигнализации - никакой) и смахнул монеты в портфель. Потом, через три года, поймали этого рижанина, который обокрал не один музей, продавая добытое иностранцам на рижском рынке. А про музей в Сибири узнал из сюжета по Центральному телевидению, в котором о нём, его экспонатах и рассказывалось. Дважды крали кош-карагайские статуэтки. Первый раз их нашли. После второго позолоченная «танцовщица» (изображение одного из индуистских богов) вернулась без драгоценных инкрустаций, а вот на память о «многорукой богине» остались только подставка и статья с фотографией из журнала «Уральский следопыт». После этих краж Михаил Григорьевич стал горько шутить: дескать, необразованные воры, крадут не то, что надо, настоящая-то ценность - старинные Евангелие и Псалтырь, лежащие в той же витрине. И что же? Вскорости (было это года два назад) выломали ночью двери, украли все эти книги, бронзовые литые иконки, а в довершение стащили из «уголка крестьянской хаты» железный кистень (чтобы не пропадал без дела, видно). А ведь одна из книг была рукописная, чуть ли не XVII века, с дарственными надписями! Теперь в музее железные решётки на окнах, дверях. Только что уже брать? Разве ведёрный самовар, подарок казахов, да статую Володи Ульянова - на цветной металл...

Вот так живёт равнецкий музей, поддерживаемый неутомимым Михаилом Григорьевичем Усольцевым. Сам он целиком посвятил себя любимому делу и общественной работе после того, как в 1972-м оставил должность директора, а через четыре года - и преподавательскую работу, отдав её молодому поколению учителей. Тем более пенсия, как у фронтовика, вполне по российским меркам сносная, а вот за музейную работу получает около пятисот рублей, притом в основном за руководство лесничеством, да ещё из них двести вычитает собес за совмещение работы с пенсией. И ещё радость на склоне лет - удалось собрать вокруг себя всех сыновей, выманив их с семьями из города. «Село я всегда любил и им привил эту любовь». Наверное, эта любовь к родному краю и подвинула Михаила Григорьевича на создание музея, маленького островка остановившегося времени среди бескрайней пришимской лесостепи, среди природы с её круговоротом времён.

ЖУРНАЛЫ ЛЕТ МИНУВШИХ

Н.М.ЧЕРНЯКОВСКИЙ, В.И.ШТЕЙНГЕЙЛЬ

Статистическое описание Ишимского округа
Тобольской губернии

Окончание. Начало см. «Коркина слобода». 2000 г. Вып.2.

Д. ХОЗЯЙСТВО.

Собственно экономическая часть Ишимского Округа, ни в государственном, ни в частном отношении, не представляет обзорателю важных предметов. Источники богатства государственного или казенного, и частного, на котором первое зиждется, очень ограничены, тем не менее удовлетворительны.

И. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО. – Оно состоит из: а) оброчных статей, б) продажи соли и вина и с) доходов с прямых и косвенных налогов.

Ишимский округ

А) ОБРОЧНЫЕ СТАТЬИ. По казенному хозяйству, ведомство Министерства Государственных Имуществ имеет здесь 32 оброчные статьи, в которых числится удобных земель: 1,199 десят. 1,148 саж. Под пашнями, 2,896 десят. 1,768 саж. Под сенокосными лугами, и только в одной, подгородной статье, 24 десят. 1,084 саж. Под лесом; вообще 3,120 десят. 1,600 саж. При существующем еще прежнем порядке вещей, статьи эти отдаются с торгов, производимых в Окружном Совете и утверждаемых Казенною Палатою. Вызовы делаются через Земский Суд и Волостные Правления. Срок владения или пользования назначается трехлетний. Чаще бывает, что они остаются в одних и тех же руках. Вообще безошибочно можно сказать, что оброчные статьи не приносят казне того дохода, какой приносить могли бы. Настоящий Начальник Губернии обратил на это внимание: все обстоятельства, касающиеся до этого предмета обстоятельно приводятся в известность. Ныне, из 32 оборочных статей отдается только 20, в которых заключается 78 десят. 662 саж. пашенной земли, 966 десят. 559 саж. сенокосной, 24 десят. 1,084 саж. под лесом. Со всех получается в год 589 р. 14 2/7 к. сереб.; выходит по количеству всей земли, 966 десят. 559 саж. сенокосной, 24 десят. 1,084 саж. под лесом. Со всех получается в год 589 р. 14 2/7 сереб.; выходит по количеству всей земли, не более как по 55 к. сер. с десятины.

Б) ПРОДАЖА СОЛИ И ВИНА По ведомству Министерства Финансов, продажа соли приносит здесь весьма незначительный доход. За нее выручает-

ся только 369 руб. 2 $\frac{3}{7}$ коп. серебром. Стало, судя по цене 37 $\frac{1}{7}$ коп. за пуд, ее не продается и 1,000 пудов, или 40,000 фунтов: пропорция, по населению Округа, чрезвычайно малая. Этого явления конечно нельзя приписывать малому употреблению, или отвращению от соли жителей. Скорее объяснения тому надо искать: во-первых, в дозволенном вывозе соли из иностранных озер, с очисткою ее пошлиною у Станичных Начальников в крепостях и редутах; во-вторых, в существовании, внутри самого Округа, такого большого соленого озера, каково Медвежье, находящееся между устраненными волостями Утчанской и Петуховской. Производимые, по доносам, следствия о выламывании из этого озера соли, хотя не обнаружили действительности факта, но и не отвратили подозрений. Очень значительная садка соли на Медвеьем Озере в те годы, когда бывает жаркое лето, стоила бы того, чтобы это озеро было взято в казенное ведомство. Когда об этом было действительно помышляемо, то найдено, что соль не имеет надлежащего вкуса, какой признается безвредным. Сколько для этой причины, не менее и по непостоянной садки, озеро оставлено свободным. Нельзя дивиться, если оно вводит в искушение соседственных крестьян, которые во вкусе не разборчивы. В городе Ишиме прежде находился Соляной Пристав, но, по малому расходу соли, отменен; и эта часть поручена теперь Казначеем.

Вина казенного по всему Ишимскому округу должно выпродаваться непременно, считая на полугаре, одного пропорционального 36,000 ведер, а с условным 53,000 ведер. Сверх того, продается добавочное, по требованию откупа, и своекоштное, по надобности. Продажа производится в 36 питейных домах, 6 выставках, 11 штофных лавочках и в 1 ведерной. Из них, 4 питейных дома в самом городе Ишиме, и столько же в Петропавловске. В последнем, сверх того, находится 3 штофных лавочки и 1 ведерная. Из крепостей и редутов, только в одной Пресновской, выставка. Из числа питейных домов только 1 наемный в городе Ишиме, прочие казенные; выставки все в наемных домах; 3 штофные лавочки и 1 ведерная в Петропавловске, в зданиях, принадлежащих откупцу; прочие штофные лавочки при питейных домах. Откупная сумма со всего округа составляла 127,142 р. 85 $\frac{5}{7}$ коп. сереб. Собственно за 53,000 ведер вина пропорционального и условного платится по 57 $\frac{1}{7}$ к. серебром с ведра, что составит 30,285 р. 71 $\frac{3}{7}$ серебром. Выходит, что винная продажа вообще с Ишимского Округа доставляет в год собственно казне 157,428 р. 57 $\frac{1}{7}$ к. сереб. В Окружное Казначейство поступило однако ж, в 1841 году, 141,011 р. 14 $\frac{2}{7}$ к. серебром. Недоплаченное количество 16,417 р. 42 $\frac{6}{7}$ к. сер., по предоставленному условиям праву, было отсрочено на шесть месяцев, с представлением от откупа обеспечения.

В) ДОХОДЫ С ПРЯМЫХ И КОСВЕННЫХ НАЛОГОВ, И ОБОРОТ ПО КАЗНАЧЕЙСТВУ. Прямые налоги, или собственно подати, гильдейская, подушная и оброчная в 1841 году, принесли со всего Округа казне 186,124 р. 36 к. сер.

Налоги косвенные или так называемые «неокладные сборы» в том же году доставили казне 340,203 р. 62 $\frac{2}{7}$ к. сер. В том числе, дали:

Свидетельства на право торговли	4,990 р. 32 $\frac{1}{7}$ к.сер.
Подорожные	46-80 к.сер.
Поверстные пошлины*	51-28 к.сер.
Гербовая бумага	3,731 р. 70 к.сер.

Употребление простой бумаги вместо гербовой	422 – 19 4/7 к.сер.
Паспорты	2,565 – 94 5/7 к.сер.
Пошлины с купчих крепостей, мировых прошений, дарственных записей и раздельных актов	179-40 4/7
Штрафные по делам и другим случаям и вычет за повышение чинами	917-26 1/7
Выморочное имение	44 – 59 2/7
Рекрутские складочные и пеня за несрочный платеж этих денег	113-61 4/7
Ведомства Государственного Казначейства поступило разных начетов и взысканий	10,197 – 60 3/14
Стало, весь годовой доход казны, считая с откупной суммой и с выручкой за соль, составлял в 1841 году	351,981 р. 51 5/14 к.сер.
От 1840 года оставалось в Казначействе от общих доходов	39,339 р. 54 5/14 к.сер.
Итак, по балансу Окружного Казначейства, значилось в 1841 году на при- ходе казенных сумм всех	390,677 р. 34 4/7 к.сер.
Но с отсроченными откупу	16 4/7 – 42 6/7
должно считать годовой доход в	407,094 – 77 3/7 к.сер.
Из этого числа употреблено по штампам на жалованье, пенсии и дру- гие расходы по Округу	17,355 – 33 3/7 к.сер.
На счете Главного Казначейства по указам Казенной Палаты израсходовано	71,144 – 16 5/7 к.сер.
Затем выслано в Главное Казначейство	282,000
Осталось в Казначействе в наличности	20,177 – 84 3/7 к.сер.
Разных сумм, другим местам принадлежащих, оставалось от 1840 года	12,544 – 35 к.сер.
В 1841 году поступило	20,634 – 71 к.сер.
Из них выдано по разным взысканиями	482 – 83 2/7 к.сер.
Из сборов земских повинностей, за наем почтовых, обывательских, земс- ких и этапных лошадей, на отопление и освещение воинских и арестантских помещений и на другие подобные расходы	22,784 р. 55 3/7 к.сер.
Затем, оставалось к 1842 году	9,911 – 67 2/7 к.сер.
Вообще наличные суммы по Казначейству к 1842 году составляли	30,089 р. 51 5/7 к.сер.
Из сравнения штатных расходов с годовым приходом оказывается, что на содержание всей администрации округа, с пенсионерами, издерживается око- ло 4 □ процентов.	
В 1824 году, при самом начале преобразования по новому Сибирскому Учреждению, когда годовой казенный доход округа простирался только до 721,000 р. ассигн. или до 206,000 руб. серебр., издерживалось по штатам на	

* Причина малого сбора с подорожен та, что здесь редко ездят на почтовых, потому что сами обыватели охотно, скоро и дешевле возят, довольствуясь от 7 до 10 к. медью на тройку и на версту, судя по времен.

содержание присутственных мест и на пенсии 19,717 р. 64 1/2 к.асс. или 5,633 р. 61 1/7 к.сер., следовательно около 2 □ процентов.

II. ЧАСТНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. – Состоит из: а) хлебопашества и б) скотоводства.

А) ХЛЕБОПАШЕСТВО. Ишимский, Курганский и Ялуторовский округа могут почитаться житницами Тобольской губернии. Хлебопашество здесь составляет главную отрасль сельского благосостояния. Оно тем прочнее, что очень редки примеры, чтобы неурожай был повсеместный и причинял всеобщее оскудение в пропитании, или дороговизну, какая была в 1821 и 22 годах, когда четверть ржи продавалась от 12 до 15 руб., а пшеницы по 18 руб. ассигнац. Дурная жатва, большей частью, бывает последствием нападения кобылки, как было в 1817 и 1825 годах; иногда случается от недостатка в разных местах благовременных дождей, или наконец от града. Хотя грунт земли более иловатый и песчаный, а местами только чернозем; но нигде никто еще его не удобрял. В естественном качестве земля достаточно вознаграждает труд земледельца, почти ничтожный в сравнении с тем трудом, какой прилагается во многих губерниях России для вспахивания и удобрения земли. На распаханном вновь поле, в первые годы, часто урожай бывает самдесять; но потом начинает ослабевать. Вообще, сняв хлеба три и более, пашню оставляют залежью; и она отдыхает не редко от 15 до 20 лет. Впрочем, по уверению крестьян, где нет в излишке земли, там пашня может служить 15 лет и более.

Пахать обыкновенно начинают между 23 апреля и 9 мая. За сенокос принимаются после Прокофьева дня (8 июля). Жатва начинается с Ильина дня (21 июля), и продолжается весь август. Ввелось в обычай с Семенова дня (1 сентября), отворять покотины и выпускать скот на пашни и луга. Уборка, однако ж, со всеми последующими работами, не редко продолжается до Покрова (1 октября). Молотить начинают в зимние ночи. Часто бывающие сухие осени, сильные ветры и сильные морозы, предваряющие снег, служат причиною, что здесь вообще в шесть раз более засевают яровые хлеба, нежели озимый.

Земли так еще много, что крестьяне всегда имеют места для новой распашки. Есть зажиточные крестьяне, которые засевают от 80 до 100 десятин, сена ставят от 1,000 до 2,000 копен, имеют по 50 и по 70 лошадей, до 40 коров и до 100 голов мелкого скота. Нельзя не признать, что это пример земледельческого благосостояния очень редкий в России. Крестьяне среднего состояния вспахивают от 15 до 25 десятин: у таких и скота втрое меньше. Но есть и немало таких, которые, имея три, четыре лошади и две, три коровы, засевают от 1 до 3 десятин: эти последние всегда почти бывают неплатными работниками первых, и оттого, при бедности, всегда почти после всех убираются с жатвою. Такое отношение неравенства состояний делает чрезвычайно ощутительным неуравнительность подушной подати. С полной уверенностью сказать можно, что благотворное измерение Правительства заменить эту подать поземельною, нигде может быть не произведет таких благодетельных последствий к обоюдной пользе, как здесь, и вообще в Сибири. Это так очевидно, так ощутительно, что не требует никаких разъяснений.

По отчетам 1841 года во всем Округе считалось засеянным 12,890 десятин озимым хлебом и 79,991 десятина яровым и семенами. В последнем числе было:

Под ярицею	30,529	десят.
Под пшеницею	21,746	десят.
Под ячменем	3,628	десят.
Под овсом	18,545	десят.
Под горохом	2,395	десят.
Под просом	5	десят.
Под коноплей	1,296	десят.
Под льном	1,795	1/2 десят.
Под картофелем	51	□ десят.

С просом или вместо проса сеют иногда и гречиху, но очень мало, ее более привозят из Курганского и Ялуторовского округов. Озимого хлеба, более всех волостей, посеяно было в волости Аромашевской и именно 3,725 десят. (более даже нежели ярового, которого в посевах там было 3,214 десят.), и в волости Готопутовской, где засеяно было 2,100 десятин. Менее других сеяно в волостях: Гагарьевской – 11 □ десят., Частоозерской – 16 десят., Казанской – 24 десят., Утчанской – 32 десят. Ярового хлеба вообще посеяно было наиболее в волости Теплодубровской, именно 4,602 десят.; наименее в волостях: Утчанской – 1,121 □ десят и Сладковской – 1,248 десят.

Урожай 1841 года был выгоднее урожая предшествовавшего 1840 года. Жатва принесла вообще в зерне: озимого 44,507 четвертей 6 четвериков; ярового – 608,043 четверти 4 четверика. Хотя озимого было менее против предыдущего года 16,448 четвертями 2 четвериками; зато ярового было более 70,419 четвертей 4 четверика 4 гарнца.

Из обмолоченного хлеба оставлено на посев: озимого – 12,026 четвертей 4 четверика; ярового – 152,443 четверти.

На собственное продовольствие сельских жителей отчислено: озимого – 26,784 четверти 3 четверика, ярового – 299,764 четверти 7 четвериков. Затем в чистом прибытке осталось: озимого – 5,694 четверти 7 четвериков, ярового – 155,836 четвертей.

По соображению с урожаем и по сведениям, доставленным от Волостных Правлений, утверждены были по Округу следующие справочные цены: за куль муки в 7 пудов 10 фунтов – 1 р. 55 1/7 к.; за четверть ржи в 8 четвериков – 2 р. 7 1/7 к.; за четверть овса – 1 р. 64 2/7 к.; за четверть яичных круп – 4 р. 63 6/7 к.; за пуд гороху – 43 4/7 к.; за пуд сена – 8 1/14 к.; за пуд соломы – 2 2/7 к. серебром.

Для обмола хлеба в Округе находится мельниц 2,127 ветряных и 225 водяных. Из последних, 38 на реке Ишим. Механизм и все устройство этих мельниц, как легко можно себе представить, находятся в самом жалком и грубом состоянии. Одна мельница получше других: это при слободе Абатской, принадлежащая приходской церкви и находящаяся в аренде у Ишимского купеческого сына Постникова. Ветряные мельницы еще более в плохом состоянии, все это лишь бы кое-как вертелось. За помол обыкновенно платится по 50 к. ассигн. с четверти. Главный сбыт хлеба: а) казенные закупы для Успенского винокуренного завода и для линейных и заграничных магазинов; б) частные покупки для Падунского, Успенского и других винокурен-

ных заводов или от откупов для выкурки своекоштного вина; в) своз зимой в окружной и губернский города, а из южных волостей в Петропавловск. Само собой разумеется, что не все количество остающегося за продовольствием хлеба уходит в продажу. У многих зажиточных крестьян есть житницы, наполненные запасами на черный день и более на благоприятный для сбыта случай.

На 1842 год посеяно было ярового хлеба:

Ярицы на	13,197 1/2 дес.	-	48,344	ч.	2 ч.
Пшеницы	27,381	-	38,818	-	« -
Ячменю	4,176 1/2	-	6,113	-	« -
Овса	22,410 1/2	-	64,019	-	4 -
Гороху	3,000	-	2,652	-	3 -
Проса	43 1/2	-	20	-	5 -

Вообще на 90,209 десятинах посеяно было 159,967 четвертей 6 четвериков. Стало, 7,524 четверти посеяно более, нежели сколько предполагалось по количеству, отделенному из урожая на посев. Сверх того, посеяно семян: конопли – на 1,262 1/2 десят., 2,050 четверт. 4 четверика; льну – на 2,176 десят., 1,915 четверт. и 4 гарнца.

Овощи – огурцы, капуста, редька, свекла, морковь, репа, брюква, бобы, тыквы, картофель – сажаются и сеются по огородам и на полях, в достаточной пропорции для собственного потребления, а в ближних к городу волостях, для продажи на рынке. Особенно много сеют везде луку. В южных волостях сажают арбузы и дыни. В городе и в некоторых других местах разводят табак, сеют также садовый хмель и мак. Картофель почти повсеместно разводился в огородах: жители давно с ним знакомы; и потому исполнение благотворной Высочайшей воли на счет разведения картофеля не встретило здесь ни малейшего затруднения: жители охотно последовали приглашению Начальства и на 1842 год засеяно уже было им 213 1/2 десятин, вчетверо более прошлогоднего.

Здесь прилично заметить, что из всего количества пахотной земли засеивается менее двух третей, и сверх того 104,000 десят. находятся в запасе. Если все количество податей, платимых по числу ревизских душ, разложить на число засеваемых действительно десятин, то придется около 2 р. сер. на десятину; если же разложить на все количество пашенной земли, то причтется только около 1 1/2 р. сер. на каждую десятину. Судя по доходу, какой может приносить здесь десятина земли, раскладка далеко не обременительна. Взять, например, десятину ярицы: ее сеется около 3 1/2 четвертей; полагая урожай сам пять, десятина принесет 17 1/2 четвертей; стало, за возвратом посева 14 четвертей: итак, по справочной цене по 2 р. 1 1/7 к. сер. за четверть, десятина принесет до 29 р. сер.

Благое соизволение Государя о введении «общественной запашки», не приведено еще в исполнение. Оно будет истинным благодеянием для бездомовых, какие есть не только в числе поселенцев, но и в числе крестьян. В каждой волости по числу таких людей предполагается засеивать по 1/2 десят. на душу ржаным хлебом и по 1/8 десят. яровым; так чтобы первого, при урожае 14 четвертей на десятине, за отчислением на засев 1/2 десятины 3 четвериков, оставалось на продовольствие 3 четверти и 1 четверик; а второго, при урожае 20 четвертей на десятине, за исключением на засев 1/8 десятины 3

четвериков, для 1/8 продовольствия оставалось 2 1/2 четверти. Нет сомнения, что предположение это вскоре осуществится.

Б) СКОТОВОДСТВО. Вторую главнейшую часть сельского хозяйства составляет здесь скотоводство. Скот, как конный, так и рогатый, большею частью, если не вообще, степной, киргизский, мелкой породы. Он привычен к климату, крепок, плодущ. У зажиточных только хозяев скот бывает несколько призрен, но по большей части он подвергается всей суровости непогоды и холода, едва укрытый в плетнях, накрытых жердями и соломою. До самого снега в позднюю осень скот скитается по полям и питается подножным кормом, жнитвом и отавою. Даже за коровами не прилагают хозяйки должного ухода. Поутру выпустить скотину, ввечеру загнать, дать сена, напоить, подоить коров: более ничего уже здешние хозяева по этой части сельского хозяйства не разумеют. Они знают только, что чем более будет у них приплода рогатого скота, тем более продадут сала и кож: и это главная цель скотоводства, или лучше «скотоплодства». Лошади здешние быстры довольно в бегу: пятнадцать, двадцать верст уехать на них в час, дело не редкое; ценой бывают от 10 до 50 руб. серебр. Лучшие коровы в летнюю пору дают не более ведра молока: цена им от 5 до 14 руб. серебр. Кроме конного и рогатого скота, держат много мелкого: овец, коз и свиней.

По отчетам 1841 года, в целом округе считалось 91,397 голов конного, 56,923 рогатого и до 133,000 мелкого скота. Средним числом приходится на каждое селение по 204 лошади, по 127 штук скота рогатого и по 297 мелкого.

Это количество скота находилось после бывшей, в 1840 году, на скот заразы, от которой погибло рогатого и конного скота 5,621 голова. Убыток крестьян оценен приблизительно с небольшим в 24,000 руб. серебр. Зараза распространилась от заграничного скота, когда во время бывших в степи беспокоев, отогнанные у Киргизов табуны и стада выгнаны были в пределы Округа. Если, при столь частых посещениях подобными бедствиями, скотоводство, разумеется, в диком его состоянии, может поддерживаться с таким успехом, то легко себе представить, каково было бы оно, когда бы найдены были лучшие предохранительные и спасительные средства против заразы, и когда бы скотоводством занимались здесь по точным правилам сельского хозяйства.

Е. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Обращаясь собственно к промышленности и торговле, везде соединенных так тесно между собою, должно сказать, что первая находится здесь еще в самом ограниченном развитии. Звероловство, птицеводство и рыбный промысел так малозначительны, что не стоят, чтобы упоминать о них. Очень немного крестьян, которые занимаются стрелянием волков, зайцев и частью лисиц: этих зверей ловят также петлями и так называемыми капканами. Гораздо более стреляют птиц, тетеревов, куликов, куропаток, журавлей, лебедей, гусей и уток: особливо зимою в этой дичи нет недостатка на базарах. По рекам Ишиму и Вагаю местами, а также и на озерах, занимаются крестьяне промыслом рыбы, но этот промысел не имеет никакой значительности, и Округ довольствуется лучшей рыбою, и в большом количестве, привозной

с Иртыша, из Тобольского округа, или с озера Чанов, находящегося на границе Омского и Каинского округов: оттуда целые обозы приходят с рыбой в Ишим, по первому зимнему пути. Овцеводство, значительное числом, незначительно по выгодам. Шерсть овец Киргизской породы очень груба и не годится на фабричную обработку. В трех южных волостях, Теплодубровской, Соколовской и Боголюбовской, переселенцами из губерний Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Рязанской, положено начало разведению шленских овец. Их считается уже до 2,000 голов. Шерсть с них снимается два раза в год, и продается на суконную фабрику в Омск по 5 р. 71 3/7 к. серебр. пуд. Нет никакого сомнения, что эта отрасль промышленности может со временем достигнуть гораздо большего развития, тем более, что, как замечено, зараза, столь губительная для конного и рогатого скота, вовсе не действует на скот мелкий и, со старательным присмотром, лучших пород овцы могут очень хорошо здесь плодиться. Порядочную отрасль промышленности составляет здесь выделывание крестьянками холстов разной доброты, начиная от грубых половых до тонких. Низких три сорта: первой вытывается из подотрепок льняных и продается от 8 до 10 к., второй сорт называется «изгребной», который употребляется уже в носку и продается от 10 до 18 к., третий «пачесной», гораздо добротнее, от 18 до 20 к. за аршин. Из чистого льна вытканый холст бывает ценою от 20 до 25,35 и 40 к. медью. Из конопли делают холст только средней доброты. Самый высший льняной сорт холста бывает и в 50 к. аршин, но такого очень не много. Вообще всего холста вырабатывается до 200,000 аршин: он вывозится на сельские ярманки и покупается тюменскими, омскими и тарскими купцами. Разумеется, что все крестьяне и крестьянки употребляют белье домашнего изделия. Пестреда, брани и теши вырабатывается очень мало. Наконец, некоторые крестьяне ткнут домашние сукна, делают всякую деревянную посуду, а иные выделывают небольшое количество дублени, но более покупают для обуви и для конской сбруи кожи изделия Тюменского, которые во множестве привозятся на сельские ярманки. Кузнечное ремесло стало несколько распространяться. В 1822 году, когда еще Петропавловск с 3 крепостями и 14 редутами принадлежал также к Ишимскому Округу, в нем считалось только 200 кузниц, а ныне их 268. Стало, в течение 20 лет на каждые 3 кузницы явилась новая. Но и теперь по числу селений выходит на 5 селений только 3 кузницы.

Очень ясно, что собственно промышленность едва приметным образом питает здесь торговлю. Последняя привлекается только тем, что дает земля и пасущиеся на ней стада. Кроме хлеба здесь закупается масло, сало и сырые кожи. Убивая скот, крестьяне продают и мясо. Последний падеж скота сделал довольно приметное возвышение в ценах на эти предметы, почти в полтора раза. Сало нетопленое продавалось крестьянами по 2 р. сер. пуд, масло – 4 р. 50 к., кожа – 2 р., лучшей говядины пуд – 1 р. 14 3/7 к. сер. Масло и сало, по перетопке на заводах, равно и кожи, вывозятся на Ирбитскую ярманку, откуда первые два предмета отправляются в Петербург. Одного сала вывозится до 50,000 пудов, стало не менее как на 100,000 руб. серебр. по местной цене. Кроме частных покупок, главный закуп сала бывает на зимних ярмарках в городе Ишиме и в слободе Абатской. Это два главные рынка для сбыта сельских произведений вообще. В городе бывают две ярманки – Никольская (9 мая и 6 декабря) и третий торг собственно лесным товаром и

деревянной посудой – в Воскресенье на Первой Неделе Великого Поста. В слободе Абатской также две ярманки: Петропавловская (29 июня) и Крещенская (6 января). Сверх того бывают еще сельские ярманки и торги в следующих селениях: в слободе Устьламенской, в мае или июне (в девятую пятницу по Пасхе) и 1 ноября (Космодемьянская), в селе Частоозерском, в исходе мая и 30 ноября, в селе Боровском 8 июля и 8 ноября, в селе Фирсовском 23 апреля и 26 ноября, в селе Аромашевском 1 октября (Покровская), в селе Каменском 6 января и 15 августа, в селе Красноярском 6 января и в конце мая или в начале июня, в селе Ильинском 20 июля и 14 сентября, в селе Казанском 6 января, 9 мая, 1 августа и 6 декабря, в селе Армизонском 6 января, 8 июля и 1 августа, в селе Петуховском 6 января и 8 ноября, в деревне Черемшанской 24 июня и 29 августа (в дни Рождества и Усекновения Главы с.Предтечи Господня и Крестителя Иоанна, которого икона, чтимая окрестными жителями, как чудотворная находится тут в часовне). Эти 2 ярмарки и 1 торг в окружном городе и 28 сельских ярмарок учреждены вообще на храмовые и престольные местные праздники. Они показывают между прочим довольно порядочное внутреннее движение промышленной изворотливости. Из сельских ярмарок, после Абатских, значительнее прочих Устьламенская. На ту и на другую съезжаются торговцы из Тобольска, Тюмени, Ялуторовского, Кургана, Петропавловска, Омска, и даже из Шадринска и Екатеринбурга. На них привозится и так называемый «панский товар», то есть шелковые и бумажные материи, и тонкие сукна. Оборот ярманки Абатской простирается до 92,000 руб., а Устьламенской до 64,000 руб. серебр. Прочие ярманки и торги далеко не имеют этой значительности и на них свозятся товары только на крестьянскую руку. Выше было замечено, что из крестьян занимаются торговлей, по свидетельствам 3 рода, только 17 человек; стало, по сравнению с числом всех крестьян мужского пола, на 3,415 земледельцев приходится 1 торгаш. Это также, некоторым образом, подтверждает, что выгода здесь на стороне земледелия, а не промышленности. В отношении к торговле несколько отличаются Станичные Казаки. Имея более оборотливые сношения с заграничными Киргизами, которых и язык многим из них известен, они тут находят свою пользу. Закупая у Киргизов скот, они также из городской ярманки являются с лошадьми, с салом и с кожами.

Наконец, в отношении к промышленности остается заметить, что в целом Округе, кроме салотопенных заводов при городе Ишиме и нескольких мелких мыловаренных заведений, не стоящих названия заводов, нет никаких фабрик. Очень простой расчет мог бы указать на удобность заведения свечных заводов и выделки стеарина. Но тут, кажется, препятствуют два главные обстоятельства: недостаток капиталов в предприимчивых руках и недостаток надежных рабочих рук. Последние можно бы находить между поселенцами, но нет еще прочных и положительных правил, которая бы в подобных случаях обуздывала их своеволие и доставляла достаточное обеспечение для предприимчивости.

Ж. ПОВИННОСТИ.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИЛИ КАЗЕННЫЕ ПОВИННОСТИ. От источников благосостояния народного, обращаясь к отправлению повинностей, как к результату, можно с уверенностью сказать, что по Ишимскому Округу эта часть

находится при настоящем распорядке в возможно удовлетворительном состоянии.

А) ПОДАТИ. По состоянию губернии в третьем разряде относительно сбора податей крестьяне Ишимского Округа вообще платят по 8 р. подушных и по 3 р. оборочных, вообще по 11 р. асс. или по 3 р. 14 2/7 к. серебр. с ревизской души. Казенные подати со всех состояний, в Округе живущих, по смете составляют 204,187 р. 94 5/7 коп. серебр. И как, по числу ревизских крестьянских душ, приходится только 180,390 р. 51 1/7 к. серебр.; то выходит, что 3,797 р. 37 4/7 к. или 1/54 доля всей суммы, платится другими состояниями.

Сбор податей производится два раза в год: а) в окончании сельского хозяйственного года, с 1 января по 15 марта, с отсрочкой по 1 апреля, за первую половину года; б) осенью, по окончании сельских работ, с 1 ноября по 1 декабря, с отсрочкой по 1 января, за вторую половину года. Деньги собираются в каждом селении через Сборщика из выборных Десятников, под непосредственным наблюдением и настоянием Старшины. По собрании всей суммы, каждый раз представляется она Старшинами в Волостные Правления, а оттуда Волостными Головами, каждым за всю свою волость отвозится прямо в Окружное Казначейство, которое выдает квитанцией и, если окажется недоимка, сообщает Земскому Суду о понуждении ко взносу. Оттого при сборе податей со стороны казенной, не теряется ни одного процента.

Б) ПОСТАВКА РЕКРУТ. Другая собственно государственная, так называемая «рекрутская повинность», отправляется в Ишимский Округ с должною исправностью. При нынешнем порядке, всякое семейство наперед уже знает свою очередь и готовится к ее выполнению, или, как здесь говорят, «отбытию». В наемщиках или охотниках идти в службу за других, нет недостатка. Нельзя не заметить, в этом отношении, влияния, какое производят на умы бессрочно отпускные и отставные солдаты. Устрашающая идея о вечной разлуке и о трудностях, сопряженных с военным званием, кажется, совершенно или почти уже совершенно исчезла. Наем рекрута стоит однако ж различно: от 200 до 300 р. серебр., и более. Количество денег умеряется иногда особенными условиями, как например, обязанностью содержать и кормить до смерти устарелую мать и т.п.

Складочных рекрутских сходит по 15 □ коп. серебр. с ревизской души. Сдача каждого рекрута, исключая наградных, которые выдаются в некоторых только волостях, стоит обществу 30 р. 86 2/7 к. серебр. В набор 1838 года сдача рекрут производилась в самом городе Ишиме, как в центральном месте южной части губернии, но, в 1840 и 1841 годах место приема было в Омске: и это делало значительную разницу в издержках и во времени, употребляемых на проезд. Многие, зная очередь и нанимая охотников прежде объявления набора, сдают рекрут предварительно в постоянное Рекрутское Присутствие в губернском городе. Особенности меры, принятые в последнее время, по распоряжению Начальника Губернии, охраняют отдатчиков от тех уловлений со стороны услужливых посредников, которым, по простоте и неопытности своей, отдатчики прежде попадали, умножая понапрасну свои издержки.

По числу ревизских душ при наборе 2 рекрут с 500, с Ишимского Округа ставится 229 человек.

II. ЗЕМСКИЕ ПОВИННОСТИ. Она суть: или а) денежные, или б) натуральные.

А) ПОВИННОСТЬ ДЕНЕЖНАЯ. Предметы денежного сбора на так называемые земские повинности заключаются собственно: а) в найме почтовых, этапных, земских и обывательских лошадей; б) в расходах на отопление и освещение воинских и арестантских помещений и т.п.; в) в расходах, относимых, по недостатку других сумм на счет земских сборов, как, например, в подкрепление доходов губернского города и т.п.

Во внимание к неровным средствам и к различному благосостоянию жителей, все волости в губернии относительно денежных сборов на земские повинности, расписаны на четыре разряда. В Ишимском Округе нет волостей первого и второго разряда. К третьему разряду принадлежат 11 волостей: Абатская, Армизонская, Казанская, Ильинская, Ларихинская, Гагарьевская, Красноярская, Бердюжская, Утчанская, Уктузская и Тоболовская. К четвертому разряду относятся 18 волостей: Жиляковская, Черемшанская, Медведевская, Боровская, Фирсовская, Челноковская, Готопутовская, Аромашевская, Локтинская, Каменская, Малышенская, Сладковская, Петуховская, Теплодубровская, Боголюбовская, Соколовская, Устьламенская и Частоозерская. С волостей третьего разряда собирается с ревижской души по 34 к. серебр.; с четвертого разряда – по 30 к. серебр. В пятый разряд относятся: одноворцы, ясачные и войсковые обыватели, с них берется по 24 коп. серебр. с души.

Б) ПОВИННОСТЬ НАТУРАЛЬНАЯ. В натуральную земскую повинность входят: а) земская и обывательская гоньба; б) исправление мостов и гатей и вообще дорог; в) содержание почтовых домов; г) доставление квартир проезжающим чиновникам и проходящим воинским командам или собственно «квартирная повинность».

Земская гоньба, как сказано выше, частью, то есть по Линейному тракту, отправляется наймом, по положению Совета Главного Управления Западной Сибири 21 сентября 1839 года. Это особенно лежит на 16 волостях Петропавловской и Бердюжской дистанций, то есть на всех волостях этих двух дистанций, кроме Армизонской. Но по другим пунктам выставка лошадей делается натурой, каждой волостью особо, с соблюдением личной очереди. Также точно отправляется обывательская или сельская гоньба для частных разъездов по проселочным дорогам земских чиновников и рассыльных.

Исправление мостов, гатей и дорог вообще, составляя главный предмет натуральной или личной повинности, всегда обращало особую заботливость Начальства по тем неудобствам, которые возбуждали почти беспрестанное неудовольствие и самые жалобы крестьян на неуравнительность участков и безвременность нарядов. В 1833 году Совет Главного Управления Западной Сибири постановлением, состоявшимся 4 декабря, возложил эту повинность на соединенные силы жителей целого Округа, потом предположено уравнивать участки на основании правил, постановляемых государственными узаконениями. К производству самих работ на дорогах, должны отряжаться люди из всех волостей по числу тяглых душ и по мере надобности, в свободное от полевых работ время. При распределении, на таком основании отправление этой повинности, существует затруднение в особенном обстоятельстве. Совпадение трактов главного почтового с этапным в одной Готопутовской волости служит причиной, что эта волость обременена преимущественно перед прочими. Поэтому те же 16 волостей Петропавловской и Бердюжской

дистанций приписаны к участкам тракта в этой волости. Отсюда происходит, что жители самых отдаленных в юго-западной стороне волостей, как то Петуховской, Утчанской и других, обязаны отъезжать от домов своих верст за 300. Истрачивая за один проезд не менее 1 \square руб. серебром с каждого, чтобы не тратить и времени в отлучке от домов, они обыкновенно нанимают за себя тех же местных крестьян и, разумеется, не очень выгодно. А как высылается иногда человек по 200, то одним проездом тратится до 300 руб. сер. Таким образом, исправление дороги по тракту в Готопутовской волости, крестьянам других волостей стоит, может быть, вдвое более настоящего. В 1841 году начальство собирало точнейшие по этому предмету сведения, и нет сомнения, что примутся лучшие меры. Справедливость требует присокупить, что состояние дорог в Округе еще не совсем удовлетворительно. Многие мосты требуют перестройки, а гати – возвышения.

В Ишимском Округе, как и во всей губернии, особо устроенных почтовых домов нет. Станции помещаются в обывательских домах и содержание их возложено на те волости, через которые пролегает тракт. Обыкновенно дома более отводятся по очереди, нежели нанимаются. Но, и в этом случае, Готопутовской волости, как отягощенной наиболее, вспомоществуют те же 16 устраненных от больших трактов волостей. Это вспоможение в 1841 году с подрядом двух пекарей для арестантских партий, стоило 114 р. 28 $\frac{4}{7}$ к. сереб.

Что касается, наконец, до квартирной повинности, то она по всем трактам выполняется от всех сельских обществ, назначением квартир по очереди: для чиновников, на полгода или на год; для проезжих или проходящих воинских нижних чинов и команд кантонистских и рекрутских партий, единовременно.

III. НЕДОИМКИ. Относительно исполнения повинностей вообще, не требуется никогда особенных понудительных мер. Нельзя впрочем не заметить, что личные или так называемые натуральные, всегда более влекут уклонений, споров и неудовольствий, нежели денежные. По взносу подушной подати и по сборам на земские повинности и складочных рекрутских, казначейство в 1841 году считало в недоимке: на крестьянах – 3,584 р. 62 $\frac{5}{7}$ к.; на мещанах, проживающих в Округе и платящих по крестьянскому окладу, – 2,107 р. 89 $\frac{1}{7}$ к.; на Бухарцах, то есть на Ташкентцах, с 25 дымов – 2 р. 57 $\frac{3}{7}$ к.; на поселенцах – 2,922 р. 71 $\frac{6}{7}$ к.; на дворовых людях – 178 р. 53 $\frac{2}{7}$ к.; всего – 8,804 р. 34 $\frac{5}{7}$ к. серебром. Сверх того разных взысканий по частным особенным случаям и делам, как то штрафных, пенных, не взысканных за гербовую бумагу, неправильно переданных или издержанных, недоплаченных за оброчные статьи и т.п., считалось – 5,512 р. 31 $\frac{5}{7}$ к., вообще – 14,316 р. 66 $\frac{3}{7}$ к. сереб. По сличении с полным годовым доходом с Округа выходит, что в недоимке оставалось менее 4 0/0. И тут большая часть числилась на лицах, которые или находятся в известной отлучке, или переселились в другие местности, или давно уже умерли. По Всемиловейшему Манифесту 16 апреля 1841 года этого рода недоимки подлежат к сложению. Ожидалось только разрешение на то по законному порядку.

Ж. ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ.

I. ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ. При взгляде на жителей Округа, в отношении к телесным свойствам и общественному здоровью, можно заметить, что народ

здесь довольно крепкого сложения. Мужчины – роста более среднего и малого, нежели большого, темперамента горячего. Дородных и таких, о которых можно сказать «кровь с молоком», очень немного; и такие встречаются более с чистыми русскими лицами. Больше лиц смуглых и с азиатским оттенком, особливо в волостях южных. Черноволосых более, нежели светло-русых, тем менее рыжих. В приемах, особливо с лошадьми, они весьма живы, так как и во всех телесных движениях. Голос имеют сильный и далеко раздается по полю, когда крестьянин «гаркает» или «ревет», как здесь говорят, вместо «кличет» или «кричит». Женский пол не отличается красотой: более лиц с желтым или смуглым оттенком, редко встречаются черты замечательные особенной правильности. Сложением женщины также крепки, скоро, однако ж, стареют: за тридцать лет кажутся уже сорокалетними. Между тем, не менее мужчин достигают до глубокой старости. Говоря вообще, женщины здесь довольно плодовиты. Принимая средним числом продолжительности брачной жизни 22 года и соображая это число с числом ежегодных браков, выходит, что в целом Округе должно быть до 27,000 брачных пар, стало, по числу рождающихся почти из 4 браков, 1 непременно приносит плод.

II. БОЛЕЗНИ. По приметному золотушному расположению в детях можно заключать, что начало этой болезни находится в крови отцов и матерей. Есть признаки сифилитические. За всем тем, народ можно назвать здоровым. Болезни, важные в мужчинах, бывают большей частью от невоздержания; в женщинах – от простуды во время регул или от надсады при домашних работах, во время беременности или после родов. От небрежения в начале, такие болезни в своих последствиях превращаются в долголетние страдания.

III. ПОЛЬЗОВАНИЕ. По неимению к кому прибегнуть, обыкновенно или пробуют исполнять над собой все советы проезжих или следуют наставлению одной какой-либо старухи, доколе явное «хуже» не заставит обратиться к другой. Нельзя в этом отношении по чувству человечества не желать, чтобы Сельские Священники получали достаточное наставление к распознаванию болезней и пользованию их простыми средствами.

IV. БОЛЕЗНИ И СМЕРТНОСТЬ В МЛАДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ. Здесь, как и везде, никакой возраст не переходит в таком количестве и так скоро от болезни в челюсти смерти, как младенческий. Резь в животе и мыт, часто кровавый, истребляют детей сотнями, в июле и августе. Матери в это время, уходя на полевые работы, оставляют малюток на руках десяти- и двенадцатилетних девочек или самых дряхлых старух, которые часто наливают им в рожок или холодного молока, или даже квасу. Иногда сами матери, возвращаясь с поля, по неосторожности, не сцедя груди, тотчас припускают ребят и тем заражают их. От оспы не столько гибнет, хотя у большей части действует еще натуральная. Вообще яд ее, как заметно, много потерял силы. Это тем благодетельнее, что жители неохотно принимают прививание, как бы не доверяя ему: бывают примеры, хотя редкие, что после прививной, заражаются дети натуральной оспой, может быть, от слабости матери и первой, а этого уже достаточно, чтобы подорвать доверие простолюдина. По отчетам Оспенного Комитета в 1839 году из 12,206 младенцев была привита оспа только 2,292, но к следующему году их считалось только 6,375. В 1840 году из 10,382 младенцев прививание сделано 2,446, а к 1841 году осталось 4,916. Из этого

видно, что в первом – 3,539, а во втором – 3,020 младенцев, частью, самой малой впрочем, имели натуральную оспу, но более примерли; так что число умирающих младенцев по первому и по другому году составляет, наверное, половину числа всех умерших, как это замечается и в других местах; а до пятилетнего возраста умирает не менее 3/5 долей всего числа умерших.

I. НРАВСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЖИТЕЛЕЙ.

I. ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГОНРАВНИЕ. Рассматривая жителей Ишимского округа со стороны нравственной и держась строгой справедливости, должно сознаться, что не приметно прогрессивного хода в направлении к благонравию. Скорее можно, прислушиваясь к старикам, заключить, что их вздохи о потере прежней «простоты», то есть доброты нравов, не вовсе безосновательны. Впрочем, сохраняются еще благие черты, достойные похвалы, именно:

А) ПРЕДАННОСТЬ К ЦЕРКВИ. Начиная с веры, в которой главный источник добрых нравов, надобно отдать справедливость, что везде в народе заметны набожность, благочестивое усердие к молитве и строгость в исполнении церковных обязанностей. Жители сами видят потребность в размножении храмов и охотно жертвуют на сооружение их. Усердствуют не менее к содержанию духовенства и едва ли в России где-либо сельское духовенство так обеспечено в своем содержании, как здесь. Большая часть жителей любят чествовать двенадцатые и приходские праздники, равно воскресные дни. Особенное питают уважение к иконе Знамения Божьей Матери, находящейся в селе Боровском, которая ежегодно приносится в город Ишим 21 мая на шесть недель. Издалека приходят и приезжают сюда к этому времени, чтобы поклониться образу. В исполнении обязанностей церковных по долгу христианскому довольно точны: наблюдают посты, говеют, и, если не ежегодно, то более по удалению от приходской церкви или по другим житейским обстоятельствам, нежели по нехотению.

Б) ГРАМОТНОСТЬ. Хотя нигде, ни при одной церкви, нет приходского училища, но желание учиться грамоте почти всеобщее. Все постигают в том надобность. Разъезжающие торгаши, известные здесь под названием Вязниковцев, подстрекают охоту к чтению разными книжками в лицах, между прочим, «Брюсовым календарем», «Астрономическим телескопом» и некоторыми повестями. Всякий семьянин охотно пользуется первым случаем научить сына грамоте. Бессрочноотпускные и отставные солдаты, а также поселенцы, много содействуют в этом успехе. В массе крестьян молодых теперь едва ли не более половины грамотных. Нигде, может быть, приходские училища с целью преподавания первых понятий о сельском хозяйстве, не принесли бы столь быстрой и существенной пользы.

В) ПОВИНОВЕНИЕ ВЛАСТЯМ И ПОНЯТИЕ О СВОЕМ ЗВАНИИ. Должно сказать, что крестьяне вообще здесь довольно смыслены и рассудительны, а потому распоряжения Начальства встречают всегда беспрекословное повиновение. В самых неприятных случаях, какие встречаются при нарядах для исправления личных повинностей и т.п., конец всех толков на сходках один: «что станешь делать? Начальство велит!» - эта мягкость во нравах крестьян преимущественно заметна в волостях, лежащих на больших трактах. Нельзя

при этом не сделать отрадного замечания, что Сибирское Учреждение приметно подействовало в их пользу. Видимое преобладание во всем духа законности и стеснения простора, какой до того находила наклонность к злоупотреблениям, имели свое влияние на умы. Вообще звание земледельца, при честной и трудолюбивой жизни, приобретает здесь в общем мнении положительную значительность, соответственно видам мудрого и благопопечительного Правительства.

Г) ОБЩЕСТВЕННОСТЬ. Сам быт крестьян развит на началах общности, упрочившейся в течение сорока пяти лет. Слово «общество» или «общество», как здесь произносят, употребительнее между природными крестьянами, нежели «Мир». Сходка называется более «Согласием». В частных обстоятельствах, всякий обращается к Старшине при Общественном Собрании и в этом свидетельстве ищет ограждения справедливости. Неудовлетворенный в обиде прибегает к Волостному Правлению. Можно сказать, что личность честного поселянина имеет в этом порядке довольно достаточную охрану. Исключения принадлежат к тем случаям, которые вкрадываются во все человеческие учреждения, как бы они обдуманы и прочны не были.

Д) СЕМЕЙНЫЕ ПРАВА И ОБЫЧАИ. Приглядываясь к семейным нравам, можно найти в домах зажиточных крестьян родственную любовь, согласие, повиновение родителям, уважение к старшим. Отличительную черту составляет здесь вообще наблюдаемая в домах чистота. В самых бедных домах нельзя увидеть той неопрятности, какая встречается в России от содержания домашних животных в той же избе, в которой живут сами. Большой частью избы выбелены внутри: и это подновляется, по крайней мере, раза два в год, особенно к большим праздникам, как то, к Рождеству и к Пасхе. Полы держат в изумительной белизне: загаженный пол – стыд хозяйке, их не только моют, но и скоблят ножами, хотя это сопряжено с особенной трудностью. Вообще трудолюбие здесь более примечается со стороны женского пола. На них лежит все хозяйство, весь домашний обиход: они треплют лен, ткут холсты, обшивают всю семью. В одежде видна не только опрятность, но и щегольство. Каждый крестьянин, чуть небедный, старается иметь синий кафтан, каждая женщина носит зимой шубейку или епанечку на беличем меху, крытую шелковой материей. Общий костюм женщин – душегрейка и юбка, носят также и круглые платья, любят пестроту в одежде, а в шалевых платках предпочитают красный цвет. Наконец, нельзя не отличить в здешних нравах сохранившегося еще гостеприимства. Отчасти, может быть, в этом участвует тщеславие, но и не менее и самое довольство. Можно нередко слышать, предлагая плату за угощенье: «на что? Слава Богу, нас Господь благословил! Будет с нас!» Жители близких к городу волостей любят поддерживать знакомство с горожанами. Последние к ним ездят в гости, более о Святках, что называется «собирать славеное», потому что крестьяне, угостив гостей, наделяют их хлебом, льном и т.п. Другое посещение делают им горожане в Петров пост и, по угощении, уезжают наделенные маслом и яйцами, что также на обоюдном языке называется «сбирать Петровское». Где так уделяют от трудового, там конечно более радушия, нежели экономии. Встречаются примеры благотворительности: призрение дальних родственников или чужих сирот. Вообще утешительно заметить, что здесь в крестьянских обществах очень

мало совершенно нищих. Дряхлые отставные солдаты, вдовы, солдатки, солдатские женки с детьми, малолетние кантонисты, дочери солдатские сироты, все проживают у родных или у знакомых. Даже престарелые ссыльные находят подобный приют и призрение. Которые в силах работать, те разделяют домашние и полевые труды своих хозяев. И те, которые живут из одного сострадания, приносят пользу: им поручается надзор за домом во время «страдное». Хотя нельзя сказать, чтобы вовсе не было нужды в особых заведениях для призрения, но она здесь вообще далеко не столь ощутительна, как в других местах, где даром не дают куска хлеба.

II. ТЕМНЫЕ ПЯТНА. Слабую сторону нравственного характера жителей округа составляют следующие главные черты:

А. СУЕВЕРИЕ И ЛЕГКОВЕРИЕ. В простом народе разные суеверные привычки, оставшиеся от старины, еще не перевелись. В волостях, смежных с Курганским и Ялуторовским округами, нет деревни, в которой бы не встречались так называемые «кликуши» или «порченые», и преимущественно в наиболее грубых, невежественных семействах. Замечательно, что «порчеными» бывают почти одни только женщины и всегда совершеннолетние, очень редко это случается с мужчинами. Такие женщины обыкновенно под видом снисхождения к болезненному их состоянию, пользуются большей свободой, и часто безотчетно отлучаются от своих семейств. Никто с них не взыскивает, никто не подозревает: «она порченая!» - говорят, и этим объясняется, что в другой женщине потребовало бы особенного разыскания. Легковерия также много. Всякая нелепость может еще найти в семействах крестьян доверенность, по крайней мере, никто не решится и самый явный вздор признать вздором. Так, года за три перед сим, были рассеваемы слухи о видении или явлении во сне какой-то женщины, чтобы не употреблять синего цвета, не есть свинины, не сеять картофеля и т.п.

Б. ЛЕКАРКИ. С таким легковерием охотно верят разным нашептываниям, наговорам, порче свадеб и т.п. Поэтому есть знахари и старухи или «бабушки», как их более здесь называют, которые лечат от всяких болезней и недугов. В этом отношении должно заметить, что в числе употребляемых ими средств одно особенно вредно по последствиям: это окуривание киноварью, которое тем опаснее, что употребляется от болезни, требующей тайны. Другое универсальное лекарство состоит в сассапарели или, как здесь вообще называют, «дорогой траве», которую настаивают простым вином.

В) УПРЯМСТВО И СВАРЛИВОСТЬ. При столь еще невежественном состоянии большинства не удивительно, если в некоторых волостях, как в Частоозерской, Утчанской, Локтинской, Жилияковской и Готопутовской, преимущественно заметен дух взаимной сварливости и даже упрямства против распоряжений своего сельского начальства, так что нужен особенно строгий надзор со стороны Дистанционных Заседателей. В этом отношении наиболее безнравственно почитается Готопутовская волость и особенно удаленные в самом северо-восточном углу Округа, к границе Округа Тарского, две деревни Котина и Сорокина. Жители их так обесславились «худыми делами» и «недобрыми промыслами», что другие ближние селения искали у начальства возможности отделиться от Готопутовской волости к деревне Малаховой с тем, чтобы учредить в ней особую волость, как это было прежде.

Г) НАКЛОННОСТЬ К ПРОСЬБАМ И ЖАЛОБАМ. Где грубее и сварливее нра-

вы, там подавание просьб и жалоб превратилось почти в страсть. Оно поддерживается людьми, ищущими кому бы написать «просьбицу». Это выгнанные из приказных и даже из чиновников, и поселенцы, которые находят в том свою выгоду и делают тем себя нужными. Такие просьбы, размножающие следственные дела, оказываются чаще ябедническими и только затрудняют начальство. Но, конечно, лучше исследовать по десяти просьбам пустым, нежели по одной справедливой не сделать удовлетворения.

Д) СЕМЕЙСТВЕННЫЕ ПОРОКИ. Всматриваясь ближе в семейственный быт большей части крестьян, нельзя не заметить слабости родственных, и особенно супружеских связей. При браках отцы ищут работающую девку: прочие качества остаются второстепенными; оттого, часто с первых дней поселяется взаимное равнодушие: бывают примеры, что жена умирает, а уже сватают мужу другую. Такое хладнокровие питается и к самим детям: когда дети в младенчестве, на них смотрят, как на лишнее бремя, и оттого они возрастают без всякого призора и попечения, когда подрастут за семь лет, отец колотит парня, мать девчонку, часто обоих и те вступают в юношеский возраст, огрубевшие в сердечных чувствах и в самых понятиях. Таков же надзор и за нравственностью детей. порочные сведения развиваются здесь в обоих полах очень рано и, конечно, тем выше должно ценить похвальные, скромные качества, где они хранятся.

Е) ВЛИЯНИЕ ПОСЕЛЕНЦЕВ. Очень много в этом отношении действует влияние поселенцев. Этим, большей частью, развращенным и праздношатающим людям, выгоднее жить в сродной с ними сфере, нежели там, где надобно снискивать пропитание одним только трудом и хорошим поведением. Следственные дела раскрывают, что в редком уголовном преступлении не замешан «посельщик», как их здесь вообще называют. Но они всегда силятся выказаться главными преступниками природных жителей, быв сами наставниками. Впрочем надобно сказать, что и в старожилах бывают такие, которые превышают своих наставников в мошенничестве. Каким-то особым искусством обладают они ускользать от заслуженного наказания и, оставаясь по суду в подозрении, возвращаться в свое общество. Иных общества не принимают, но они возвращаются побегом, делают угрозы, не редко самим делом исполняют их, и выводят жителей из терпения. В 1839 году был следующий замечательный пример. Сладковской волости деревни Малого Куртала крестьянин Мальцов с девятью другими и одним мещанином, заметя близ селения трех подобных бродяг, стали ловить их, и как те оборонялись ножами, решились застрелить: это и исполнил Мальцов, у которого одного была винтовка. Они сами открыли свое преступление. Господь, Государь и Высшее Правосудие их помиловали: все по Милостивейшему Манифесту возвратились в дома, кроме одного Мальцова, который послан на поселение в Восточную Сибирь и предан церковному покаянию.

Ж) ПЬЯНСТВО. Наконец должно, следуя строгой справедливости, сказать, что всего дурного в домашнем быту и в самих нравах крестьян, главный источник есть пьянство. Страсть к нему развивается в приметной прогрессии год от года. Кстати здесь представить расчисление, которое достойно внимания. Откуп платит откупной суммы – 127,142 р. 85 5/7 к. за вино пропорциональное и условное – 30,285 р. 71 3/7 к.; провозных – 7,700 р.; всего –

165,127 р. 57 1/7 к. серебром. Не упоминая о расходах на вино своекоштное, откупку необходимо всю эту сумму выручить с Округа. Сверх того, на содержание служащих и вообще на производство всей операции, по крайней мере, надо приобрести до 100,000 руб. сер., так что всей выручки должно полагаться 265,000 руб. сереб. Сумма целой четвертью превышающая ту, какая выбирается податями и на земские повинности! Применяя это количество к числу жителей Округа и полагая пьющих по крайней мере в половину народонаселения мужского, то есть до 33,000 человек (потому что ошибка в этом случае может вознаграждаться пьющими женщинами), выходит, что каждый должен пропить 8 руб. сер. в год. Это почти столько, сколько нужно, чтобы всякий выпивал чарку перед обедом каждый день весь круглый год. Но дело в том, что большая часть крестьян не в состоянии держаться ежедневного здорового употребления, но пьют, когда, так сказать, дорвутся до вина, и пьют неумеренно, со вредом здоровью. Бывают примеры, что в одном месяце, особенно в феврале, по отчетам Округа оказывается более 50,000 р. перевыручки, в сравнении с продажей вина предыдущего года в том же месяце. Особенно много выпивают в свадебное время осенью и после Крещения: бывают свадьбы, на которых на одно вино выходит до 60 р. сер. Если всю выручаемую откупом сумму разложить на число ревижских душ мужского пола, то придется по 4 р. 61 к. сер. на душу, а если разложить на число обрабатываемых десятин земли, придется по 2 р. 85 к. сер. на каждую десятину.

3) ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАК РЕЗУЛЬТАТ. Общее заключение о темной стороне нравственности народной всего вернее вывести из фактов, то есть из самих преступлений. Здесь представляются следующие выводы из отчетов за 1840 год по делам следственным.

Самоубийств было в Округе 25. Они совершены 20 мужчинами и 5 женщинами, стало, на 4 мужчин приходится 1 женщина. По различию звания: из крестьян были все 5 женщин и 15 мужчин, из поселенцев – 3, из солдат – 2. По различию причин: 13 мужчин и 1 женщина лишились жизни от пьянства, 2 мужчин и 4 женщины – от болезни, 5 мужчин – по неизвестному поводу. Из тех, которые кончили жизнь не от пьянства: 4 мужчины и 1 женщина повесились, 3 мужчин и 3 женщины утопились.

Убийств совершено 11. Жертвами их было 10 мужчин и 1 женщина. По произведенным следствиям в 5 случаях обнаружено замешанными в преступлении 13 крестьян, 1 несовершеннолетний крестьянский сын, 2 поселенцев и 2 бродяг. По прочим 4 случаям не открыты виновные, а по 1 случаю продолжалось еще следствие.

Грабежей было 6: из них совершено 3 в домах и 3 на дорогах. По 3 из этих случаев открылись виновными 2 мещан и 9 крестьян, по 1 вовсе не отыскано преступников, а по 2 продолжалось еще исследование.

Покраж случилось 131: из этого числа 34 совершены в домах и 97 в полях и лесах. Похищено денег 32,382 р. 71 к. ассигн., лошадей – 172, рогатого скота – 19 голов. По 55 случаям открыты виновные: по 41 вовсе не отыскано следов, а по 55 продолжалось исследование.

Обман и мошенничество проявлялись в 37 случаях. Из них 19 подлежали формальному исследованию и по разбирательству в 11 случаях виновные признаны, а в 3 оправданы.

Бежало с места жительства 17 человек: 5 казенных крестьян и 12 поселенцев. Поймано: 5 дезертиров и 151 бродяга, из последних 12 женщин и 139 мужчин. В числе последних 4 непомнящих родства.

Из числа преступников, содержавшихся в ведении Земского Суда, по окончании суда над ними, 22 человека отпущены в места жительства, 7 по наказанию и 15 без наказания, 5 сослано в каторжную работу, 11 на поселение.

К дополнению этого рода сведений не излишне заметить число уголовных дел, решенных в Окружном Суде в течение десяти лет, с 1831 по 1841 год:

в 1831 году их было 274.

1832 375.

1833 436.

1834 481.

1835 559.

1836 461.

1837 328.

1838 428.

1839 589.

1840 543.

Выходит, что в десять лет всего решено 4,473 дела, стало, средним числом по 447 дел на каждый год. Разумеется, что в этом числе сочтены дела и по происшествиям, не заключавшим преступлений, кроме неосторожности, как, например, в случаях пожаров. Приметный избыток дел в два последние года произошел от присоединения к Округу города Петропавловска с 3 волостями.

Из соображения показанных выше преступлений с числом всех заселенных мест в Округе, кроме городов, выходит одно самоубийство на 17,8 селений, одно убийство на 40,6 селений, один грабеж на 74,5 селений, одна покража на 3,4 селения, одно мошенничество на 12 селений. Результат каким, может быть, немногие уезды внутри России могут похвалиться и который подтверждает ту истину, что где легче средства к пропитанию, тем менее преступлений.

К. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

По всему представленному выше, Ишимский Округ с Курганским, Омским и Ялуторовским, может почитаться житницей Тобольской губернии. Благосостояние крестьян здесь гораздо виднее и прочнее, нежели в других северных округах. В самих пределах Ишимского Округа оно неравно. Зажиточность более заметна в волостях, прилежащих в линии и к границе Курганской и Ялуторовской, также в селениях по торговому тракту, на котором два крайние ярмарочные пункта, в слободах Устьламенке и Абацкой. Бедность приметна более в северо-восточном угле Округа, особенно в волости Готопутовской. В волостях третьего порядка населения, то есть тех, которые при озерах, жители терпят от оскудения в воде. Они старались помочь этому недостатку колодцами, но и в тех находят воду с такой горьковатостью, что без особенного навыка употреблять ее невозможно, хотя и неприметно явного вреда для здоровья. Более других в этом отношении жалуются жители Утчанской волости. Некоторые, и самые зажиточные, начали из нее пересе-

ляться: 15 душ обоего пола переселилось в губернию Томскую и 10 в Ялуторовский округ; сверх того, 425 душ обоего же пола вышли по паспортам на жительство в другие места. Есть еще одно обстоятельство, затрудняющее крестьян некоторых волостей в юго-западной части Округа: это прогон скота из-за границы в Курганский округ. Часто этот скот вытаптывает у них поля и сенокосные луга без всякого возмездия. По жалобам крестьян сделано распоряжение, чтобы селения давали стадам проводников через свои дачи. Это средство приносит им более вреда, нежели пользы. Табунщики, чтобы, так сказать, отучить крестьян от надзора, оставляют стада провожатым и потом жалуются, что они сделали из табуна похищение, и тем заводят крестьян в тяжбы, так что, последние соглашаются лучше терпеть вред полям, нежели принимать хлопоты, с оправданием сопряженные.

В крестьянских обществах везде теперь видны люди военные, бессрочно отпускные и отставные нижние чины. Они охотно подчиняются общественному порядку, для них, впрочем, не новому: обзаводятся домами, принимаются за хлебопашество или занимаются мастерствами. Отставные по собственному желанию приписываются к числу окладных крестьян, имея в виду, чтобы дети их были крестьянами и принадлежали к податному состоянию. Очень редки случаи, чтобы какое-либо столкновение между этого рода пришельцами, возвратившимися на родину после беспорочной службы Государю и Отечеству, было предметом разбирательства чиновников Земской Полиции. Вообще, как выше объяснено, они приносят обществу ощутительную пользу.

Нельзя этого сказать о поселенцах, которые не водворяются здесь особыми поселениями, но расписываются по волостям и селениям для снискания пропитания. Но и в числе их некоторые, видя по сравнению, что земледелие здесь не сопряжено с большими трудностями и что вообще довольно средств приобретать честным трудом нажиток и пользоваться им с уверенностью, обзаводятся домами, женятся, принимаются за хлебопашество и скотоводство, занимаются мастерствами, плотничным, сапожным, башмачным, кузнечным, тележным и другими. Некоторые по постоянному добропорядочному поведению поступили уже в число государственных крестьян и наравне несут все подати и повинности. Из 2,303 ныне числящихся поселенцев 518 имеют свои дома. Из них 217 только занимаются хлебопашеством, прочие мастерством. Более 1,500 мужчин и женщин живут или, лучше, скитаются по домам, нанимаясь временно в работу. По склонности их к праздной и порочной жизни можно смело сказать, что от них более вреда обществу, нежели пользы в частности.

В южной части Округа или на Линии, как здесь более говорят, Казаки составляют особый мир. Поступив, с закрытием Омской области, в настоящие пределы Ишимского Округа, они к наблюдению Земской Полиции принадлежат только в случаях каких-либо происшествий и в столкновениях с соседственными крестьянами. Последние случаи бывают более с теми крестьянами, которые вышед по вызову, сделанному при генерал-губернаторе Западной Сибири Капцевич, из Курганской, Воронежской и других губерний, водворились особыми селениями на казачьих землях. Казаки вообще представляют тип старожилов-сибиряков. Само наречие их более сибирское. Боль-

шая часть из них говорит по-киргизски. Быт их тоже совершенно отличный. Подразделяясь на строевых, резервных и отставных, они живут между службой, земледелием и торговыми оборотами. По последним деятельность их более устремлена в степь. В Округе они являются только на ярмарку Ишимскую.

Оседлые инородцы населяют три деревни в волости Соколовской: Мавлютову и Скопин-Маяк – Татары, а Ташкинскую – Ташкентцы, которых называют здесь Бухарцами. Они составились из разного наброда и в настоящем образ жизни подчиняются общим правилам в волостном составе.

Кочующие временно в пределах Ишимского Округа все верноподданные Киргизы из Внешних Округов, зависящие от пограничного управления. Прежде им дозволяем был свободный пригон табунов на внутренние пастбища, тогда приходило их до 10,000 человек обоего пола на кочевье. Опыт понудил сделать в этом ограничение. Хотя переход со стадами и табунами им не запрещен, но постановлено непременно условием, чтобы они имели одобрительное согласие тех крестьянских обществ, в соседстве которых хотят пастись свой скот. От этого число их умалилось и не превышает, как показано выше, 1,000 во всем Округе. Несмотря на это одобрение, и теперь бывают случаи, в которых выказывается врожденная склонность их к хищничеству. Крестьяне думают получать ту выгоду, что вверяют им пастись свой скот и, сверх того, при уборке сена, находят в них проворных работников. Но эта выгода часто слишком окупается на счет потерь и сопряженных с ними хлопот. Без ошибки можно сказать, что в частном отношении это прикочевание более вредно. Не таково оно в видах государственных. При близком сношении с крестьянами, присматриваясь к их быту и ко всем земледельческим занятиям, кочевые научаются сами, привыкают и получают склонность к оседлой жизни, которая ведет к умягчению нравов и прочному благосостоянию.

В заключение нельзя не сказать, что торговля Петропавловска с Киргизскою Степью и с Бухарею или, по-здешнему, Бухарою, сколь ни ограничена, оживляя всю Линию, имеет влияние и на благосостояние жителей Округа, доставляя им выгоды провоза товаров. В этом отношении можно некоторым образом предвидеть, что завязывающаяся торговля сношения с владениями Китая от Семипалатинска через пограничный город Чугучак до провинциального города Гульджи при дальнейшем развитии доставят Ишимскому Округу новые выгоды. Привозимые теперь из Гульджи чай низки добротой, но могут быть доставляемы и высших сортов. Провоз их из внутри Китая, если несколько далее, нежели до Кяхты, зато гораздо удобнее, потому что путь лежит через хорошо населенные места.

ПЫТЛИВЫЙ ПОСОХ СТРАННИКА

Г.А.КРАМОР

У «таежных робинзонов»

Витольд Игнатьевич Шадурский – один из старейших наших краеведов, публиковавший статьи об истории Ишима тогда, когда автор этого сочинения делал свои первые шаги по ишимской земле. И когда несколько лет назад состоялось наше знакомство, разговор тоже не выходил за рамки краеведческой тематики. Однако было известно, что наш уважаемый профессор как-то бывал в гостях у знаменитых Лыковых. Потом в краеведческом музее появилась выставка «Таежный тупик» на основе фотографий и подлинных вещей Лыковых, привезенных Витольдом Игнатьевичем из тайги, и рисунков-фантазий на «лыковскую» тему нашего художника Р.Симанова. И, наконец, однажды у нас завязалась беседа о таинственных отшельниках, которую по просьбе редакции альманаха автор облек в форму путевого очерка. Получился вот такой рассказ:

«А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер...» - с этим напевом, зовущим вдаль, к неведомому, прошло мое пионерское детство. Видно оттого никогда не угасала в моей душе тяга к путешествиям. Хотя род научных занятий был самым что ни на есть «оседлым» - история сельскохозяйственного освоения нашего края. На этом материале защитил кандидатскую диссертацию, которая переросла потом в докторскую под названием «Культура российских крестьян Зауралья XVII – начала XX вв.». Публиковал на эту тему множество статей в разных сборниках, а в журнале «Земля Сибирская, Дальневосточная» вел целую рубрику «Секреты крестьянского земледелия». С интересом следил за историей открытия семьи старообрядцев Лыковых, глава которой Карп Осипович в пору коллективизации предпочел таежное отшельничество несвободной советской жизни. За несколько лет собрал папку статей о «таежных робинзонах» (такими представлялись мне эти люди, оказавшиеся на окраине Большой истории), о которых узнал из публикаций Василия Пескова в «Комсомольской правде», заставившего следить за судьбой саянских затворников всю страну.

Попасть к Лыковым стало моей мечтой – ведь это был, во-первых, уникальный эксперимент борьбы людей с природной стихией, а во-вторых, там я надеялся познакомиться с народным опытом земледелия безо всяких псевдонаучных наслоений. Воплотилась эта мечта в 1987-м, в год моего 60-летия. В.Р.Плюхин, редактор «Земли Сибирской...», познакомил меня с московским писателем Л.С.Черепановым, вернувшимся из очередной экспедиции на реку Еринат (где жили оставшиеся в живых Карп Осипович и его дочь Агафья) и собиравшимся туда вновь. Меня включили в состав новой экспедиции как историка-аграрника. Кроме нас двоих, туда отправились И.П.Назаров, доктор медицинских наук и профессор Красноярского медицинского института и его земляк А.М.Губарев, фотокинореporter.

Дорога к таежной заимке была даже по меркам нынешней цивилизации сложна. Сначала поезд «Москва-Абакан», потом рейсовый автобус до районного центра Таштып – места встречи всех членов экспедиции. Далее предстояло пройти через важную инстанцию – местный райком партии, чтобы получить «добро» на визит к таежным отшельникам (для этого цели нашей поездки должны были быть достаточно убедительными) и разрешение на использование вертолета

геологов. А еще перед тем все прошли тщательное медицинское обследование, ведь трое Лыковых-младших (Савин, Дмитрий и Наталья) умерли от неведомого им гриппа, к которому у них, в отличие от «мирских» жителей, не было ни малейшего иммунитета (в связи с этим случаем и был наложен райкомом мораторий на посещение Лыковых). Любопытно при этом, что клещей, для предохранения от которых мы избрали столь позднюю дату вылета – 1 сентября, они запросто снимали с себя, не заболевая энцефалитом.

Последний этап – два часа в воздухе, в вертолете МИГ-8, которым управляет Юрий Георгиевич Росляков, тот самый летчик, что обнаружил Лыковых девять лет назад. Высота – 2300 метров. Под нами – беспорядочные складки хребтов; ниже вершин ковром стелется темно-зеленая тайга. Удивительно, как мог наш пилот разглядеть тогда маленький клочок огорода Лыковых среди этого дикого буйства.

Уверенно огибая вершины и спускаясь в каньоны с грохочущими горными реками, вертолет взял курс на галечную косу на берегу Ерината. Такие косы – единственные свободные пространства в тайге, на которые может приземлиться вертолет. Глядя в иллюминатор, заметили на берегу невысокого бородатого человека в шляпе. Это был Карп Осипович. Звук в каньонах распространяется необычайно быстро, и старик, давно слышав шум лопастей, выбежал встречать гостей.

У старообрядцев не принято пожимать руки, оттого приветствия ограничились поклонами. Сразу удивило два обстоятельства: молоджавое, почти без морщин, лицо 85-летнего главы некогда многочисленного семейства, – молоджавое, не землистого цвета (как оказалось, потому, что моются щелоком, не зная при этом бани). При встрече выяснилась и другая интересная подробность. Карп Осипович, несмотря на свой возраст, прекрасно помнил по именам всех прежде бывавших у него членов экспедиции. Меня же спросил: «А вы, молодой человек, откуда будете?» Я ответил. «А Ялutorовск от вас далеко?» Приятно было узнать, что он – почти наш земляк, хотя корни рода Лыковых – на Вологодчине. Затем Карп Осипович проводил нас до избушки, где гостей встретила Агафья с огромным «букетом» репы, вручив каждому по корнеплоду. Мы тоже не забыли про подарки – кастрюли, ложки, поварешки, свечки, батарейки к фонарику и прочую полезную мелочь.

Вечеру отправились вчетвером на Еринат, разложили на берегу костер, достали припасы – хлеб, тушенку. Агафья пожертвовала посуду – именно пожертвовала, поскольку после чужих рук старообрядцы ею больше не пользуются, выбрасывают. У самих Лыковых питание было не очень разнообразное, в основном вегетарианское, то есть плоды огорода: картофель, горох, та же репа (которой они заготавливали в прежние времена до 50 пудов, а картофеля – по 500 ведер), морковь, редька, свекла. Мясо удавалось поесть редко, поскольку из всех охотничьих средств были доступны только ловчие ямы, которые надо было долбить до изнурения в граните. Главная белковая пища – горох да рыба. Питание явно недостаточное. Да и ели Лыковы только дважды в день, зато с огромным аппетитом.

На ночь нас разместили в небольшой избушке, где жили вдвоем отец и дочь. Внутри темно, окна небольшие, поскольку дом должен быть похожим на скитскую келью. В углу – потемневшие иконы, рукописные книги – главная драгоценность семьи. Кроватей никаких нет; Карп Осипович спит у печки, на специальной лежанке, а Агафья – внизу, на полу. На полу же и мы разместили свои спальные мешки. Меня положили с краю, поближе к печке, из уважения к возрасту (я был в нашей компании самым старшим). Поутру пробудился от дыхания рядом. Рукою наткнулся на что-то мягкое, точнее – чью-то маленькую пятку. А потом и владелец этой пятки голос подает, оказалось – Агафья; она топила вечером печку (на дворе к утру холодало, ведь было начало сентября), да и прикорнула рядом. Так и спали «вместе» все десять ночей.

С утра – умыванье ледяной водой на Еринате, завтрак у костра и – работа. В первую очередь – помощь нашим хозяевам в подготовке к зиме, в основном

заготовка дров. А затем – решение тех задач, с которыми мы прилетели сюда. Меня сразу заинтересовал лыковский огород. Территория, на которой он расположен, отвоевана у березового редколесья (отчего почва богата необходимыми веществами и имеет оптимальную кислотность) и находится на склоне горы под углом 40-45 градусов, уходя от основания вверх на 300 метров. Гряды разбиты террасами и сгруппированы в три участка – «нижний», «верхний» и «средний» огороды, на которые высаживаются культуры в соответствии со своей морозоустойчивостью: на «нижнем» - морковь, репа, редька, сахарная и столовая свекла, лук, озимая рожь; на «среднем» - горох, репа и картофель; на «верхнем» - картофель позднего срока посадки. В разумности такого распределения овощей, равно как и в удивительном «чутье» таежных жителей, мне довелось убедиться самому. В один из дней Агафья, сидевшая с нами вечером у костра, обронила: «Будет холодно, заморозок». И действительно, наутро, отправившись с фотоаппаратом на огород, я застал весь нижний участок покрытым инеем. Вечером спросил у Агафьи: «Как ты почувствовала приближение холода?» «По воздуху», - просто ответила она.

Еще манило к себе старое местожительство Лыковых, расположенное от нынешнего на расстоянии восьми километров. Собственно, нынешнее место и было самым старым, здесь стояла первая изба Карпа Осиповича, в которой и родилась 42 года назад Агафья. Потом «от людей» семья перебралась выше по реке, однако впоследствии та территория вошла в состав заповедника, жить там стало невозможно, и Карп Осипович решил возвратиться на покинутое сорок лет назад место.

Агафья согласилась на поход со мною к старой избе, а для страховки меня сопровождал Игорь Павлович, готовый в случае чего оказать первую помощь. Я и сам не думал, насколько тяжелы будут эти несколько километров пути через таежные завалы. Шли мы сначала вниз по склону, затем форсировали речку, а потом – в гору, до старой избы. Поразили меня тогда два изобретения лесных жителей. Первое – это посох. Без него таежнику – никуда, особенно в горах, где он позволяет поддерживать равновесие при путешествии по валунам, через ручьи и буреломы. Посох должен быть прочным, гибким, длинным, тонким и легким; изготавливали его обычно из черемухи с учетом роста и веса будущего хозяина. Вторая придумка – обувь без каблуков. Даже с подаренных резиновых сапог каблуки срезались почти до основания, поскольку цепляться ногами за те же ветви и камни вовсе ни к чему. На ненужность каблука обратила мое внимание Агафья: «Виктор Игнатьевич (имя «Витольд» было непроизносимо для нее), у меня каблук такой маленький».

Путь обратно был еще труднее. Подыматься оказалось легче, чем спускаться. Агафья шла как козочка; я же просто съезжал вниз и, признаться, сильно разнервничался, будучи нагружен рюкзаком с печными трубами и огромной двуручной пилой впридачу. Тогда Агафья отдала мне свою сумку с большим куском соли (а соли в пище им действительно не хватало), взяв на себя мой груз. Зато из этого похода я вернулся с трофеями: берестяным обутком и старым полушалком, который когда-то носила Акулина Карповна, мать Агафьи (теперь эти реликвии – в ишимском музее).

Вылет был назначен на 10 сентября. Долго ждали вертолет на галечной косе; наконец решили идти вдоль реки до геологической партии. В пути и услышали знакомый шум лопастей. Мы покидали «таежный тупик» почти на год.

Следующая экспедиция была намечена на июль 1988 года. Однако конец этого месяца оказался ненастным. Проливные дожди наполнили водами горные речки и ручьи. Притоки Большого Абакана поднялись и вышли из берегов, вызвав наводнение. На Еринате тоже затопило посадочную косу, поэтому пришлось ждать, пока успокоится стихия.

Но в горах половодье долго не держится. И 30 июля мы вновь шагали по знакомой тропинке. Карп Осипович умер в феврале от гриппа, занесенного

Агафьей от геологов (диагноз установили по ее описанию болезни наши доктора), поэтому встречала нас она одна. Ее несколько удивил размер экспедиции. К нашей четверке нынче присоединились С.Назарова – из Красноярска, писатель и журналист В.К.Татарова – из Абакана, кандидат сельскохозяйственных наук и старший научный сотрудник НИИ картофельного хозяйства О.И.Полетаева – из Москвы и доктор медицинских наук, заведующий отделом медико-биологических проблем Минздрава СССР А.С.Ушаков – из Москвы (он занимался разработкой пищевых рационов для космонавтов и весьма заинтересовался способом питания Лыковых). Агафья была обеспокоена тем, что не сможет разместить нас под крышей своей избы. Однако мы вышли из положения, устроившись в старой избушке и соорудив шалаш. А Агафья угостила нас диковинным блюдом – окрошкой из кедрового молока.

Небогатый ассортимент овощей на лыковском огороде запомнился мне еще с прошлой поездки. Мне захотелось обогатить их посадки капустой, помидорами, огурцами и я привез теперь в подарок целый рюкзак семян от работников совхоза-техникума «Ишимский».

Кроме разнообразных научных целей была у нас и единая – облегчить одиночество Агафьи, не дать ей повод поверить, что от нее отвернулись люди, а также, разумеется, помочь ей по хозяйству. Делали такую работу, какая ей одной была не под силу: засыпали землей потолок, устроили завалинку вокруг избы, заготовили веников для коз на зиму (ведь теперь у нее жили две козы, козел и два козленка). Между делами вели разговоры на интересующие нас темы. Записали на пленку чтение Агафьей «Слова о полку Игореве», – филологи считают ее произношение близким к древнерусскому. Стоит еще заметить, что за работой Агафья непрерывно читала нараспев молитвы, ничуть не смущаясь нашим присутствием.

Самой большой проблемой для нас, а особенно для кинооператора, была съемка Лыковых. Позировать они решительно отказывались, а от наведенного на них объектива отворачивались или старались каким-либо образом закрыться. Еще в первую нашу поездку Саше Губареву приходилось идти на всяческие уловки. Однажды он забрался на чердак избушки и расположился там со своей техникой. Я старался занять сидевшую внизу Агафью разговором. Однако стрекот работающей камеры не давал ей покоя: слышать она его слышала, а откуда – никак не могла понять. В этот раз я тоже предложил небольшую хитрость. В подарок Агафье, кроме семян, я приготовил большой гарусный платок, подобный тому, что увез в прошлый раз из старой избы. 7 августа, после того, как прилетел вертолет, и Игорь Павлович взял у Агафьи из вены кровь на полный биохимический анализ, все члены нашей экспедиции, кроме меня, забрались в машину и как бы невзначай достали фотоаппараты. Я же развернул платок и накинул на плечи нашей хозяйке. Услышав щелканье затворов, Агафья упала ничком – да так и лежала, пока не поднялся вертолет. И сколько ни смотрели мы из иллюминаторов на удаляющийся берег Ерината, так и лежала последняя из рода Лыковых, накрывшись ярким, как райский сад, платком.

Так мы попрощались. Однако предстояло выполнить еще поручение Агафьи. Надеюсь скрасить одиночество, она написала письмо монахине-единоверке из Тувы. На то, чтобы доставить его, у нас ушла еще неделя, о чем, разумеется, не было никакого сожаления. Но тувинская ровесница Агафьи была бы и не прочь поехать к ней, но держали ее своя келья, покосы и пастбища, могилы родителей. Передала Агафья письма и другим своим единоверцам, но поставила в них слишком сложные условия для переезда.

По возвращении в Ишим я на многих предприятиях читал лекции о Лыковых, делился впечатлениями, показывал слайды, фотографии. Удивительно, что шли в зал люди после тяжелого рабочего дня, усталые, – и с неподдельным интересом слушали рассказ о судьбе «таежных робинзонов». Что привлекало их? Для меня это загадка. Может – подвиг борьбы за выживание в тяжелейших условиях. А может – подвиг духа, не сломившегося в борьбе за свой идеал с людьми и природой.

СТРАНИЦЫ МЕМОУАРОВ

М.Ф. КАЛИНИНА

Времена. Люди и судьбы

Почти вся моя трудовая жизнь, исключая первые три года после окончания Саратовского университета, связана с кафедрой литературы Ишимского пединститута.

По министерскому направлению в середине июня 1955 года в связи с закрытием Оханского учительского института (под г. Пермью) мы с мужем, Калининым Алексеем Ивановичем, и двумя малышками (дочерьми 1-го года и 3-х лет), никогда прежде не бывавшие в Сибири, оказались здесь, в Ишиме. Я выросла в Средней Азии, Алексей Иванович - саратовский (из г.Пугачева), здесь - никаких корней... Приживемся ли? Люди (специалисты) приезжали сюда и уезжали, почти никто не задерживался более 3-5 лет, особенно прибывающие из европейской части Союза: тогда институт только зарождался на основе учительского - младенцу был лишь год, на два открытых факультета лишь 2-3 кафедры, еще меньше кандидатов наук, даже первые зав. кафедрами и первый ректор Владимир Иванович Клейменов - без ученых степеней и званий.

Материальная база не лучше: аудитории и кабинеты - как обычные школьные классы (столы, стулья, доска и мел), а город - еще не озелененный как сегодня - большая деревня с преимущественно деревянными строениями. Помнится, как поразили нас редкие деревянные тротуары на улицах, разбитые, утопающие в грязи городские дороги (лишь улицы К.Маркса, Ленина и еще одна-две были частично укреплены булыжником и щебнем), как долго мы добирались с детьми и чемоданами, пересекая не без опаски пустыри и разбойничью Болотную (ныне ул.Рокоссовского) кромешно-темной ночью, от вокзала до ул.Луначарского на институтском «фаэтоне», запряженном лошадкой (единственном тогда в институте выездном виде транспорта). Российская глубинка, глухая провинция, Сибирь (суровый, каторжно-поселенческий, лагерный край). Как-то страшновато было начинать жить и работать в этом чужом и холодном мире. Но мы были семья и не одни, раньше нас приехали и работали на кафедре наши друзья, однокашники по альма-матер, Перетрухин Валентин Николаевич и Горцев Михаил Иванович, а несколько позже «саратовское землячество» в институте стало разрастаться: Калинины, Перетрухины, Горцевы, Шишлянниковы,.. последнее пополнение преподавательского взвода литфака из саратовских выпускников была Шапошникова Лидия Владимировна. Но это уже другие - 70-е годы, время быстрого и бурного развития института, факультета, кафедр: к этому времени давно уже кафедры «распухли» и стали делиться, в институте уже было многолюдно, отстроили два новых учебных корпуса, общежитие-пятиэтажку, и началось вавилонское столпотворение людских потоков, преподавателей, студентов, абитуриентов со всех концов огромной страны СССР.

Наш Ишимский пединститут, как и вся Западная Сибирь, в основном «обжился» и «прирастал» пришлым народом. Вот и меня призвала судьба Бог весть откуда, «интеллигенцию в первом поколении», по своим «корням» - крестьянских российских «кровей», основательно загустевших под палящим туркестанским солнцем.

Мой отец, Гончаров Федор Иванович, покинул родное село, что стояло и стоит как раз напротив города Саратова, в правобережном Заволжье, еще с тех времен, когда Екатерина II, разоряя строптивую, своевольную Сечь, заселяла пустынные берега средней Волги украинскими селами, где потом уже говорили обрусевшие хохлы не на народной «мове», а на «суржике». Он покинул его с «первой волной» внутренней миграции в 1930 году (я родилась в «год великого перелома» - 1929-й); тогда «уходили» от колхозов, а семья присоединилась к нему в 1932-1933 гг., когда прокатилась вторая ее волна - спасались от голода. Саратовщина - зона рискованного земледелия - обезлюдела, и полсела оказалось в среднеазиатском г. Чарджоу - целая «диаспора». Многие годы до самого начала войны, как и вся страна, он все учился и учился на каких-то курсах и, помню, таскал домой книги из библиотеки. Когда я, первоклассница, однажды принесла из школы в первый раз самостоятельно выбранную книгу - это была «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина, - то случайно, на шкафу, обнаружила «Цыган» и «Евгения Онегина» в отдельных изданиях. Это были его книги: он «стеснялся» и убрал их «с глаз» подальше, взрослый, семейный, уже немало переживший в те беспокойные времена мужик, и в семье дети не видели пьяного или потерявшего над собой контроль отца, не слышали обычной мужской брани никогда, нас не наказывали даже окриком... Мы росли в атмосфере «теплого дома», доброжелательной, доброй и трезвой большой семьи, большой родни, бесконечной череды встреч, проводов, походов в гости и приема «гостей», больших семейных праздников и домашних «советов», когда собирались все вместе родители, братья и сестры с семьями, детьми - Гончаровы, Чумаки, Вдовенки, Панченки, Шевченки... Собирались вечерами, чтобы просто повидаться «со своими». И о чем бы ни говорили, в конце концов «заворачивали» на родное - Квасниковка, Саратов, Волга (как «жили-были» и т.д.), память о родных местах, о людях, оставшихся там, в России, и, видимо, неосознанная тоска по далекой прародине сбивала вместе людей, выброшенных суровым временем из родного гнезда, а мы, дети, рядом - «ушки на макушке»... Так что потом вопроса не было, когда выросли, где учиться, - только в Саратове, конечно. И еще одно запало с младенчества в душу и памяти: в редкий вечер не запевали песни, без всякого застолья, напившись вечернего чаю, с гостями или без них («Давайте спиваты») - весь род был певческий и голосистый. Мой дед по матери, Петр Матвеевич Чумак, имел от природы прекрасно поставленный, сильный и красивый тенор (еще до революции к нему дважды приезжали из Саратовского оперного театра - «сватали»). Мощным меццо-сопрано обладала моя родная тетка, так что запоем она в одном конце села, а в другом уже слышат: «Это Пана заливаается». Пела и я - и, казалось, это навсегда, но нет - к 40 годам кончилась эта зачарованность музыкой, песней - отпустило... Но дочери (Елена и Ольга) поют и сейчас, и «музицируют» на фортепьяно, как дышат, - у старшей голос редкой красоты тембра, говорят, оперный. Эта музыкальность, страсть к пению у нас наследственная, потомственная - пело когда-то все село (конечно, «чистокровные» народные украинские песни - самая надежная «скрепа» вечности, прошлого и настоящего).

Отец был молчаливым человеком, больше слушал или часами играл на своей любимой мандолине. Мама же, русая, белокожая славянка, была удивительной рассказчицей, прожила долгую жизнь и почти до конца помнила все в подробностях, свежо и живо (не говоря уже о том, что знала тексты всех песен, которые приходят к людям постепенно и накапливаются, и массу стихотворений, школьных, Фета, Тютчева, Никитина, Кольцова... Когда ей было 85 лет, я записала за ней кое-что из ее далекой молодости; о том, как в гражданскую

скоропалительно менялась власть в селе, то «белых», то «красных»; как палили и те, и другие в белый свет, случалось, просто «из баловства», укладывая без разбора и правых, и виноватых («А не высовывайтесь, сидите тихо по домам...»). Так погиб ее старший брат, единственный сын в семье, только-только подросток «рабочник» - и «остались одни девки». И она, старшая из 4-х сестер, так «наработалась» до замужества: пахала, хлеб сеяла, жила с лошадьми - пасла «на поле», вместо парня, и верхом на сером коняге-умнице («Что ни скажу коню, то он и делает») - досыта, одна в поле с ними ночевала... И о том, как замуж выходила за родственника (тетка была замужем за братом матери жениха) - так взрослые решили: надежно, и «семья справная», «дом-пятистенка», пятеро мужиков (4 сына) - все «добрые работники, и земли на каждого пай» (на дочерей не полагалось тогда землицы)...

«Федя (мой отец - М.К.) был красивый парень, но не мой, а зазнобушке, Ваське Небоге, не разрешали гулять со мной - беднячка! А мама (моя бабушка, Любовь Ивановна - М.К.) любила этого Ваську, хороший он был, все потом плакала долго за мной, но сказано: «Нэ ходы з Чумачкой»... Хотя все Чумаки на всём селе работали, ставили дома, амбары, колодцы... А женились-то в 24 году, в январе, как раз столы накрыли, гостей созвали, а тут из сельсовета посыльный: «Прекратить базар - Ленин умер...» Так вот и началось оно, «семейное счастье»... «Все люди мотались... время было такое... Жизнь плохая, ездили как перекати-поле...». Думаю, что склад души, тип речевого мышления с преобладанием эмоционально-образного компонента у меня от мамы, Марии Петровны Чумак, и сегодня «один к одному», отчетливо виден в последнем из моих четырех внуков-мальчишек (Ярославе), уже коренном сибиряке, по отцу из богатого рода атамана Бельтюка, что пришел сюда из-за Урала почти четыре века назад «погулять» с дружиной Ермака и со временем осел в Березове.

Росла я «правильным» ребенком и «примерной» школьницей. Мама, по ее собственным воспоминаниям, тоже училась в детстве отлично, с большой любовью и охотой (девочка из крестьянской семьи), бывало, «от книжки не оторвать»... Может быть, поэтому на всех ступенях адаптации в обществе я оказывалась, невольно, «выдвинута» (в лидерах): в пионерские годы - в председатели совета отряда, в комсомольском возрасте - в члены комитета ВЛКСМ, секретарем учительской комсомольской организации и т.д. И все везде получалось... Теперь, к концу жизни, понимаю - это было искушение грехом карьеризма, соблазна власти над людьми, честолюбия и суеты. И, слава Богу, что все это, как коревая сыпь, отошло вместе с детством и юностью. И хотя характер мне от мамы достался «не слабый», не была членом КПСС, «начальником», не «руководила», не «возглавляла», не «командовала» - просто работала, меня всегда затягивали до дна конкретные дела, которых было невпроворот. А командовать равными тебе, товарищами, коллегами, людьми - всегда было совестно. Хорошо бы даже собственными детьми командовать поменьше, важно жить по совести. Моя семья не была религиозной, но этот «порядок вещей» был естественной нормой для моих родителей, простых русских людей.

Убеждена, что человек с возрастом, в принципе, глубинно не меняется и вся его жизнь - это лишь исполнение «творческого замысла», скорее бессознательного, твоих родителей и ближних. Потому-то мы и не можем отречься от детей, какими бы они ни стали, не любить, не жалеть их - мы сотворили их такими и по гроб жизни виноваты перед ними за все и перед людьми за них. Лишь в очень-очень зрелом возрасте стало понятно многое, чем, например, родители отличаются от учителей: они не учат и не должны учить своих детей, как учителя

в школе, - от нас этого «учительства» они не примут, не потерпят - взбунтуются, что и происходит слишком часто (« в школе учат, дома учат...»). Родители могут только жить вместе и рядом с ними «по совести», «по-человечески»... Таков был дух и смысл народной педагогики, сегодня основательно забытой. Семья - не школа, здесь не учат, как в школе, а живут. Это и есть лучшая «школа» выращивания человека на единственно продуктивной основе - саморазвитии в благоприятной питательной среде родительской любви и защиты. Но хорошо помню, как не хватало в трудные времена (30-е - 40-е годы) слова взрослого человека, который объяснил бы тебе, ответил на колючие и опасные вопросы. Например, почему мы, отвергшие царизм (абсолютизм власти над людьми и обществом) своей революцией 1917 года, так рады, что у нас есть И.В.Сталин, который для нас все абсолютно: и вождь, и отец родной, и друг, и товарищ, и царь, и Бог, и главное - судья, почему в нашей «советской счастливой стране», где нам, детям, так «повезло родиться», бывает так страшно, когда по вечерам мы расходимся с лавочки у калитки по квартирам и прислушиваемся сквозь закрытые наглухо ставни, не у наших ли ворот заглох прошумевший автомобиль, не «воронок» ли это явился за кем-то из взрослых, наших близких... В 1937 году мне было 7-8 лет, и я остро помню эту тревогу, недоумение и страх, от которых веселые и понятные тебе люди замолкали, переглядываясь, будто они заговорщики... И повисала тревога, от которой мы, дети, спасались, лишь тесно прильнув к телам своих родителей. Но все молчали, обсуждать непонятные вещи, «странные» новости («вчера взяли того-то, приезжали за тем-то» и т.д.) было не принято даже в узком кругу людей», казалось бы, хорошо знавших про себя и тех, кто рядом, что они-то уж не враги народа или «сексоты» (в переводе - «секретные сотрудники КГБ»). Точный смысл слова нам стал известен лишь во времена перестроечные, в те же времена это было смертельно презрительное, оскорбительное ругательство, «опускавшее» человека в мерзость, хуже площадной брани).

Мы жили в большом типично среднеазиатском многоквартирном одноэтажном доме, вытянувшемся на полквартала, с бесконечно длинной общей террасой, спускавшейся в огромный общий двор, место дневной будничной жизни взрослых и наших игр в детстве - все жили у всех на виду. И тем непонятнее было происходящее: за что, почему.... более половины мужчин нашего двора тогда «позабирали», и они сгинули навсегда в неизвестности. Брали по ночам, воровски, без свидетелей - все было тихо; кто слышал, сидели, затаившись, по квартирам. А днем снова начиналась деятельная, «счастливая» жизнь, будто и не было очередной ночной трагедии. И это продолжалось десятилетиями - и все знали, что люди исчезают бесследно, и свыклись внешне с этим, будто словами «КГБ» и «враг народа» все объяснялось, так что и никаких вопросов... Но они были, только задавать их вслух было не принято. В тех людских кружках, где вслух пытались рассуждать-объяснять, снова и снова возникали в итоге зияющие дыры... Мало было семей, которых, как и в Отечественную войну, не коснулась беда. У моей лучшей школьной подруги, Светланы Николаевны Белецкой (сейчас она доктор химико-геологических наук в С-Петербурге), «взяли» отца, одного из секретарей ЦК компартии Туркменистана, и расстреляли (реабилитирован в конце 50-х годов). Моего дядю М.В.Панченко успели предупредить друзья, и он вынужден был бежать в Москву («искать правду», как говорили в семье), но, слава Богу, его квасниковские земляки «перехватили» аж в Саратове, и он скрывался несколько месяцев, пока не схлынула волна репрессий «по разнарядке» (любимая форма планового управления страной в те

достопамятные» времена: «по разнарядке» направляли на учебу, принимали в комсомол, в партию, выбирали в Верховный Совет, отлавливали «врагов народа» и т.п.). Пострадали и наши земляки: тогда «похватили» самых «грамотных», как тогда говорили, мужиков, «разбирающихся»... Насколько я себя помню, мне и тогда, и потом тоже хотелось «разобраться». Газеты и периодику я начала читать очень рано, раньше, чем настоящую литературу, чем отчасти объясняется, почему я оказывалась «вытолкнутой» в первый ряд товарищами по коллективу («выдвинутой» - в звеньевые, политинформаторы, политсекторы и т.п., это была такая форма демократии). Но всегда было одно и то же: жесткий план, жесткое формальное исполнение и один неукоснительный мотив - «должна», без объяснений, без права на вопросы (хочешь - думай сам, а лучше - не думай, исполняй). Последняя мощная «раскрутка» маховика сталинских репрессий (кстати, тогда и в помине не было понятия и термина «репрессии», а все называли мужественно и патриотично: «беспощадная борьба с врагами нашего социалистического отечества») совпала с годами моего студенчества (1947-1951 гг.) - «дело врачей», «безродных космополитов». И снова эта грандиозная на всю страну политическая акция по разоблачению и уничтожению... напрямую коснулась нас, наших личных друзей и глубоко чтимых в студенческой среде преподавателей, ученых, профессоров, кафедр, научных школ и направлений. Невозможно было поверить в то, что писали в газетах о евреях. Мы были интернационалисты - и не чувствовали расизма даже на бытовом уровне. Наши университетские «евреи» были самые большие умницы. Среди преподавателей немало было людей бесцветных, случались ортодоксы, но в большинстве своем интеллигенты в высоком смысле и профессионалы - фамилии тогда для нас ничего не значили, мы просто их не различали по нацпризнаку: почти всех мы любили, кого-то обожали, перед некоторыми преклонялись. Всеобщим любимцем был Е.И.Покусаев. Он вел у нас курс русской литературы XIX века, молодой доцент, успевший отвоевать и легко вписаться в мир вузовской жизни и науки - талантливый, искрометный импровизатор, увлекательный рассказчик и лектор, замечательный, веселый человек и педагог. Уже в 60-е годы он стал одним из ведущих в стране специалистов по творчеству Салтыкова-Щедрина и Чернышевского, автором ряда известных трудов по русской литературе XIX века. А тогда, в конце 40-х годов он поражал нас разбросом своих знаний и научных интересов. Однажды он, как руководитель моей дипломной работы по советской поэзии, проделал со мной фокус, преподавал класс высшего пилотажа в педагогике: на одной из консультаций битых два часа, что называется, громил мой «опус» (почти готовую, как я полагала, работу), не оставив «камня на камне», а в итоге я выпорхнула из его кабинета сияющая и окрыленная, с неописуемым зарядом энергии, желая немедленно зарыться заново в материал и все переделать, а главное - я точно знала, как. Это был гениальный урок критики, творческой и, несмотря на жесткость, с «человеческим лицом», урок на всю жизнь. От политических передряг и напастей, сотрясавших страну, Евраф Иванович был защищен броней военной биографии, своим мирным характером и любовью всего факультета - у него не было врагов, и он стал лучшим деканом за всю его историю, в известном смысле, его щитом, возможно, прикрывшим и Ю.Г.Оксмана. С 1923 года - профессор Петроградского (с 1924 г. - Ленинградского) университета, в 1933-1936 гг. зам.директора Пушкинского дома (ИРЛИ), уже известный к этому времени в стране пушкинист, редактор (вместе с М.А.Цявловским) Полного собрания сочинений А.С.Пушкина в 9-ти томах (1935-1938 гг.), которое готовилось к юбилею 100-летия поэта и на основе

которого было издано следующее академическое Полное собрание сочинений в 16-ти томах (1937 – 1949 гг.), литературный «соратник» и коллега по ЛГУ и Пушкинскому дому Б.В.Томашевского, он был арестован в 1936 году по известному «Ленинградскому делу» и после 10 лет лагерей освобожден без права прописки в столицах. Ему разрешено было поселиться в университетском г. Саратове, и с 1946 по 1957 гг. он - профессор СГУ им. Н.Г.Чернышевского. Лишь с 1958 г. - ст.научный сотрудник ИМЛИ им. Горького и москвич - в Ленинград он так и не вернулся. У нас на литфаке Ю.Г.Оксман появился в ореоле загадочности уже пожилым, 52-летним, очень грузным и усталым человеком, за год до моего приезда в Саратов, где после эвакуации в 1942 году из осажденного Ленинграда проживала его семья. До смерти Сталина и XX-го съезда КПСС было еще целое десятилетие, но я точно помню, что его репутация (политическая и человеческая) была безупречной в глазах студентов. Его «вес» и авторитет на факультете были высочайшие. Он не вел у нас основных курсов истории русской литературы (такова была политика), но читал спецкурс «Пушкин и его эпоха», вел семинар по Белинскому (за монографию «Летопись жизни и творчества В.Г.Белинского» позже он получил престижную премию им. Белинского), был членом Совета по защите диссертаций, Председателем студенческого Научного общества, вел дипломные работы, аспирантов, диссертации.

Присутствие на кафедре Ю.Г.Оксмана поднимало ее значимость до уровня ведущих научных учреждений страны. Каждое выступление, лекция, доклад собирали битком набитые аудитории, пропустить их было для нас стыдно и непростительно, как гастроль какой-нибудь знаменитости. Ему было трудно вести занятия стоя, лекции он читал сидя, да и кафедра ему была не нужна: никакими записями, даже и книгами он не пользовался (цитировал по памяти), в форме живого, завораживающего рассказа или истории, хронологически безукоризненно точно сменяющих одна другую как доподлинный свидетель или участник, день за днем, час за часом, с такими подробностями, раскопать которые мечтает любой историк литературы, биограф и летописец целых эпох, знаток, дотошный и зоркий бытописатель и чуткий психолог. Погружаясь в миры, воссоздаваемые одним лишь словом лектора, мы будто слышали гул голосов героев и творцов великой русской литературы, они оживали, от них невозможно было оторваться, как и от самой лекции, - записать ее было невозможно. Запомнился эпизод начала моего личного знакомства с Юлианом Григорьевичем на 3-м курсе: в список слушателей объявленного им спецкурса по Пушкину я записаться не успела (меня опередили более шустрые студенты), но я так потом упорно добивалась разрешения слушать его спецкурс, обивая пороги кабинетов (его собственного, зав. кафедрой, декана), что мне разрешили, и Ю.Г.Оксман меня запомнил, тем более, что я сидела всегда за столом первого ряда, и поставил мне вместо зачета в зачетку за спецкурс «отлично» автоматом. Позже, в следующем семестре, я занималась у него в спецсеминаре, работая над докладом «Белинский и Николай Полевой» (теперь с сожалением думаю, не очень-то блестяще, мешали подавленность его громадной эрудицией и трепет перед руководителем.). А еще позже он был моим оппонентом (тогда так называлось, солидно, рецензирование дипломных работ) на защите. Тот же трепет и робость помешали мне ближе, по-человечески узнать его: двери его дома были всегда открыты для его студентов и аспирантов, и они, как говорится, не «вылазили» из его кабинета, я же не могла, к несчастью.

Однажды Юлиан Григорьевич решительно «не посоветовал» мне братья за роман Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» (тогда только что отме-

ченного Сталинской премией и поднятого критикой до небес), предложенный мне преподавателем советской литературы для доклада на научной студенческой конференции («ругать нельзя - хвалить не за что»). Его вмешательство как руководителя НСО тогда для меня очень много значило и, возможно, повлияло на мой выбор впоследствии для диссертационного исследования прямо противоположной писательской фигуры, совершенно другого уровня и судьбы.

Конечно, мы глубоко читали и А.П.Скафтымова, зав.кафедрой русской литературы, преподавателя по XIX веку и истории критики. Студенты знали его биографию лучше, чем всех других преподавателей, - он был университетской «легендой». Профессор СГУ с 1921 г., дворянин по происхождению, окончивший еще до революции Варшавский университет, с 1947 г. - Заслуженный деятель науки, он был образцом глубокого академического ученого и человеком чести и воспитанности в старинном смысле этих понятий. Его благородная внешность, прекрасная седая грива, интеллигентность манер в общении со студентами и студентками подчеркивали врожденный аристократизм Александра Павловича и, несомненно, «очеловечивали» разношерстную гремучую толпу студиязов-филфаковцев, смягчали духовную атмосферу и политические «нравы» на факультете и, наверное, на кафедре. На нашей памяти здесь не поощряли, не жаловали карьеристов, «барабанщиков» от политики, самодовольную серость и юркость, так могли посмеяться над ними в огромной по длине («многоверстой») факультетской стенгазете, невзирая на лица (и над преподавателями), что и сегодня кажется отчаянной смелостью, вызовом времени.

Старались не пропускать лекции по зарубежной литературе доцента М.Н.Бобровой. Студенты ценили их содержательность, но еще более редкую свободу и нетрадиционность интерпретаций, помноженные на яркость индивидуальности, «штучность» здоровой человеческой раскованности. Ее броская, яркая внешность уверенной в себе женщины, ироничность и в особенности склонность к раблезианскому смеху над тем, что привычно пакуется в лицемерное ханжество либо пошлость, остро импонировала студенческой аудитории первых послевоенных лет. Например, Мария Нестеровна могла «поиграть» художественными деталями, анализируя знаменитый роман Франсуа Рабле, на грани дозволенного приличиями, однако не впадая в цинизм, рассуждать в течение 10-ти минут о размерах и достоинствах гульфика Гаргантюа, вызвав в конце концов взрыв смеха изнемогающих, ошеломленных дерзостью лектора слушателей (может, это был сознательный прием психотерапии и адаптации к мирной жизни наших ребят-фронтовиков). Тогда, в те «строгие» времена, легко было получить в личной характеристике в обязательном заключительном пункте о моральной «устойчивости» - «не устойчив», что означало политическую и гражданскую смерть (стать безработным, «невъездным» и т.д.). Но «чаша сия» ее минула: она сама была фронтовичка и мать сына-летчика, погибшего на войне.

Думаю, все это вместе взятое, а главное - люди, которые стояли в капитанской рубке, наши преподаватели, ученые, помогло факультетскому кораблю вырваться из накрывшей страну новой послевоенной волны репрессий: люди исчезали, но на филфаке тогда не было политических «кампаний» и тех знаменитых «собраний».

Кампания против наших домашних «вейсманистов-морганистов», генетиков, информатиков, компаративистов, массовые собрания в студенческих аудиториях по отработанному сценарию 37-го года (разоблачить, заклеить, вынес-

ти «приговор» народа) не прошли, но все же генетиков на биофаке разогнали, аспирантуру по соответствующим кафедрам прикрыли.

Моя самая большая подруга по университету биолог Ирина Хохулина («ушибленная» генетикой) лишилась научного руководителя, закрыли ряд исследовательских тем и спецсеминаров на нашем филологическом факультете. Пострадали в прямом смысле слова и некоторые наши товарищи из студентов. Особенность набора курсов 45, 46, 47 годов была в том, что вместе с нами, десятиклассниками, пришли фронтовики, отвоёвывавшие или отлежавшие по госпиталям свои сроки, демобилизованные «вчистую» довоенные школьники и те, кто уже в первые годы войны, не окончив школу по призыву или добровольно ушли в военные училища, на курсы медсестер или сразу на фронт. Это был народ взрослый, «обстрелянный», не нам, вчерашним школьникам, чета. Тогда, в 37-38 гг. они были еще защищены статусом «детей», по лозунгам того времени «единственного привилегированного класса». Теперь они «созрели», и настал их черед идти «под нож» во имя защиты «высших идей», война и без того задержала «жатву». Сколько тогда хороших людей вновь были «взяты». И наши были не из последних. Помню, что очень было жаль Сашу Бережного, старосту группы. Жаль было и хороших наших товарищей из студенческой братии, ребят из стран народной демократии, венгров, румын. Дома они успели повоевать с фашистами, стали молодыми коммунистами, приехали к нам на филфак учиться по путевкам своих горкомов, обкомов. Но мало кому дали закончить вуз: в разные сроки они уехали домой на каникулы и не вернулись: Лайош Надь, Карел Пушкеш, Ференц Варош и другие. Ференц был пассией всех девчонок нашей комнаты □ б в студенческом общежитии - и это был тот случай, когда мы точно знали, чем кончится его роман с нашей Милочкой Анохиной из г. Астрахани, где служила ее мама, капитан НКВД. Связи с иностранцами по-прежнему были проблематичны, несмотря на то, что после присуждения «Буре» Ильи Эренбурга Сталинской премии вождь, которому книга понравилась, подписал указ об отмене железного запрета на браки с иностранцами.

Химеры той кампании, вызвавшие новые политические процессы, аресты, расстрелы, крушения репутаций, новые гулаговские «потoki», были остановлены смертью Сталина в 1953 г., но еще долго давали о себе знать. В моей личной судьбе это отозвалось на выборе в 50-е годы темы кандидатской диссертации. Еще в студенческие годы я, в связи с работой над дипломным сочинением на тему: «Поэзия в годы Великой Отечественной войны на газетной полосе. Старые и новые имена», увлеклась ранним творчеством и поэзией Эренбурга. А после окончания вуза начала им всерьез заниматься. Но найти научного руководителя на свою тему мне все не удавалось. Никто не желал братья за писателя, имя которого в годы Великой Отечественной войны не сходило со страниц печати, голос которого звучал на всю страну по радио чуть ли не ежедневно, публициста-антифашиста, единственное оружие которого было талантливое снайперское слово (сам Гитлер ненавидел Эренбурга и называл его личным врагом □ 1), но который после войны оказался в эпицентре безумия «разоблачительства», уж очень удобен был в качестве объекта: крупный русский писатель, никогда не был «карманным» проводником «линии партии», с широкими связями в европейском мире, он вновь оказался номером первым, но теперь по другую сторону баррикад - как чуть ли не главный космополит страны, да еще той самой национальности. Мне прямо сказали: тема (писатель!) «не проходная», надо бросить. В дело вмешался мой зав.кафедрой литературы А.Ф. Поляков, который убедил меня, что в этой ситуации (драматической для меня

потери времени) и исходя из острой потребности кафедры целесообразнее изменить профиль кандидатской подготовки и заняться методикой преподавания литературы. На новую тему диссертационного исследования я вышла самостоятельно, обнаружив, что один из самых сложных и интересных ее периодов - начало XX века, два первых десятилетия - не изучены и не отражены адекватно даже в капитальных трудах профессора Я.А.Ротковича, первого и крупнейшего историка методики преподавания литературы, в стране. Меня увлекла возможность углубиться в неисследованный опыт «поттебнианской методики», в оценке которой существовали принципиальные разногласия. При неугасающем интересе языкознания, литературоведения, методики преподавания литературы к «психологической школе» А.А.Потебни, которая занимала несомненно господствующее положение в русской науке начала века и сыграла громадную роль в исследовании художественно-психологических процессов речевого и литературного творчества, а также восприятия их «продуктов» - слова и художественного произведения, официально «поттебнианство» с позиций марксизма-ленинизма отвергалось как буржуазная, идеалистическая теория и было похоронено в советской науке. А между тем «живые» идеи «поттебнианства» не умирали, просачивались подспудно, в том числе и в практику преподавания литературы в форме «новых», «творческих», «авторских» приемов, развивающих воссоздающее воображение, эмоционально-образное мышление, творческие способности учащихся (устное словесное рисование, инсценирование, иллюстрирование и другие известные и популярные в 10-20-е годы и вновь возродившиеся в 70-90-е годы XX века игровые приемы). Глубокий интерес исследователей А.А.Потебни и Д.Н.Овсяннико-Куликовского к психологии мышления и речи, психологии художественного творчества и восприятия «развернул» методику преподавания словесности к поиску решений принципиальных проблем специфики эстетического познания, литературного чтения и анализа, путей и «технологий» приобщения школьников к художественной литературе как искусству слова. Тогда, в начале века, был совершен кардинальный переворот в методическом мышлении словесников, вызвавший настоящую апологию творчества как основу школьных занятий литературой. При жизни мало кому известное имя А.А.Потебни в начале нового века становится своего рода «знаменем» целого научного и научно-методического движения в России. Особый интерес литературоведов к его трудам на протяжении всего XX века связан с разработкой проблем поэтики и исследованием природы художественной образности.

В 1910 году Андрей Белый, называя Потебню «гордостью русской науки», предлагал ему место рядом с Менделеевым, Лобачевским, Мечниковым. Опоязовцы (Ю.Н.Тынянов, Б.М.Эйхенбаум, Р.О.Якобсон, Б.Н.Томашевский, Ю.Шкловский) чтит Потебню. Журнал «ЛЕФ» в 1923 году восторженно писал о «революционном сдвиге» в сознании современных исследователей под влиянием нового учения о языке А.А.Потебни. Академики А.И.Белецкий, В.В.Виноградов, проф. Т.О.-Винокур, А.В.Чичерин, а затем и М.М.Бахтин, П.В.Палиевский и другие опирались на его фундаментальные исследования. А между тем имена поттебнианцев, само понятие «поттебнианская методика» были исключены из научного оборота, просто не упоминались. Это было несправедливо и не «по-хозяйски». Это надо было исправить. Я занималась поттебнианцами, литературоведением и методикой, отчасти языкознанием и философией начала века с большим увлечением.

В начале 70-х годов большая работа была в основном готова. Но без поддержки и помощи профессоров Якова Антоновича Ротковича, З.Я.Рез, М.Г.Качу-

рина, Т.Г.Браже, выдающихся методистов Ленинградской и Куйбышевской научных школ, мне вряд ли удалось бы довести дело до благополучной защиты - до начала «перестройки» было еще долгое десятилетие жесточайшего господства в гуманитарных науках «единственно научного» марксистско-ленинского метода, который в годы его насаждения и утверждения сломал не одну человеческую и научную судьбу.

Один из теоретиков «поттебнианской методики», о котором Я.А.Роткович писал, что он «в течение многих лет... был в центре методического движения поттебнианства», а академик Д.С.Лихачев, - что «от старой филологической науки» (домарксистской - М.К.) он «усвоил тонкость и скрупулезность анализа» и, обладая «острым и внимательным глазом филолога («поттебнианца» - М.К.), умел добираться «до корней» литературного явления, в письме к Ротковичу от 8 марта 1957 г., заметил по поводу собственного пути в науке в советские времена: «Вы пишете, что М.А.Рыбникова (один из основоположников советской методики литературы - М.К.) прошла сложный жизненный и творческий путь... а кто его не прошел из людей нашего поколения, оказавшегося между молотом и наковальней беспощадного времени... Вот вам и «поттебнианец» (Из семейного архива проф. Ротковича. г.Самара).

Однако все это стало частью моей жизни гораздо позже. Тогда же, в середине 50-х, приехав в Ишим, мы две недели жили с детьми в одном из 14 номеров единственной городской гостиницы на углу ул.Пономарева и Советской, в верхнем деревянном этаже длинного каменного дома старой амбарной кладки (недавно снесенного), потом нас поселили в нижнем этаже углового флигеля (ул.Ленина) на территории пединститута, где мы никак не могли привыкнуть к 80-ти сантиметровым подоконникам, тяжелым каменным стенам и узкой, напоминающей келью комнате. Наше первое жилище, которое уже можно было назвать квартирой, из одной большой (зальной) комнаты, перегороденной надвое, на ул.Чкалова, 10, по ишимским тогдашним меркам казалось роскошным, хотя и с печным отоплением, водопроводной колонкой за 2 квартала и «удобствами» в дворовом «птичнике». Мы поселились в верхнем этаже просторного дома из четырех квартир и каменного полуподвала, где проживали еще три семьи (ныне снесенного Ишимским пивзаводом), с высокими лепными потолками, огромным венецианским окном общей кухни, двойным коридором с большими окнами и высокими тяжелыми дверями, в доме, как нам говорили, хозяина типографии, расположенной почти напротив, через дорогу), в котором после революции какое-то время находился Горком комсомола. Места нам хватало (мебели, кроме кроватей, двух столов и книжных полок на всю стену-перегородку, не было), соседи не мешали, до института и детсада □ 1 десять минут хода. Мы любили наш теплый и светлый деревянный дом, похожий на особняк, свою короткую, но тихую чистенькую и уютную улицу (одним концом она завершалась тупиком, вторым упиралась в городской парк, в те времена густой, тенистый, просто великолепный, с высоченными деревьями и узкими аллеями), где наши подрастающие дети гоняли на велосипедах... Все нас по молодости лет устраивало - мы впряглись в работу. Работа, институт стали на многие десятилетия основным содержанием нашей жизни. Институтские, кафедральные дела - на первом месте, домашние - на втором. Все личное заполнено заботами работы, и только потом семьи, дома - таков был дух и стиль тогдашней жизни.

(Окончание следует).

Вкратце об авторах

1. Калинина Мария Федоровна, профессор Ишимского государственного педагогического института им.П.П.Ершова, кандидат педагогических наук. Автор статей, посвященных Ершову, и книги «Жизнь и творчество П.П.Ершова. Семинарий».

2. Коньков Николай Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Тобольского государственного педагогического института им.Д.И.Менделеева. Автор статей по региональной метрологии и развитию торговли в сибирских городах XIX столетия.

3. Копылов Виктор Ефимович, доктор технических наук, профессор Тюменского нефтегазового университета, создатель и научный руководитель Музея истории и техники Зауралья при Тюменском нефтегазовом университете. Автор десяти книг краеведческой тематики.

4. Крамор Геннадий Андреевич, студент института культуры г.Тюмени, автор статей, посвященных проблемам регионального искусства, член общества по охране памятников истории и архитектуры «Собор».

5. Кузурманов Георгий Петрович, краевед, коллекционер, фотограф. Автор статей и заметок по истории города Ишима.

6. Курышев Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук ИГПИ им.П.П.Ершова, автор ряда работ по истории сибирского крестьянства, Гражданской войны в Западной Сибири и Северном Казахстане, сибирской периодической печати времен Гражданской войны.

7. Лебедева Наталья Ивановна, искусствовед архитектурно-реставрационной мастерской при областном комитете по культуре и искусству. Занимается проблемами архитектуры Урала и Западной Сибири и изучением христианства в Урало-Сибирском регионе.

8. Малышев Владимир Николаевич, учитель истории средней школы ст.Маслянской Сладковского района Тюменской области, создатель школьного музея. Автор многочисленных статей по истории Приишимья, а также книги «Земля Сладковская». - Тюмень, 1998.

9. Маракулина Ольга Николаевна, научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Автор краеведческих статей на страницах «Ишимской правды».

10. Проскуракова Надежда Леонидовна, старший научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Тематика исследований: Ишимская Никольская ярмарка, крестьянское восстание 1921 г., культура края. Автор сценариев документальных фильмов по истории Ишима и Приишимья. Член городского общества по охране памятников истории и архитектуры «Собор».

11. Романюта Ольга Николаевна, научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Автор статей по литературному краеведению и истории ишимского театра.

12. Савченкова Татьяна Павловна, кандидат филол. наук, доцент кафедры литературы ИГПИ им.П.П.Ершова. Автор научных и популярных статей по литературному краеведению, истории сибирской архитектуры. Редактор ряда краеведческих сборников и альманаха «Коркина слобода». Член городского общества по охране памятников истории и архитектуры «Собор».

13. Филь Сергей Генрикович, заведующий отделом польской культуры ТОК-МЦНКиНТ, вице-президент Конгресса Поляков в России. Автор сценариев документальных фильмов и создатель музея о поляках Тюменского края. Автор книг: «Na Syberyjskim trakcie». - Warszawa, 1999 и «Губернские римско-католические храмы Тобольска (1847 - 2000 гг.)». - Тюмень, 2000, а также множества статей. Основная тема исследований - 400-летняя история поляков в Сибири.

14. Фролов Леонид Васильевич (1957 - 2000), врач железнодорожной больницы ст.Ишим, краевед, участник региональных культурологических и краеведческих конференций. Круг научных интересов - история железной дороги, ишимская храмовая архитектура, география края. Автор большого количества публикаций на страницах местной периодической печати, член общества по охране памятников истории и архитектуры «Собор». Статья «Ишимская краеведческая легенда - явление провинциальной культуры» написана в 1998 г.

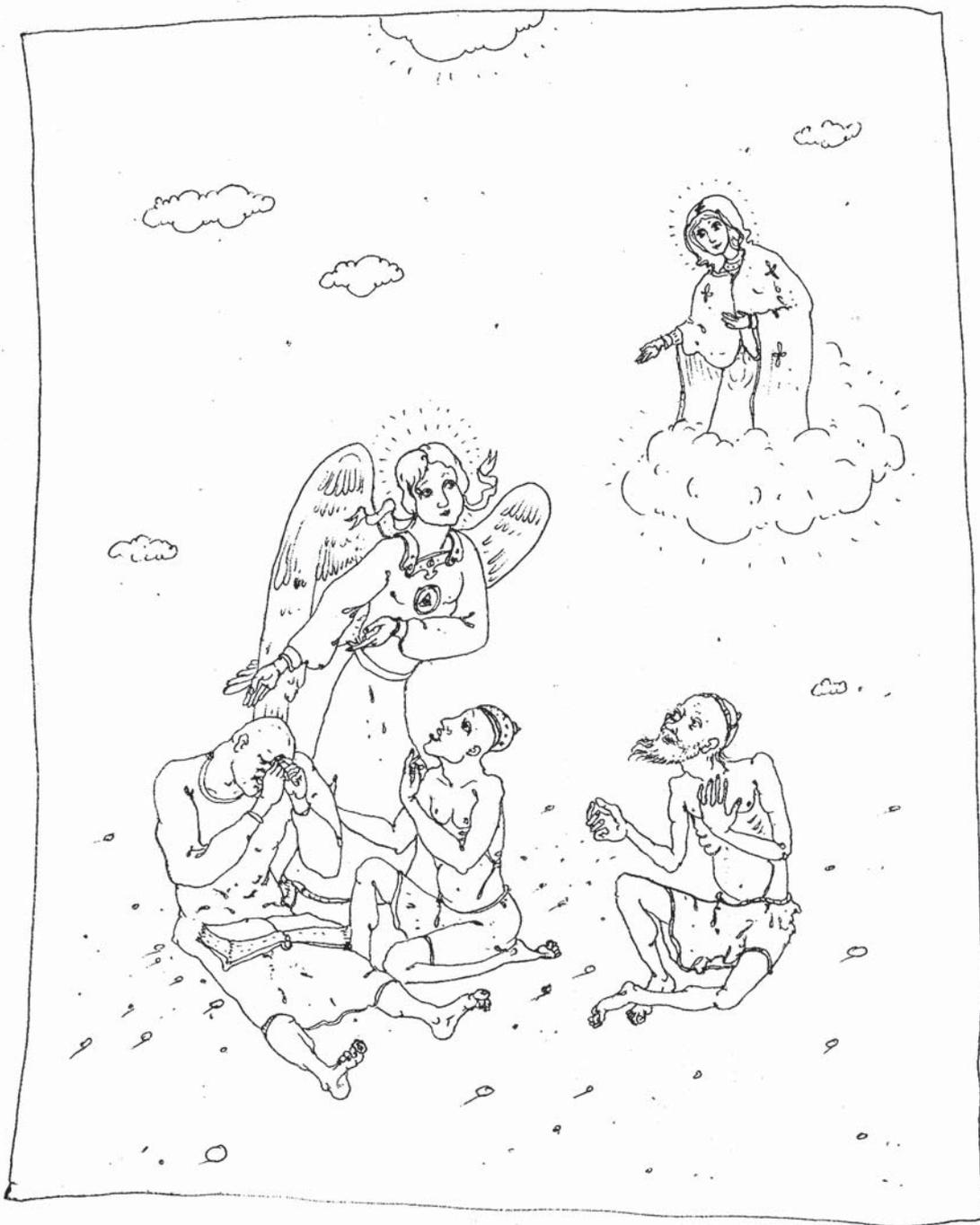
КОРКИНА СЛОБОДА.
Историко-краеведческий альманах.
Выпуск 3.

Художник: Р. Симанов.

Вёрстка: И. Емельянова.

Издательская лицензия ЛР № 020036 от 22.11.1996 г.

Набрано, сверстано и отпечатано в ДГУП «Ишимская типография» ГУП ТО «ТИД».
ул.Чкалова,17. Заказ № 170. Формат 60x84 1/8. Тираж 999 экз.
Объем 18,6 усл.п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Лазурская». Подписано в печать 24.09.2001 г.

Ангел Утешающий. Рис. Р.Симанова.

